

ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2020 7 (836)

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

1930

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2020

7

выпуск 836

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

1930

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

HUMANITIES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2020

7

Issue 836

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)

Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Васильюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАН, д-р техн.
наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Мальгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.

Порохницкая Л. В., д-р филол. наук
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик Э. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Алимова А. Д.

Общее определение несобственно-прямой речи
с точки зрения гуманитарных наук как предпосылка
переводоведческого исследования 11

Асеева Н. А.

Мультиэтнический язык молодежи как новый регистр
шведского языка 22

Горожанов А. И.

Результаты внедрения институциональной обучающей виртуальной
среды в ФГБОУ ВО МГЛУ 33

Демьяненко М. А.

Влияние картины мира родного языка переводчика на восприятие им
иноязычного текста и его перевод 44

Дидык Б. В., Фахретдинова Э. А., Лешин А. Г.

Семантика понятий «офицер» и «officer» в наименованиях составов
военнослужащих ВС РФ и категорий военнослужащих ВС США 53

Иволгина А. И.

Передача стилистически сниженной лексики в синхронном переводе
политического дискурса с русского языка на английский 65

Коломиец Н. А.

Роль концептуальной метафоры в создании фреймовых структур
в политическом дискурсе нидерландского языка 75

Коньшина Ю. И., Вернослава Е. И.

Лингвистические средства выражения разных видов информации
о ребенке в работе Дж. Дьюи «The Child and the Curriculum» 88

Кузнецов А. В., Писанова Т. В.

Классификация журналистских жанров в Испании и России:
независимые пути к единому подходу 102

<i>Лаптева О. Е.</i> Семантика лексемы «idade» – архилексемы лексико-семантического поля «возраст» в португальском языке	113
<i>Макарова С. А.</i> Анафорические отношения в английском языке при неполном тождестве референтов	122
<i>Махортова В. А.</i> Моделирование индивидуально-авторской картины мира и теория текстовых миров как подходы к изучению ментальных аналогов художественного текста	134
<i>Овагимян Н. А.</i> Некоторые особенности функционирования метафоры в научно-популярном дискурсе (на материале англоязычных научно-популярных фильмов)	144
<i>Павлова Л. П.</i> Влияние артикля на значение имен собственных в нидерландском языке	156
<i>Полищук А. И.</i> Географический словарь «Сохан» и его использование при обучении персидскому языку и переводу	168
<i>Серозеева Д. Н.</i> Вербальные и невербальные приемы политической дискредитации	180
<i>Терешко Е. В.</i> Особенности фразеологизмов с зоонимами в нидерландском языке	194

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Сойни Е. Г.</i> Интеллектуальная ветвь поэзии финского модернизма	206
<i>Морозова С. Н., Жаткин Д. Н.</i> К. И. Чуковский о юморе в произведениях М. Твена	218

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Великолуг Л. В.

Лингвокультурологический анализ прецедентных феноменов
как способ формирования межкультурной коммуникативной
компетенции 231

Касюк А. Я.

Духовно-нравственные ценности и идеалы как элементы
национальной безопасности государства 242

Соколова Е. Н.

Культурные отражения: консерватизм и прагматизм
английской традиции в русской культуре начала XIX века 255

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Alimova A. D.</i> General Definition of Free Indirect Speech from the Viewpoint of Humanities as a Prerequisite for Research in Translation Studies	11
<i>Aseeva N. A.</i> Multiethnic Youth Language as a New Register of the Swedish Language	22
<i>Gorozhanov A. I.</i> Results of Implementation of Institutional Educational Virtual Environment at MSLU	33
<i>Demyanenko M. A.</i> The Worldview of the Translator's Mother Tongue and Its Influence on Understanding Texts in a Foreign Language	44
<i>Didyk B. V., Fakhretdinova E. A., Leshin A. G.</i> Interpretation of the Concept «Officer» in the Denomination of the Russian and the US Military Personnel Categories	53
<i>Ivolgina A. I.</i> Rendering Colloquial Lexical Units from Russian into English in Conference Interpreting of Political Discourse	65
<i>Kolomiets N. A.</i> The Role of Conceptual Metaphor in the Creation of Frame Structures in Political Discourse in Dutch	75
<i>Konshina J. I., Vernoslova E. I.</i> Linguistic Means Expressing Information about a Child in John Dewey's Paper «The Child and the Curriculum»	88
<i>Kuznetsov A. V., Pisanova T. V.</i> Classification of Journalistic Genres in Russia and Spain: Independent Solutions and Consistent Approach	102

<i>Lapteva O. Ye.</i>	
Semantics of “Idade” – Archilexeme of the Lexical Semantic Field “Idade” in the Portuguese Language	113
<i>Makarova S. A.</i>	
Anaphoric Relations in English Based on Partial Equivalence of Referents	122
<i>Makhortova V. A.</i>	
Modeling an Author’s Individual Worldview and the Text Theory Method as Possible Approaches to the Study of Mental Analogues of Literary Text	134
<i>Ovagimian N. A.</i>	
Some Features of Metaphor Functioning in Popular Science Discourse (based on popular science films in English)	144
<i>Pavlova L. P.</i>	
The Article and the Meaning of Proper Nouns in Dutch	156
<i>Polishchuk A. I.</i>	
The Sokhan Geographical Dictionary and Its Application for Translation and Teaching Persian	168
<i>Serozeeva D. N.</i>	
Verbal and Nonverbal Methods of Political Discreditation	180
<i>Tereshko E. V.</i>	
Phraseological Units with Zoonyms in Dutch: Specific Features	194

LITERARY STUDIES

<i>Soini H. G.</i>	
The Intellectual Branch of the Finnish Modernistic Poetry	206
<i>Morozova S. N., Zhitinkin D. N.</i>	
K. I. Chukovsky about Humor in the Creative Works of M. Twain	218

CULTUROLOGY

<i>Velikolug L. V.</i>	
Linguocultural Analysis of Precedent Phenomena as a Method of Developing Intercultural Communicative Competence	231

<i>Kasyuk A. Ya.</i>	
Spiritual and Moral Values and Ideals as Components of National Security of the State	242
<i>Sokolova E. N.</i>	
Cultural Reflections: Conservatism and Pragmatism of English Tradition in Russian Culture Beginning of XIX Century	255

УДК 81'25

А. Д. Алимова

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания,
преподаватель кафедры английского языка как второго иностранного,
переводческий факультет, Московский государственный лингвистический
университет; e-mail: alimovaad@gmail.com

ОБЩЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК КАК ПРЕДПОСЫЛКА ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются взгляды ученых – представителей различных гуманитарных дисциплин, в частности философии, эстетики, литературоведения, психолингвистики, лингвостилистики и собственно лингвистики – на сущность несобственно-прямой речи. В результате проведенного обзора научных работ было сформулировано наиболее общее определение несобственно-прямой речи, которое может послужить основой для выявления приема в тексте и способов его передачи при переводе произведений художественной литературы.

Ключевые слова: несобственно-прямая речь; перевод; переводоведение; лингвистика; междисциплинарный подход.

A. D. Alimova

Postgraduate student, Department of General and Comparative Linguistics;
Lecturer, Department of English as a Second Foreign Language,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University;
e-mail: alimovaad@gmail.com

GENERAL DEFINITION OF FREE INDIRECT SPEECH FROM THE VIEWPOINT OF HUMANITIES AS A PREREQUISITE FOR RESEARCH IN TRANSLATION STUDIES

The article examines views of scholars representing such fields of study as philosophy, esthetics, literary studies, psycholinguistics, linguo-stylistics and linguistics proper, on the essence of free indirect speech. As a result of the overview provided, free indirect speech has been defined in a most general way that can form a basis for detecting this stylistic device in literary texts and translating it.

Key words: free indirect speech; free indirect discourse; translation; translation studies; linguistics; interdisciplinary approach.

Введение

Несобственно-прямая речь (далее НПР) – один из основных структурных компонентов современного художественного произведения. Мнения ученых относительно времени появления данного художественного приема расходятся: от существования элементов НПР в памятниках античности и библейских текстах (Б. Макхейл) или в древнерусской литературе (Б. А. Успенский) до возникновения приема в начале XIX века (Н. Д. Молдавская). Такое разнообразие гипотез, вероятно, связано с тем, какие языковые черты приема рассматриваются как характерные признаки, позволяющие говорить о возникновении именно этой формы передачи чужой речи. Однако исследователи сходятся во мнении, что наиболее широкое распространение прием получил в художественной литературе XX века, из чего можно заключить, что именно в это время НПР окончательно оформляется как художественный прием и начинает играть важную роль в построении произведений. В связи с этим возникает необходимость выявления закономерностей передачи данного приема при переводе. Однако, прежде чем говорить о переводе данного явления, следует понять его сущность.

В рамках данной статьи будут рассмотрены взгляды представителей различных гуманитарных наук на сущность НПР, на основе чего будет предпринята попытка дать НПР наиболее общее определение, независимо от языка произведения, в котором данный прием может встретиться. Такое определение – первый шаг на пути к дальнейшему выявлению особенностей НПР, обусловленных типологическими различиями языков (в нашем случае – английского и русского), которые, в свою очередь, играют важную роль при передаче НПР при переводе.

Понятие НПР в лингвистике и других областях гуманитарного знания

Ряд идей, приближающих нас к пониманию сущности НПР, был высказан философами различных школ и направлений, которые, хотя напрямую и не писали об особенностях данного приема, занимались философскими вопросами языка и искусства. Так, основатель философской герменевтики Г.-Г. Гадамер полагал, что суть герменевтической мысли достаточно точно передает наблюдение И. В. Гете,

согласно которому «всё есть символ», всё указывает на нечто другое, а для того чтобы это нечто другое увидеть, необходимо приложить определенные усилия. При этом Г.-Г. Гадамер пишет, что символ – это «единство намека и утаивания» [Гадамер 1991, с. 295, 300]. Исходя из этого утверждения, можно заключить, что НПР тоже представляет собой подобное единство: автор и «намекает» читателю, что речь принадлежит персонажу, и «утаивает» это, не используя никаких средств, эксплицитно указывающих на ее «авторство».

Подобная мысль звучит и в трудах А. Ф. Лосева, который писал, что любой живописный образ будет иметь три стороны: внутреннюю, внешнюю и третью, в которой две другие совпадают [Лосев 1997, с. 359]. Таким образом, если говорить об НПР, внутренняя сторона, которую читатель не может воспринять с помощью органов чувств, указывает на то, что прием передает мысли или слова персонажа, внешняя – языковая сторона – указывает на то, что формально это слова автора, а третья сторона представляет собой совпадение двух других и образует сам прием.

Таким образом, в работах по философии высказан ряд идей, приближающих исследователя к пониманию сущности НПР как некоторого образа, особый характер взаимодействия сторон которого способствует созданию эффекта завуалированности и неявного «авторства».

Данные идеи находят свое развитие в «эстетике словесного творчества» М. М. Бахтина, который отмечал совмещение в приеме синтаксических признаков авторской речи и экспрессивности речи персонажа, т.е. НПР – это не что иное, как «внутренняя речь [героя] в упорядоченной авторской передаче» [Бахтин 1975, с. 132]. Хотя М. М. Бахтин в таком ключе описывает «разноречие» в творчестве И. С. Тургенева, данное определение, как представляется, может быть отнесено к НПР вообще, а не только к функционированию приема в творчестве отдельного писателя. Кроме того, М. М. Бахтин отмечает, что НПР – одно из средств гибридации (авторский термин): границы, разделяющие текст автора и текст персонажа, стираются, тем самым способствуя «взаимному заражению» и «переплескиванию» речей [Бахтин 1975, с. 133].

При этом, по мнению представителя психологической эстетики Т. Липса, в повествовательной литературе (в частности, в НПР как повествовательном приеме) автор отходит на второй план, чтобы

позволить читателю непосредственно понаблюдать за психической жизнью персонажа посредством объективирования, соотнесения элементов мыслей и чувств персонажа с собственными переживаниями [Липпс 2006, с. 4, 19]. Иными словами, благодаря отсутствию прямого указания на то, что высказывание персонажа передается автором опосредованно, читатель воспринимает НПП как некое средство объективной передачи чувств и мыслей персонажа.

Обобщая приведенные выше идеи представителей эстетики, считаем нужным отметить, что НПП с позиций данной дисциплины рассматривается преимущественно с точки зрения ее восприятия читателем, а также функционирования в художественном произведении: НПП передает внутренний мир персонажа, который воспринимается читателем как объективная данность в силу возникающей «гибридизации» и соотнесения переживаний персонажа со своими собственными.

В литературоведении получила развитие высказанная представителем тартуско-московской семиотической школы Ю. М. Лотманом идея о том, что в произведениях художественной литературы непосредственность сюжета и разговорная простота языка достигаются с помощью введения, помимо точки зрения автора, точки зрения персонажа, которая нередко выражаются в мыслях последнего, то есть косвенно, что приводит к усложнению структуры текста [Лотман 1998, с. 211–212]. Одним из способов такого усложнения можно считать и НПП, которая передает точку зрения персонажа не напрямую, а с помощью ряда языковых черт, присутствующих в приеме и так или иначе указывающих на то, что описанные мысли или переживания принадлежат персонажу.

Эта же мысль фигурирует и в работах Б. А. Успенского, который подчеркивает особый характер НПП, – данный прием подразумевает речевую интерференцию, совмещение точек зрения автора и персонажа в рамках одной фразы [Успенский 1995, с. 51–54], или же в терминологии Л. А. Соколовой – совмещение субъектных планов. При этом читателю понятно, что автор передает внутренний мир персонажа, благодаря использованию им особой «фразеологии» – слов и выражений, передающих точку зрения персонажа [Успенский 1995, с. 108]. Кроме того, по мнению Б. А. Успенского, в приеме объединяются прямая и косвенная речь, в каждую из них с помощью ряда операций можно перевести НПП (Б. А. Успенским не рассматривается потеря

экспрессивности при переводе НПР в косвенную речь). При этом ученый пишет, что в ряде случаев определить границы НПР довольно просто: можно взять в кавычки некоторые слова или ввести данный отрывок с помощью «слов-кавычек» [Успенский 1995, с. 51–54]. На современном этапе исследования НПР сходная идея была предложена нидерландским ученым Э. Майером, по его мнению, НПР строится на основе включения в авторский текст слов и выражений, принадлежащих персонажу, – элементов его прямой речи, которая не заключена в кавычки. При необходимости автор как бы закрывает цитату, ставит в формы, соответствующие общей канве повествования, местоимения и глаголы (изменяя лицо и время) [Maier 2015, с. 365–371].

В рамках нарратологического, т.е. связанного с теорией повествования, подхода к анализу текста НПР рассматривается как один из наиболее ярких примеров смешения голоса автора и голоса персонажа (Ж. Женетт), наложения одного на другой (Д. Кон), интерференции повествовательного текста и текста персонажа (В. Шмид) или же двойственной субъективности (Э. Рундкист). Рассуждая о языковой стороне НПР, французский литературовед Ж. Женетт писал, что свойственная НПР независимость достигается в результате уменьшения количества изъяснительных придаточных предложений, транспозиции временных форм и устранения при передаче слов и мыслей персонажа глаголов речи. Благодаря этому создается эффект неопределенности, ведь читателю приходится задаваться вопросом, чьи это слова: автора или персонажа [Женетт 1998, с. 191, 193, 370].

Гораздо уже, чем Ж. Женетт и Б. А. Успенский, трактует НПР немецкий ученый В. Шмид, относя к сфере ее функционирования лишь восприятие и переживание устной речи другим персонажем или нарратором, а не передачу устной речи персонажа как таковой (хотя такие примеры описаны в ряде научных работ), в результате чего в НПР, в понимании этого явления В. Шмидом, отсутствуют вводящие слова, графическое маркирование и признаки, указывающие на принадлежность высказывания персонажу. Как следствие, возрастает персонализация повествования [Шмид 2003, с. 208, 222–224]. Американский ученый Б. Макхейл, также представляющий нарратологический подход, считает НПР самостоятельным способом передачи чужой речи, которую с прямой речью сближает дейксис, а с косвенной – лицо и время глагола [McNale 2011, с. 2].

О ряде других важных языковых черт НПР пишет австрийская исследовательница М. Флудерник. Она относит к чертам прямой речи, присутствующих в НПР, сохранение элементов экспрессивности и независимости синтаксиса, а к чертам косвенной – совпадение временного плана с речью нарратора, а также референциальную соотнесенность с ней, что позволяет, благодаря переключению перспективы с внешней на внутреннюю, автоматизировать переход от повествовательного текста к мыслям персонажа [Fludernik 1993, с. 72].

Английский литературовед Р. Паскаль, исходя из выделенных им характерных черт НПР, обосновывает использование для обозначения данного приема наиболее распространенного термина в англоязычном научном дискурсе – *free indirect speech*. *Speech* отражает основную цель использования приема – передачу слов и мыслей персонажей, *free* – относительную свободу синтаксиса и употребления временных форм, а *indirect* – употребление форм третьего лица (прослеживается аналогия с *indirect speech*, т. е. «косвенная речь») [Pascal 1977, с. 31–32]. При этом следует отметить, что в англоязычном научном дискурсе фигурируют и другие термины, акцентирующие внимание на иных характерных чертах НПР. К числу таких терминов можно отнести следующие: *free indirect discourse* (Б. Макхейл), *narrated monologue* (Д. Кон), *represented speech and thought* (Э. Бэнфилд) и другие.

Из рассмотренных выше взглядов на НПР с точки зрения литературоведения следует, что представители этой науки анализируют данный художественный прием как одну из разновидностей взаимодействия текста автора и текста персонажа, при этом пытаясь понять специфику данного взаимодействия и принципы разграничения текста автора и текста персонажа, а также выявить характерные черты НПР как художественного приема.

Отдельного внимания заслуживает проведенное в 2015 г. американским ученым Э. Кайсер исследование в сфере психолингвистики, в результате которого было установлено, что на переключение точки зрения в НПР указывают эпитеты (наподобие *that selfish idiot*) и выражающие эпистемическую модальность обстоятельства [Kaiser 2015, с. 360–361]. Данные показатели можно рассматривать как языковые черты, которые отвечают за реализацию в приеме голоса персонажа и по своей сути являются чертами прямой речи, поскольку с помощью эпитетов достигается экспрессивность разговорной речи,

а с помощью эпистемической модальности выражается отношение говорящего, т. е. персонажа, к некоторым событиям.

Таким образом, в психолингвистике НПР рассматривается в аспекте функционирования механизмов смены точки зрения. В результате психолингвистических исследований было установлено, какие языковые средства способствуют подобному переключению, т. е. ученые коснулись и вопроса языковой реализации данного художественного приема.

В трудах по лингвистике НПР в основном рассматривается с точки зрения ее языковых черт и экспрессивного потенциала, однако в ряде работ, особенно более ранних периодов, был затронут вопрос понимания сущности НПР. В целом данный прием, как и в литературоведении, рассматривается как некое взаимодействие голосов автора и персонажа, порождающее трудность установления «авторства» тех или иных слов. Так, на раннем этапе исследования НПР описывается метафорически: немецкий лингвист Т. Калепки характеризует НПР как «замаскированную», «завуалированную», «скрытую» речь, а немецкий романист Э. Лорк – как «пережитую речь».

Что касается отечественной лингвистики, Г. О. Винокур, например, рассматривает НПР как прием, в рамках которого в формально принадлежащую автору речь включается имитируемая речь персонажа, т. е. речь персонажа передается от имени автора [Винокур 1991, с. 59–60]. В дальнейшем эта идея развивается в трудах И. И. Ковтуновой и Е. Е. Беличенко, которая, впрочем, также использует для описания явления термин «речевая контаминация».

Ученые, исследующие НПР с точки зрения лингвистики и собственно лингвистики, также выделяют в НПР черты, совпадающие с характерными чертами прямой и косвенной речи. Так, по их мнению, НПР сближает с прямой речью интонация высказывания, наличие стилистически экспрессивных языковых единиц и синтаксические особенности построения предложения, а с косвенной – временные формы и лица глаголов (А. Тоблер; О. Есперсен; М. П. Брандес; Е. В. Падучева). Кроме того, советский филолог В. В. Виноградов отмечает, что лексическая сторона НПР характеризуется многозначностью слова, которая является следствием «субъектной многоголосоности» произведения и предполагает наличие у слов множества смыслов, реализуемых в контексте [Виноградов 1941, с. 86]. То есть можно

предположить, что описанная ученым многозначность как раз и является одним из тех лексических средств, которые способствуют созданию эффекта неопределенности и завуалированности, на котором строится НПР. В «Словаре лингвистических терминов» Т. В. Жеребило к числу признаков НПР, сближающих прием с косвенной речью, относится также бессоюзная связь в сложном предложении [Жеребило 2010, с. 218].

Изучая НПР, лингвисты обращаются в первую очередь к языковой реализации данного художественного приема, выявлению как наиболее общих характерных для него языковых черт, так и его структурных особенностей в том или ином языке.

Однако, несмотря на существование у НПР ряда характерных черт, распознавание данного приема в тексте всё же представляет определенную трудность. Как отмечает Б. Макхейл, данный прием не имеет присущих исключительно ему черт, поэтому на присутствие в тексте НПР в большей степени указывает контекст [McHale 2011, с. 2]. Подобную мысль выражает и Н. В. Максимова, которая пишет, что НПР вообще не имеет закрепленной за собой грамматической модели, и хотя у НПР есть некоторые типизированные варианты употребления, функциональное ядро приема представлено именно нетипизированными вариантами [Максимова 2006, с. 19]. Всё это затрудняет и, можно сказать, делает практически невозможным проведение корпусных исследований при рассмотрении как самого приема, так и способов его передачи при переводе. Поиск и отбор материала исследования неизбежно будет проводиться вручную.

Таким образом, несмотря на разноплановые подходы к выявлению и описанию сущности НПР, обусловленные, в частности, тем, что формировались они в разных областях гуманитарного знания (ученые оперируют различными понятийными аппаратами), саму сущность приема исследователи видят одинаково: в основе НПР лежит взаимодействие текста автора и текста персонажа. С точки зрения формы в НПР сочетаются черты прямой и косвенной речи, однако сам прием лишен свойственных исключительно ему признаков, что затрудняет его распознавание в тексте. Кроме того, как и любой художественный прием, в произведениях различных авторов НПР будет звучать по-разному, ведь на любое конкретное воплощение данного художественного приема в произведении будут оказывать влияние

три взаимодействующих фактора: типологические особенности языка, на котором написано произведение, литературная традиция и индивидуальный стиль автора.

Заключение

Из проведенного обзора работ, посвященных исследованию НПР, следует, что НПР – это уникальное самостоятельное явление, с начала XX века ставшее неотъемлемым структурным компонентом художественных произведений. Хотя на раннем этапе исследования НПР некоторые ученые придерживались мнения о том, что прием – не что иное, как разновидность косвенной речи (Ш. Балли; О. Есперсен), они не отрицали его сложной сущности, заключающейся в сочетании признаков прямой и косвенной речи. На более позднем этапе НПР рассматривается преимущественно как особое самостоятельное явление.

Исходя из рассмотренных взглядов на сущность НПР, считаем возможным предложить следующее, наиболее общее определение данного явления. НПР – это сложный по языковому воплощению художественный прием, который на уровне содержания представляет собой специфическое взаимодействие «текста автора» и «текста персонажа», направленное на неявную передачу элементов речи и мышления последнего, а на уровне формы состоит во включении в общую повествовательную структуру косвенной речи особых компонентов, функционально отождествляемых с прямой речью благодаря наличию определенных маркеров.

Данное определение сформулировано максимально общим образом. При рассмотрении приема в определенном языке оно может быть уточнено в соответствии с типологическими особенностями этого языка. Кроме того, следует пояснить, что помимо содержания и формы, НПР, как и любой художественный прием, будет также обладать как общими, так и частными релевантными функциями, которые подлежат передаче при переводе. В данном определении упомянута лишь ключевая, лежащая в основе приема функция передачи речи и мышления персонажа, дополнительные функции НПР (например, достижение разговорного стиля повествования, создание иронии и прочие) требуют отдельного рассмотрения.

Более конкретные, обусловленные типологическими различиями языков черты приема и связанные с ними закономерности его

передачи при переводе в языковой паре «английский – русский» будут рассмотрены в дальнейших статьях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. [Bakhtin, M. M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let (Questions of Literature and Aesthetics. Studies from Different Years)*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)].
- Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1941. [Vinogradov, V. V. (1941). *Stil' Pushkina (Pushkin's Style)*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. (In Russ.)].
- Винокур Г. О.* О языке художественной литературы: учеб. пособие для филол. спец. вузов / сост. Т. Г. Винокур; предисл. В. П. Григорьева. М.: Высшая школа, 1991. [Vinokur, G. O. (1991). *O yazyke khudozhestvennoi literatury (On the Language of Fiction): study guide for phil. ins.* / comp. by T. G. Vinokur; preface by V. P. Grigor'eva. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)].
- Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного / пер. с нем. М.: Искусство, 1991. 367 с. [Gadamer, H.-G. (1991). *Aktual'nost' prekrasnogo (The Relevance of the Beautiful)* / trans. from Germ. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)].
- Женетт Ж.* Фигуры: в 2 т. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1998. Т. 2. [Genette, G. (1998). *Figure (Figures): in 2 vols.* Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh. Vol. 2. (In Russ.)].
- Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов. Изд. 5, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. [Zherebilo, T. V. (2010). *Slovar' lingvistichekikh terminov (Dictionary of Linguistic Terms)*. 5th edn, rev. and updated. Nazran: Piligrim. (In Russ.)].
- Липпс Т.* Эстетика / пер. С. Ильина. М.: Территория будущего, 2006. [Lipps, T. (2006). *Estetika (Aesthetics)* / trans. S. Il'in. Moscow: Territoriya budushchego. (In Russ.)].
- Лосев А. Ф.* Имя: Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы / сост. и общ. ред. А. А. Тахо-Годи. СПб.: Алетейя, 1997. [Losev, A. F. (1997). *Imya: Izbrannye raboty, perevody, besedy, issledovaniya, arkhivnye materialy (Name: Selected Texts, Translations, Conversations, Studies, Archival Materials)* / comp. and ed. by A. A. Takho-Godi. St. Petersburg: Aleteiya. (In Russ.)].
- Лотман Ю. М.* Структура художественного текста // Об искусстве / Ю. М. Лотман. СПб.: Искусство-СПб., 1998. С. 14–288. [Lotman, Yu. M.

- (1998). *Struktura khudozhestvennogo teksta (The Structure of the Artistic Text)*. In Yu. M. Lotman, *Ob iskusstve* (pp. 14–288). St. Petersburg: Iskusstvo-SPb. (In Russ.).
- Максимова Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2006. [Maksimova, N. V. (2006). «Chuzhaya rech'» kak kommunikativnaya strategiya (*Speech Representation as a Communication Strategy*): Extended abstract of Dr. habil. thesis. St. Petersburg. (In Russ.)].
- Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Языки русской культуры, 1995. [Uspenskii, B. A. (1995). *Semiotika iskusstva (Semiotics of Art)*. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)].
- Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. [Schmid, W. (2003). *Narratologiya (Narratology)*. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)].
- Fludernik M. *The Fictions of Language and the Languages of Fiction*. New York: Routledge, 1993. 531 p.
- Kaiser E. Perspective-shifting and free indirect discourse: Experimental investigation // *Proceedings of SALT 25*. 2015. P. 346–372.
- Maier E. Quotation and Unquotation in Free Indirect Discourse // *Mind and language*. 2015. Vol. 30 (3). P. 345–373.
- McHale B. *Speech Representation* // *The living handbook of narratology*. Hamburg University Press, 2011. URL: <http://www.lhn.uni-hamburg.de/article/speech-representation> (accessed 11.02.2020).
- Pascal R. *The Dual Voice. Free Indirect Speech and Its Functioning in the Nineteenth-century European Novel*. Manchester: Manchester University Press, 1977. 150 p.

УДК 811.113.6

Н. А. Асеева

аспирант кафедры скандинавской и нидерландской филологии,
филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет;
e-mail: natalieaseeva@gmail.com

МУЛЬТИЭТНИЧЕСКИЙ ЯЗЫК МОЛОДЕЖИ КАК НОВЫЙ РЕГИСТР ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА

Объектом исследования данной статьи является так называемый мультиэтнический язык молодежи – относительно новый вариант шведского языка, на котором говорят молодые люди, проживающие в тех районах крупных городов, где преобладают иммигранты. Мультиэтнический язык молодежи, обладающий рядом специфических фонетических, лексических, морфологических и синтаксических особенностей, рассматривается в статье в качестве регистра, поскольку используется говорящими сознательно, в зависимости от их коммуникативных целей и ситуации общения.

Ключевые слова: шведский язык; лингвистическая вариативность; регистр; стиль; сленг.

N. A. Aseeva

Postgraduate student, St. Petersburg State University,
Department of Scandinavian and Dutch philology, Philological Faculty;
e-mail: natalieaseeva@gmail.com

MULTIETHNIC YOUTH LANGUAGE AS A NEW REGISTER OF THE SWEDISH LANGUAGE

The article deals with a relatively new variety of Swedish, called multiethnic youth language and spoken by young people in several areas of big cities that are populated by first and second generation immigrants. The multiethnic youth language is characterized by specific features in pronunciation, vocabulary, grammar and syntax, and is described in this article as a separate register of the Swedish language since its use is primarily dependent on the speaker's intentions and the communicative situation.

Key words: the Swedish language; linguistic variation; register; style; slang.

Введение

В результате нескольких больших волн иммиграции и притока беженцев, начиная с 40-х гг. XX в. в Швеции сегодня проживает множество носителей различных языков со всего мира: сербского, хорватского, арабского, курдского, фарси, сомалийского, польского, испанского,

турецкого и др. Кроме того, в Швеции имеются официально признанные языки национальных меньшинств: финский, саамский, романи (язык цыган), идиш и мянкиели, вариант финского языка, на котором говорят на севере Швеции в долине реки Торнеэльвен. Второе место по количеству носителей после шведского занимает финский язык, за ним следует арабский, однако в последние годы число говорящих на нем растет так быстро, что вскоре он может переместиться и на вторую строчку списка самых распространенных в Швеции языков [Parkvall 2016].

По различным социально-экономическим причинам многие иммигранты в первом и втором поколении проживают на окраинах крупных шведских городов: Стокгольма, Мальмё и Гётеборга. В число районов, где преобладают иммигранты, входят Ринкебю и Тенста (Стокгольм), Русенгорд (Мальмё), Гордстен (Гётеборг) и некоторые другие. В силу разнообразной языковой среды, существующей в подобных местах, живущие там подростки, которые и сами представляют различные национальности и культуры, ежедневно сталкиваются и с носителями разных языков мира, и со множеством вариантов шведского. В их число входят не только нормативный язык и диалекты, но и интерязыковые варианты, на которых говорят люди, в разной степени владеющие шведским.

Многие подростки в иммигрантских районах постоянно переходят с одного языка на другой, переключают коды и меняют регистры, используют как нормативные, так и сленговые единицы шведского языка в зависимости от окружения, ситуации и коммуникативных целей. Подобная языковая среда, где каждый, как правило, имеет свой уникальный языковой бэкграунд, неизбежно приводит к образованию варианта шведского языка, в той или иной степени объединяющего иммигрантскую молодежь.

За последние 30 лет исследователи предлагали разные названия для этого варианта: *rinkebysvenska* («ринкебю-шведский»), *invandrarsvenska* («иммигрантский шведский»), *förortsslang* («сленг городских окраин»), *multietnolekt* («мультиэтнолект»), однако наибольшее распространение получили термины *multietnisk ungdomsspråk* («мультиэтнический язык молодежи») и *svenska på mångspråkig grund* («шведский на многоязыковой основе»). В данной статье мы будем обозначать рассматриваемый вариант шведского языка как мультиэтнический язык молодежи.

Материал исследования

Столь необычный вариант шведского языка, на котором начала говорить молодежь окраин больших городов, не мог не привлечь внимание не только лингвистов и общественности, но и писателей, и авторов песен. В качестве материала для анализа в данной статье используются примеры из так называемой иммигрантской литературы, зародившейся в Швеции в 1960–1970-х гг. Именно в этот период государство начало активно поддерживать попытки иммигрантов отразить в искусстве свою культурную и национальную самобытность. Согласно базе данных Шведского союза писателей-иммигрантов, число авторов, относящихся к данной категории, в 2015 г. составляло более 1500 человек. Хотя само понятие «иммигрантская литература» до сих пор не совсем однозначно, выделение подобных произведений в отдельную группу дает возможность провести более детальный и осознанный анализ их особенностей.

Несмотря на существование различных точек зрения относительно того, что следует понимать под иммигрантской литературой, основные критерии, позволяющие отнести к ней то или иное произведение, у различных исследователей совпадают: как правило, это тема произведения, его язык, место издания, а также особенности биографии писателя. Подобные критерии выделяют, в частности, Л. Лённрут («Den svenska litteraturen»), И. Альгулин и Б. Ульссон («Litteraturens historia i Sverige») [Algulin, Olsson 2013], С. Грёндаль («Invandrar- och minoritetslitteratur i Sverige. Från förutsättningar till framtidsutsikter») [Gröndahl 2002].

По мнению шведского писателя, основателя Института изучения иммиграции М. Бенито, определяющим критерием для отнесения того или иного произведения к иммигрантской литературе является осознание читателем связи между происхождением автора и тематикой его творчества. Аналогичной позиции придерживается в своей работе «Двойная идентичность: иммигрантская литература и литература национальных меньшинств на шведском в 1970–2000 гг.» шведский исследователь Л. Венделиус [Wendelius 2002].

Таким образом, в качестве основного критерия может быть выделена связь между происхождением писателя и такими темами его творчества, как *одиночество, сегрегация, поиск идентичности, тоска по родине, дихотомия большинства и меньшинства, индивида и государства* и т. п.

Примеры в нашей статье взяты из следующих произведений иммигрантской литературы: «На красном глазу» Ю. Х. Кемири (J. H. Khemiri «Ett öga rött»), «В своих мыслях» А. Л. Венгера (A. L. Wenger «Borta i tankar»), «Называйте как хотите» М. Бахтиари (M. Bakhtiari «Kalla det vad fan du vill»), «Привет, братишка» Д. Фоули (D. Foley «Shoo bre») и его же «Привет, чувак» («Shoo len»), а также «Однажды я построю замок из денег» Э. Ахмад (E. Ahmad «En dag ska jag bygga ett slott av pengar»). Дополнительным источником материала стали тексты песен шведского исполнителя Э. Лундина (E. Lundin), отражающие опыт иммигрантов в современной Швеции: «Анни Лёф» («Annie Lööf»), «Однажды» («En dag»), «Суэди» («Suedi») и «Абиат» («Abiat»). Для наглядности примеры, отражающие особенности мультиэтнического языка, как правило, сопровождаются вариантами, которые морфологически, синтаксически и лексически соответствуют норме шведского языка.

Некоторые особенности мультиэтнического языка молодежи

Среди основных особенностей мультиэтнического языка молодежи можно выделить следующие:

1. Частое использование звонкого [z] («...och sen tar några av **guzzarna** alla böcker på hans bord...») [Foley 2009, с. 9], ср. закрепившееся в шведском заимствование **guss** и аффрикаты [tʃ] («Норпас hon är **chok** snygg») [Foley 2003, с. 149], ср. нормативное «Норпас hon är **tjock** snygg»), связанное с тем, что данные звуки часто представлены в родных языках подростков, использующих мультиэтнический язык. В норме шведского языка они, напротив, отсутствуют. Говорить о каких-то более общих фонетических особенностях данного регистра сложно, так как молодые люди являются носителями различных языков, а используемый ими вариант мультиэтнического языка, как правило, имеет региональные особенности, характерные для диалектов Стокгольма, Гётеборга и Мальмё.

2. В отношении просодики данного варианта шведского языка некоторые исследователи употребляют такие понятия, как «стаккато» и «отрывистость», однако они никак не отражаются в рассматриваемых в статье примерах (что, вероятнее всего, связано с тем, что передать подобные особенности на письме затруднительно).

3. Различные грамматические отклонения: употребление существительных и прилагательных в неправильном роде, неполное согласование в субстантивных словосочетаниях («*sin* företag» вместо «*sitt* företag» [Khemiri 2006, с. 24]), ошибки в формах множественного числа существительных, некорректное использование местоимений и показателей определенности и неопределенности существительных, ошибочное употребление глагольных форм («Jag känner han som *döda* Palme» вместо «Jag känner han som *dödade* Palme» [Bakhtiari 2012, с. 94]), местоимений и др.

4. Использование прямого порядка слов в тех случаях, когда, по правилам шведской грамматики, необходим обратный, – с данной особенностью мультиэтнического языка молодежи связано наибольшее количество стереотипов в отношении языка иммигрантов, поскольку порядок слов традиционно представляет определенную сложность для изучающих шведский язык. Наиболее яркое отражение данная особенность находит в романе «На красном глазу» Ю. Х. Кемири: по статистике он используется молодыми людьми всего лишь в 3,5 % случаев [Ganuza 2008], однако писатель ради достижения определенного стилистического эффекта доводит его частотность практически до 100 % (в романе встречается всего один случай корректного порядка слов, что, скорее всего, является недосмотром автора):

I förrgår det var lite rolig situation eftersom vi hade nutidsorientering på samhällen [Khemiri 2006, с. 111] (ср. нормативное: *I förrgår var det lite rolig situation eftersom vi hade nutidsorientering på samhällen*);

Plötsligt lägenheten skakades av galnaste kraschen [Khemiri 2006, с. 53] (ср.: *Plötsligt skakades lägenheten av galnaste kraschen*).

5. Переключение кодов (переход с одного языка на другой):

Be man dorogh nago [Foley 2009, с. 149]
(*фарси*: «Не ври мне»,);

Ayúdame por favor [Foley 2003, с. 228]
(*исп.*: «Помоги мне, пожалуйста»).

6. Разнообразный сленг, элементы которого заимствованы из разных языков (арабского, турецкого, испанского, греческого, сербского и др.), а также традиционных источников сленговой лексики шведского языка (так называемого языка трубочистов, романи, монсинга

и аргю). Определить источник заимствования единиц мультиэтнического сленга не всегда возможно из-за огромного количества языков, на которых говорят иммигранты. Частотными являются слова, обозначающие людей (например, турецкое *shuno / shunne / shino* («парень, молодой человек»): «*Shuno* var annorlunda» [Lundin 2016] – «Парень был не таким»; турецкое *guzz* («девушка»), на данный момент вошедшее в словарь Svenska Akademiens ordlista в написании *guss*: «...och han hade fixat **en guz** nu...» [Wenger 2015, с. 16] – «...у него теперь появилась чикуля...»), «...ni är ändå **guzzar**, eller hur grabbar?» [Ahmad 2018, с. 18] – «... всё равно вы девчонки, разве нет, парни?»); оценочные прилагательные и наречия (*keff, bull*). Из различных языков заимствованы слова для обозначения денег (например, турецкое *para*: «Jagade **para** från sommar till sommar» [Lundin 2015] – «Охотился за баблом от лета до лета»); незаконной деятельности и полиции («*Tabanjan* den är fet som en blåval» [Lundin 2016] – «Пушка, крутая, как синий кит»; «Nån sa **aina** hade sökt nån» [Lundin 2016] – «Кто-то сказал, что копы кого-то ищут»).

7. Часто используются эмоционально окрашенные выражения типа *jag svär, jag svär på mammas död* («клянусь; клянусь жизнью матери»):

Men det är ingen fara med mej mamma, **jag svär** [Foley 2003, с. 129]. – «У меня все в порядке мама, клянусь».

Mammas död det är nåt knas med dom här byxor... [Ahmad 2018, с. 19]. – «Мамой клянусь, с этими брюками что-то не так».

...**jag svär på allt**, ska ta revansch [Lundin 2015]. – «... клянусь, я отомщу».

8. В отличие от традиционной шведской обценной лексики ругательства в мультиэтническом языке в основном связаны не с религией, а частями тела и сексуальностью:

Hon kanske ville **bazza** dej [Foley 2009, с. 219]. – «Наверное, она хотела тебя трахнуть».

9. Традиционный шведский сленговый суффикс *-is* в мультиэтническом языке заменяет *-ish*:

Jalla abi låt oss ta en **snurrmish**, brorsan var botaniker han cutta upp **skurrmish** [Lundin 2016]. – «Йоу, чувак, давай покурим, братан был ботаником, мутил нормальную траву».

Här fanns *grällmish* och braj... [Lundin 2015] –
«Здесь была трава и каннабис».

10. В области фразеологии в мультиэтническом языке молодежи можно наблюдать как модифицированные, так и новообразованные конструкции. Данная особенность находит отражение, в частности, в романе Ю. Х. Кемири:

...jag fick lite ågren och kände fet skuld fast jag var *oskyldig som värsta lamm* [Khemiri 2006, с. 19] (...jag fick lite ågren och kände fet skuld fast jag var *oskyldig som ett lamm*);

...allt skulle *gå till pipan* om han fick mera makt [Khemiri 2006, с. 33]
(...allt skulle *gå åt pipan* om han fick mera makt”).

Несмотря на то, что мультиэтнический язык имеет ряд специфических особенностей в области фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики, перечисленных выше, назвать его диалектом было бы некорректно, поскольку в большинстве случаев он используется именно в молодежной среде. При этом также нельзя утверждать, что им владеют все молодые люди, проживающие в районах с преобладающим иммигрантским населением. Определить данный вариант как социолект не позволяет тот факт, что говорящие используют его только в определенных ситуациях, обусловленных преследуемыми ими целями и характером собеседников.

Наиболее оптимальным в данном случае представляется применение к мультиэтническому языку такого термина, как «регистр». В контексте современной социалингвистики Н. Каупланд определяет регистр как «сознательный выбор говорящего ..., семантическую организацию лингвистических опций с учетом коммуникативных целей или обстоятельств» [Coupland 2007]. Схожее определение дают регистру шведские лингвисты Э. Бийвуэт и К. Фрауруд, называя его «временным переходом от стандартного языка, связанным с попыткой приспособиться к различным ситуациям и собеседникам» [Vijvoet, Fraurud 2013].

В связи с приведенными выше определениями регистра, необходимо не только описание специфических лингвистических опций, характерных для мультиэтнического языка, но и разъяснение мотивов, целей и причин, по которым молодые люди используют в своей речи данный вариант.

Экстралингвистические мотивы использования мультиэтнического языка в качестве регистра

Переход к мультиэтническому языку в большинстве случаев обусловлен определенными целями, которые преследует говорящий, а также той коммуникативной ситуацией, в которой он находится. Использование данного регистра также в немалой степени зависит от того, кто выступает в этой ситуации в роли собеседника. Среди основных мотивов использования мультиэтнического языка можно выделить следующие:

1. Маркирование своей принадлежности к другой национальности, культуре и т. д.
2. Выражение солидарности по отношению к представителям той же социальной группы, что и говорящий, в недостаточной степени владеющим шведским языком и испытывающим по этой причине некоторую неловкость.
3. Маркирование своей региональной принадлежности (варианты мультиэтнического языка молодежи имеют определенные особенности, обусловленные местными диалектами).
4. Маркирование принадлежности к определенной социальной группе.
5. Демонстрация способности к языковому творчеству и нестандартному использованию ресурсов шведского и других языков.
6. Проявление нежелания быть похожим на других и использовать нормированные варианты шведского языка.
7. Ироническое отношение к стереотипам, связанным с особенностями шведского, на котором говорят некоторые иммигранты в мультикультурных районах.
8. Выражение протеста против общества, которое из-за внешности, происхождения или родного языка всё равно не воспринимает говорящего как шведа, несмотря на то, что многие подростки, использующие мультиэтнический язык, родились и выросли в Швеции и имеют шведское гражданство. Они могут просто не видеть смысла в том, чтобы использовать нормативный шведский язык, если общество всё равно воспринимает их как чужих.

Мотивы, по которым данный регистр шведского языка используется в иммигрантской литературе и текстах песен, схожи с описанными выше – писатели и музыканты используют его в качестве приема, позволяющего лучше раскрыть характер героя и передать его переживания. Отражая особенности мультиэтнического языка в своих текстах, авторы создают уникальные языковые портреты героев, идентичность которых неразрывно связана с иммигрантским опытом и ощущением своей инаковости.

В то время как герой романа Ю. Х. Кемири Халим использует в своей речи гиперболизированный вариант мультиэтнического языка, доводя частотность употребления его специфических черт до предела, М. Бахтиари, А. Л. Венгер, Д. Фоули, Э. Ахмад и Э. Лундин отражают в своем творчестве вариант, лексически, морфологически и синтаксически близкий к реальным особенностям мультиэтнического языка. Благодаря этому, перед читателем предстает намного более полный и реалистичный портрет героя.

Заключение

Мультиэтнический язык молодежи, который используют подростки в районах с преобладающим иммигрантским населением, представляет собой необычайно интересный объект для изучения. Мультикультурный и многоязычный контекст, характерный для современной Швеции, наделил данный регистр шведского языка специфическими фонетическими, лексическими, морфологическими и синтаксическими особенностями, источники которых можно обнаружить в самых разных языках.

Мультиэтническому языку свойственны ошибки в категориях определенности и неопределенности, рода и числа существительных и прилагательных, формах местоимений и др.; употребление прямого порядка слов в тех случаях, когда, согласно правилам, требуется обратный; переключение кодов; наличие звуков, отсутствующих в нормативном языке и традиционных шведских диалектах; более «отрывистая» просодика; богатый сленг, заимствованный из огромного количества источников; специфическая обценная лексика и фразеология.

Данные особенности мультиэтнического языка находят отражение не только в речи подростков, но и в литературе и популярной музыке. Авторы иммигрантской литературы и песен используют его

для создания более яркой языковой характеристики своих героев, при этом частотность употребления его особенностей может варьироваться от произведения к произведению.

Несмотря на совокупность большого количества особенностей на самых разных языковых уровнях, мультиэтнический язык не является единственным вариантом шведского языка, на котором говорят молодые люди, проживающие в мультикультурных районах, – в большинстве случаев они прибегают к нему в определенных ситуациях, обусловленных коммуникативными целями и характером собеседников.

Мультиэтнический язык является для таких подростков способом маркировать свою идентичность, противопоставить себя обществу, выразить солидарность с представителями своей социальной группы, иронизировать над стереотипами в отношении иммигрантов, продемонстрировать способность к языковому творчеству.

Выбор определенных лингвистических средств в совокупности с целями и характером коммуникативной ситуации, в которой молодые люди используют данный языковой вариант, позволяет определить его как обособленный регистр современного шведского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ahmad E.* En dag ska jag bygga ett slott av pengar. Stockholm: Natur & Kultur, 2018.
- Algulin I., Olsson B.* Litteraturens historia i Sverige. Lund: Studentlitteratur, 2013.
- Bakhtiari M.* Kalla det vad fan du vill. Stockholm: Ordfront, 2012.
- Bijvoet E., Fraurud K.* “Rinkebysvenska” och andra konstruktioner av språklig variation i dagens flerspråkiga Sverige // Svenska som andraspråk: i forskning, undervisning och samhälle. Red.: Hyltenstam K., Lindberg I. Lund: Studentlitteratur, 2013. S. 369–396.
- Coupland N.* Style: language variation and identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Foley D.* Shoo bre. Stockholm: Bonnier Carlsen, 2003.
- Foley D.* Shoo len. Stockholm: Bonnier Carlsen, 2009.
- Ganuza N.* Ordföljdsvariation som språklig strategi bland ungdomar i flerspråkiga storstadsmiljöer // Nordand: nordisk tidsskrift för andrespråksforskning. Red.: Holmen A., Iversen Kulbrandstad L., Lindberg I. Nr. 2. Bergen: Fagbokforlaget, 2008. S. 57–81.
- Gröndahl S.* Invandrar- och minoritetslitteraturer i Sverige. Från förutsättningar till framtidsutsikter // Litteraturens gränsland: invandrar- och minoritetslitteratur

- i nordiskt perspektiv. Red.: Gröndahl S. Uppsala: Centrum för multietnisk forskning, 2002. S. 35–70.
- Khemiri J. H.* Ett öga rätt. Stockholm: Nordsteds, 2006.
- Lundin E.* Abiat. 2016. URL: <https://genius.com/Erik-lundin-abiat-lyrics> (дата обращения: 15.12.2019).
- Lundin E.* Annie Lööf. 2015. URL: <https://genius.com/Erik-lundin-annie-loof-lyrics> (дата обращения: 15.12.2019).
- Lundin E.* En dag. 2016. URL: <https://genius.com/Erik-lundin-en-dag-lyrics> (дата обращения: 15.12.2019).
- Lundin E.* Suedi. 2015. URL: <https://genius.com/Erik-lundin-suedi-lyrics> (дата обращения: 15.12.2019).
- Parkvall M.* Sveriges språk i siffror: vilka språk talas och av hur många? Stockholm: Morfem, 2016.
- Wendelius L.* Den dubbla identiteten: Immigrant- och minoritetslitteratur på svenska 1970-2000. Uppsala Multiethnic Papers, 46. Uppsala: Centrum för multietnisk forskning, 2002.
- Wenger A. L.* Till vår ära. Stockholm: Modernista, 2015.

УДК 81-33

А. И. Горожанов

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка,
факультет немецкого языка, Московский государственный лингвистический
университет; заведующий Лабораторией фундаментальных и прикладных
проблем виртуального образования; e-mail: a.gorozhanov@linguanet.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ОБУЧАЮЩЕЙ ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЫ В ФГБОУ ВО МГЛУ

В ходе выполнения работ по Государственному заданию в период с 2016 по 2018 гг. на базе Центра дистанционного обучения, а затем Лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования ФГБОУ ВО МГЛУ была сформирована институциональная обучающая виртуальная среда коммерческого назначения. Была разработана модель организации, состоящая из пяти компонентов: технической платформы; метода дистанционного обучения иностранным языкам; авторов учебных материалов; преподавателей; управляющей структуры.

Ключевые слова: обучающая виртуальная среда; институциональная обучающая виртуальная среда; иностранные языки; дистанционное обучение; LMS Moodle.

A. I. Gorozhanov

Ph.D., Professor in the Department of German Language Grammar and History,
Faculty for German Language, Moscow State Linguistic University,
Head of Laboratory for Fundamental and Applied Issues of Virtual Education;
e-mail: a.gorozhanov@linguanet.ru

RESULTS OF IMPLEMENTATION OF INSTITUTIONAL EDUCATIONAL VIRTUAL ENVIRONMENT AT MSLU

Under the State Contract (2016–2018) the E-Learning Center and the Laboratory for Fundamental and Applied Issues of Virtual Education of Moscow State Linguistic University have developed an institutional educational virtual environment for commercial purposes. Its organization model includes five components: the technical platform; the method of distance learning of foreign languages; the authors of the educational materials; the teachers; the managing body.

Key words: educational virtual environment; institutional educational virtual environment; E-learning; LMS Moodle.

Введение

В рамках выполнения работ по Государственному заданию (№ 214/102, № 27.9307.2017/БЧ) на базе Центра дистанционного

обучения, а затем Лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования МГЛУ была сформирована институциональная обучающая виртуальная среда коммерческого назначения (ИОВС(к)), состоящая из узлов – курсов иностранных языков LMS Moodle¹. Была поставлена цель – разработать эффективную модель дистанционного обучения иностранным языкам на коммерческой основе для обеспечения высокого качества обучения. С этой же целью в основу процесса обучения был положен принцип индивидуальности, т.е. отказ от учебных групп в пользу схемы «один слушатель – один преподаватель» [Gorozhanov, Kosichenko, Guseynova 2018, с. 3]. Оба принципа тесно связаны друг с другом в том смысле, что коммерческий характер обучения неизбежно вызывает со стороны слушателей требование создания индивидуальных условий, в то время как обучение в группе (именно в дистанционном формате) не может пока этого обеспечить, в силу разного уровня качества связи участников группы и невозможностью стопроцентного присутствия на групповых вебинарах ввиду нахождения слушатели в разных часовых поясах. Далее был разработан целый комплекс решений, связанных с организационной структурой процесса обучения, выбором метода обучения, разработки курсов в LMS Moodle и адаптации этой системы к обучению иностранным языкам. В результате была установлена модель организации, состоящая из пяти компонентов:

- 1) технической платформы;
- 2) метода дистанционного обучения иностранным языкам;
- 3) авторов учебных материалов;
- 4) преподавателей;
- 5) управляющей структуры.

1. Модель организации обучения

Рассмотрим подробнее отдельные элементы пятикомпонентной модели. Мы считаем, что при организации дистанционного обучения «с нуля», т. е. в условиях одновременного отсутствия всех пяти компонентов, следует начать с создания управляющей структуры, которая способна осуществить выбор и организацию первых четырех компонентов.

¹ Подробнее о концепции обучающей виртуальной среды см. монографию: *Горозжанов А. И.* Обучающая виртуальная среда для изучения иностранного языка: проблемы разработки и развития. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. 110 с.

Таким образом, управляющая структура является базовым элементом организации и дальнейшего развития процесса дистанционного обучения иностранным языкам. Сотрудники управляющей структуры должны быть настолько компетентны в методике обучения иностранным языкам, чтобы быть способными выбрать, самостоятельно разработать или осуществлять руководство разработкой метода дистанционного обучения иностранным языкам. Кроме знаний в области методики сотрудники управляющей структуры должны также ориентироваться в современном программном обеспечении, чтобы осуществить выбор технической платформы, при котором возможны два варианта развития событий: будет выбрано готовое решение или будет разработано специальное программное обеспечение, исходя из разработанного управляющей структурой технического задания. Несмотря на главенство второго компонента над первым они находятся в тесной связи друг с другом, так как разработчик метода должен, если не ориентироваться на технические возможности уже существующих программных продуктов, то в любом случае учитывать возможности современного программного обеспечения при прогнозировании параметров для его разработки, если речь идет о каком-либо новом программном решении. Заметим, что проблема выбора технической платформы может быть как задачей управляющей структуры, так и задачей разработчика метода обучения при поддержке управляющей структуры.

Авторы учебных материалов должны руководствоваться в своей работе методом, а также понимать возможности технической платформы, чтобы создавать дистанционные курсы, максимально использующие предоставляемые программным обеспечением возможности. При этом следует допустить, что автор метода может выступать также в качестве автора учебных материалов каких-либо дистанционных курсов. Преподаватели, которые будут работать с обучающимися по разработанным учебным материалам и в рамках созданного метода, также должны, кроме понимания материалов и метода, владеть навыками работы с технической платформой в том объеме, который необходим для осуществления их деятельности. Отбор авторов и преподавателей производится управляющей структурой. Некоторые авторы дистанционных курсов могут выступать также и в роли работающих в них преподавателей. Автор метода, в связи с тем, что он может быть одновременно и автором каких-либо дистанционных курсов, может

также работать в этих курсах преподавателем. Наконец, есть и такой вариант, при котором сотрудник управляющей структуры может являться автором метода, и, следовательно, способен совместить в себе также роли автора учебных материалов и преподавателя.

Отметим также, что в рамках рассматриваемой нами модели управление и развитие технической платформы осуществляется управляющей структурой.

Сотрудники, ответственные за реализацию каждого из компонентов, исполняют определенный круг обязанностей. Лица, ответственные за техническую платформу, обязаны поддерживать ее в исправном и актуальном состоянии, а также вносить в нее изменения, подчиняясь логике метода и указаниям управляющей структуры.

Разработчику метода, кроме непосредственно создания теоретических положений, следует постоянно развивать его, исходя из эмпирических данных, получаемых в процессе обучения от авторов учебных материалов и преподавателей. Сюда также следует отнести и написание рекомендаций для администраторов технической платформы с целью ее улучшения.

Авторы учебных материалов, т. е. дистанционных курсов, также должны помимо разработки заниматься и дальнейшим развитием результатов своей работы, руководствуясь с одной стороны, эмпирическими данными, получаемыми от преподавателей курсов, а с другой стороны – рекомендациями автора метода, параллельно формулируя идеи, касающиеся его совершенствования.

Преподаватели, работающие в дистанционных курсах с обучающимися, проводят консультации в режиме видеоконференцсвязи, осуществляют проверку письменных открытых заданий, помогают организовывать работу обучающихся, а также формулируют рекомендации авторам учебных материалов, исправляют возможные опечатки и неточности. При этом они руководствуются как своим экспертным мнением, так и обратной связью от обучающихся.

Сотрудники управляющей структуры осуществляют целый комплекс действий, которые заключаются как в управлении процессом обучения, так и в составлении инструкций для сотрудников, отвечающих за остальные четыре компонента модели.

Таким образом, все составляющие модели не только взаимодействуют, но и влияют на функционирование друг друга при неизменном

лидерстве управляющей структуры, которая представляет собой не чисто административное подразделение, как могло бы показаться из ее наименования, но интеллектуальный центр, ведущий за собой всех остальных участников процесса организации и развития дистанционного обучения иностранным языкам.

2. Разработанные образовательные программы и программное обеспечение

По состоянию на декабрь 2018 г. были разработаны и перешли в стадию реализации более 20 образовательных программ дополнительного образования по английскому, немецкому, французскому и испанскому языкам, из них – шесть образовательных программ повышения квалификации.

Образовательные программы (или онлайн-курсы) можно классифицировать по следующим типам:

- общие (для обучения иностранному языку без какой-либо специализации);
- аспектные (в нашем случае – для обучения грамматике иностранного языка и устной коммуникации);
- профессионально ориентированные (представлены программами профессионально ориентированного письменного перевода с иностранного языка на русский язык).

Наиболее полно были разработаны «линейки» английского, немецкого и французского языков, для которых мы можем предложить слушателям целую последовательность онлайн-курсов: от начального до продвинутого уровня.

Реализация указанных образовательных программ показала, что их эффективность с точки зрения управления труднодостижима без наличия специального программного обеспечения. Это связано с тем, что стандартные возможности подсистемы протоколирования LMS Moodle не могут отвечать требованиям конкретной организации к оформлению отчетных документов, поэтому были сформулированы задачи, решение которых необходимо было автоматизировать для повышения эффективности управления и анализа процесса дистанционного обучения иностранным языкам в условиях ИОВС(к).

В качестве инструмента разработки был выбран современный универсальный мультипарадигмальный язык программирования

Python 3 в сочетании с графической библиотекой PyQt5 и базой данных SQLite.

База данных до первого запуска программы состоит из пяти базовых таблиц, содержащих данные о реализуемых образовательных программах, слушателях, заключенных с ними договоров и преподавателях. После первого запуска программы автоматически формируются таблицы учета работ по договорам, в которых отмечаются проведенные занятия.

На вкладках меню главного окна размещаются основные таблицы базы данных, визуализированные в виде строк и столбцов с полосами горизонтальной и вертикальной прокрутки и возможностью сортировки по любому из столбцов.

Таблица учета договоров не только выводит данные, но и производит их анализ. Поле продолжительности обучения при наведении на него указателя мыши показывает количество дней обучения от даты начала обучения по настоящую дату. Если срок обучения уже истек, поле получает красный фон. Далее, если поле даты проведения экзамена дополнено, но поле даты документа об окончании обучения остается пустым, последнее также получает красный фон. Таким образом, можно легко отслеживать информацию о состоянии договоров и необходимости выдачи документов об успешном завершении обучения.

Редактируемая таблица учета работ по договору также предлагает анализ внесенных данных. При незаполненной таблице ее самая нижняя строка показывает остаток по суммам (выплаты за проведение консультаций, проверку открытых заданий и руководство соответственно) и имеет серый фон. При достижении нулевого значения (т. е. «Все оплачено полностью») фон меняется на зеленый. При превышении заложенной суммы выплат фон меняется на красный («Внимание, превышение!»). Это значительно облегчает работу с большим количеством договоров. То, что описываемый модуль помогает принимать решения, анализируя данные, придает ему черты экспертной системы, одной из самых важных характеристик которых является накопление и организация знаний [Потапова 2002, с. 33].

Автоматизированный модуль совместим с системой управления обучением Moodle в том смысле, что способен обрабатывать журнал

отчета системы (специальный файл CSV) и формировать новый отчет по проведенным занятиям за указанный пользователем период времени. Такой отчет является ключевым при составлении документов для оплаты труда преподавателя.

Далее модуль формирует финансовый отчет по следующим позициям:

- количество и стоимость активных договоров;
- количество и стоимость исполненных (неактивных) договоров;
- количество и стоимость всех договоров;
- средняя стоимость одного договора;
- ежегодный отчет по всем договорам.

Последний перечисляет по годам (от текущего и дальше в сторону уменьшения) количество договоров за год и их стоимость. Внутри каждого года – то же самое для каждого месяца, но уже с января по декабрь. Далее следует отчет по языкам (сколько договоров и на какую сумму было заключено по каждому из преподаваемых языков). В заключение следует отчет по курсам (сколько договоров и на какую сумму было заключено по каждому из имеющихся курсов).

Описанный модуль позволяет проводить всестороннюю оценку деятельности управляющей структуры и помогает вовремя принимать решения (изготовление проектов приказов, заключение проектов договоров, изготовление и выдача документов об окончании обучения и др.). Объем программного кода приложения составляет более 3000 строк [Авт. модуль 2018].

В целом в течение периода тестирования и использования программы, были проведены наблюдения о повышении качества документации, степени прозрачности процесса управления, а также достижении эффекта масштабирования, т.е. способности на порядок увеличить количество договоров при относительно небольшом увеличении количества сотрудников управляющей структуры.

3. Статистические данные

Далее приведем статистические данные, которые можно рассматривать в качестве результатов работы за весь описываемый период.

Средняя стоимость одного курса составила 21 522 руб. Средняя стоимость одного договора из всех заключенных договоров со слушателями – 21 760 руб. Самым популярным иностранным языком

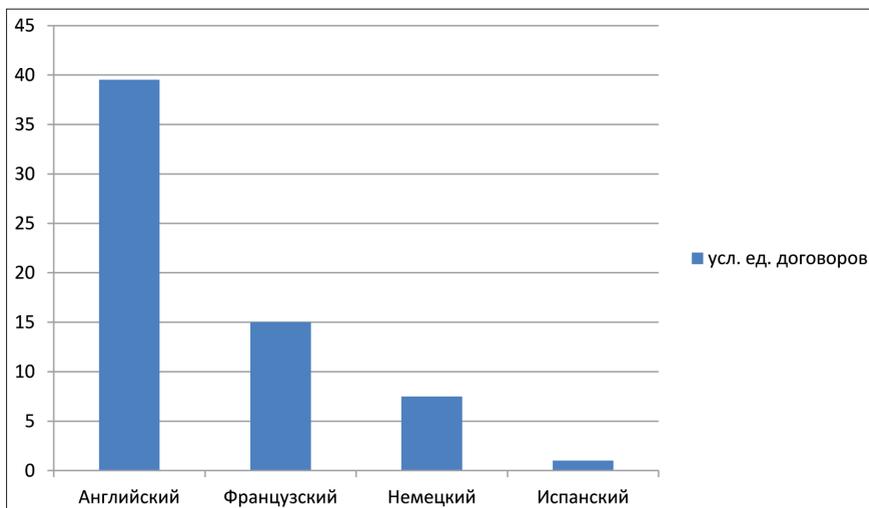

Диаграмма 1. Популярность курсов по языкам

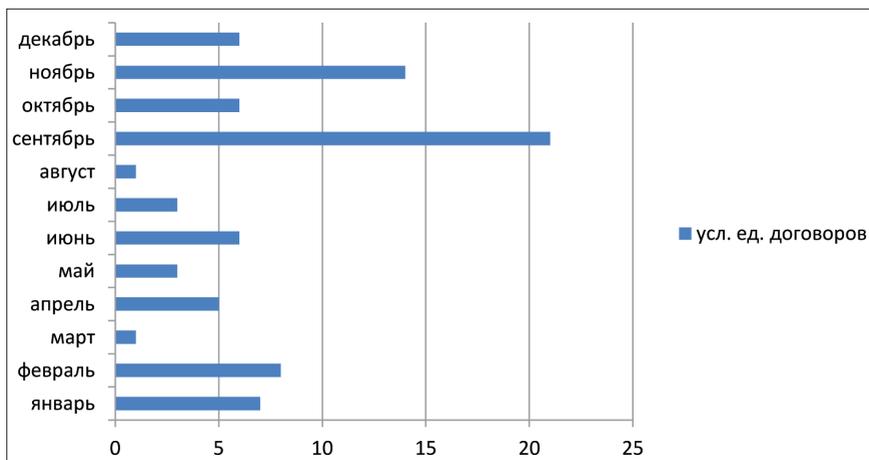

Диаграмма 2. Активность заключения договоров по месяцам

оказался английский, затем следуют французский, немецкий и испанский языки (см. диаграмму 1)¹.

¹Заметим, что здесь и далее все показатели даются в условных единицах, отражающих относительные, а не абсолютные показатели. Например, в диаграмме 1 количество договоров по испанскому языку сведено к значению «1».

Несмотря на то, то заключение договора и начало обучения может происходить практически круглогодично, следуя традиции начала учебного года пиковые показатели активности со стороны слушателей приходится на сентябрь, минимальная активность наблюдается в марте и июле, небольшие всплески фиксируются в ноябре и феврале (см. диаграмму 2).

Наибольшей популярностью пользуются общие курсы иностранного языка, затем следуют курсы письменного перевода, затем – аспектные курсы коммуникативной грамматики (см. диаграмму 3).

При этом самым популярным курсом является курс «Письменный перевод специальных текстов новостного дискурса СМИ (английский язык, высокий уровень). Ступень 1. Язык, образование, искусство» – 25,83 % от всех заключенных договоров. Доля слушателей, успешно завершающих образовательные программы, составляет 94,35 %, что можно считать очень высоким показателем. Менее одного процента слушателей успешно завершают основную часть образовательной программы, однако отказываются от сдачи экзамена. Достаточно высок процент обучающихся, осваивающих сразу несколько образовательных программ (см. диаграмму 4).

Среди слушателей, заключивших более одного договора, доля тех, кто занимается разными иностранными языками, составляет 3,22 %. 45,97% слушателей воспользовались предложением скидки

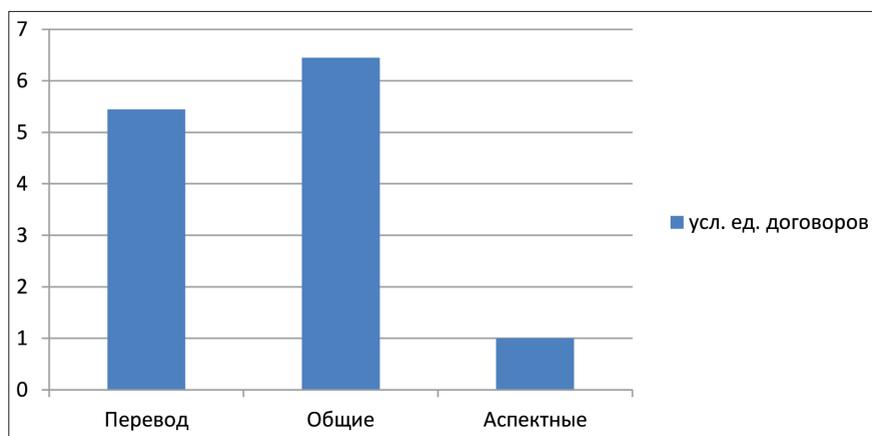

Диаграмма 3. Популярность курсов по типам

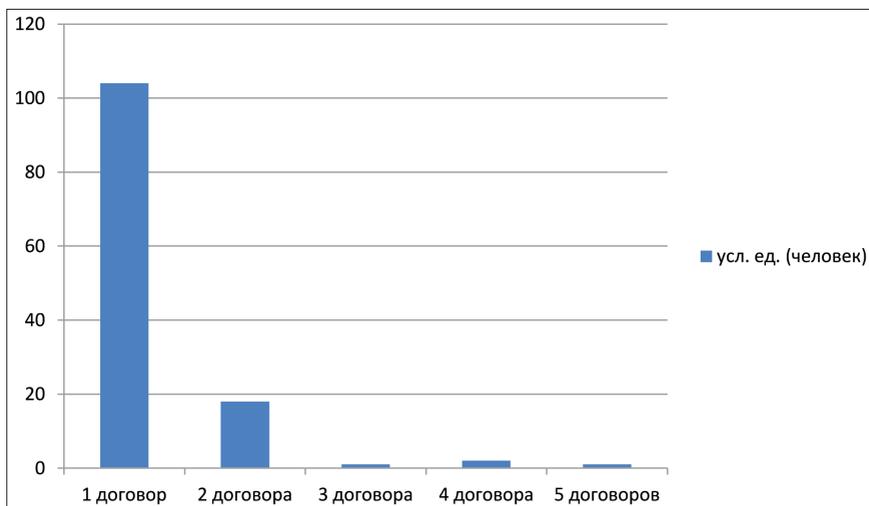

Диаграмма 4. Относительное количество слушателей, заключивших один и более договоров

на обучение в размере от 5 до 10 %, главным образом по основанию «имею диплом о высшем образовании с отличием», что свидетельствует, по нашему мнению, о высоком уровне самоорганизации этих обучающихся. Только 3,23 % обучающихся воспользовались возможностью получить дополнительные платные консультации, что может свидетельствовать о хорошем балансе образовательных программ в плане соотношения очной и дистанционной фазы работы. Другими словами, обучающиеся предпочитали скорее заключить договор на курс, продолжающий их обучение, чем оставаться внутри текущей образовательной программы посредством добавления к ней консультаций в режиме видеоконференцсвязи.

Заключение

Иностранный язык как учебная дисциплина наиболее трудно вписывается в дистанционный формат работы, однако наличие на рынке образовательных услуг большого количества некачественных предложений «легкого» и «веселого» изучения иностранных языков онлайн, на наш взгляд, обязывает лингвистические вузы активно включаться в разработку качественных дистанционных образовательных

программ различного уровня. Полученные результаты позволяют говорить об успешности выбранной концепции дистанционного обучения, а также обрисовать перспективы дальнейшего развития этого направления, среди магистральных направлений которого расширение палитры преподаваемых языков, включая русский язык как иностранный, увеличение «ассортимента» образовательных программ и совершенствование программного обеспечения для управления процессами дистанционного образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Горожанов А. И.* Автоматизированный модуль управления дистанционным обучением // Свидетельство о регистрации электронного ресурса № 23823 от 18 октября 2018. [Gorozhanov, A. I. (2018). Avtomatizirovannyj modul' upravlenija distancionnym obucheniem (*Automatized Module for Managing Online Learning*). Svidetel'stvo o registracii jelektronnogo resursa № 23823 on 18.10.2018. (In Russ.)].
- Потапова Р. К.* Новые информационные технологии и лингвистика: учеб. пособие. М.: МГЛУ, 2002. [Potapova, R. K. (2002). Novye informacionnyje tehnologii i lingvistika. (*New Information Technology and Linguistics*). Moscow: MSLU. (In Russ.)].
- Gorozhanov, A. I., Kosichenko, E. F., Guseynova, I. A.* (2018). Teaching Written Translation Online: Theoretical Model, Software Development, Interim Results. *SHS Web of Conferences* 50, 01062. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001062>.

УДК 81.255

М. А. Демьяненко

кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка как второго,
переводческий факультет, Московский государственный
лингвистический университет; e-mail: manja71@mail.ru

ВЛИЯНИЕ КАРТИНЫ МИРА РОДНОГО ЯЗЫКА ПЕРЕВОДЧИКА НА ВОСПРИЯТИЕ ИМ ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА И ЕГО ПЕРЕВОД

В статье рассматриваются искажения смысла иноязычного текста переводчиком на примере анализа перевода рассказа В. Борхерта «Das Brot» на русский язык. Картина мира родного языка может существенно влиять на интерпретацию переводчиком иноязычного текста, привнося в эту интерпретацию смыслы, в принципе не свойственные языку оригинала.

Ключевые слова: картина мира родного языка; базовые концепты национальной картины мира; содержание понятия; литература развалин; рубленый стиль.

М. А. Demyanenko

PhD, Associate Professor, Department of English as a Second Language,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University;
e-mail: manja71@mail.ru

THE WORLDVIEW OF THE TRANSLATOR'S MOTHER TONGUE AND ITS INFLUENCE ON UNDERSTANDING TEXTS IN A FOREIGN LANGUAGE

Using a translation of W. Borchert's short story "Das Brot" as an example the author analyses the influence of the world view of the translator's mother tongue on their understanding of fiction in a foreign language. As a result of that influence the interpretation of texts in a foreign language can be incorrect, as it may contain imported concepts of reality that either do not exist in the picture of the world of the language of the original or are different in their meaning.

Key words: view of the world of the mother tongue; key concepts of the mother tongue; the content of a concept; rubble literature; clear-cut literary style.

Введение

Данная статья представляет собой продолжение изучения автором проблем адекватного понимания иноязычного текста. В ходе многолетней работы со студентами, изучающими иностранный язык как

специальность (будущими преподавателями иностранного языка или лингвистами-переводчиками), автор убедился, что существуют значительные расхождения между тем, что написано автором иноязычного произведения художественной литературы, и тем, что реально понято студентами.

Анализ эмпирического материала (письменных переводов отрывков художественных произведений и устных высказываний студентов в ходе обсуждения прочитанного) позволил автору выдвинуть гипотезу о том, что среди факторов, оказывающих влияние на понимание иноязычного текста, особое место занимает картина мира родного языка.

Проблема

С одной стороны, картина мира родного языка более стабильна в сознании его носителей, чем приобретённая в ходе изучения иностранного языка иноязычная картина мира.

С другой стороны, как указывает А. А. Зализняк, картина мира родного языка не осознаётся её носителями, которые считают, что все видят мир так же, как они [Зализняк URL].

В литературе, посвящённой проблеме картины мира, можно найти множество примеров сравнения *содержания* национальных образов мира. Обнаружить же *влияние* национальной картины мира носителей того или иного языка на восприятие ими иноязычного текста крайне сложно, так как его трудно зафиксировать в виде конкретных примеров.

Восприятие – процесс очень субъективный. Как и любой читатель, переводчик создает образ содержания текста в своем сознании, и этот образ зависит не только от объективных характеристик текста, но и от индивидуальных особенностей психики самого переводчика. Процесс восприятия протекает, как минимум, на двух уровнях: сознательном и бессознательном, а это значит, что он не всегда полностью осознаётся человеком.

Таким образом, переводчик иноязычного произведения художественной литературы склонен объяснять себе встречающиеся в тексте понятия с помощью уже имеющихся в его распоряжении понятий родной культуры, а описание событий трактовать в соответствии с присущими родной культуре представлениями и правилами. Это

может приводить к искаженному пониманию смысла прочитанного, а значит, и неправильной передаче смысла при переводе произведений художественной литературы с одного языка на другой.

Исследуемые вопросы

Чтобы подтвердить (или опровергнуть) данные выводы автором была предпринята попытка анализа и сравнения с оригиналом перевода на русский язык рассказа В. Борхерта «Хлеб», выполненного студенткой пятого курса языкового вуза в 2011 г. и размещенного на сайте <http://mustran.ru/2011/work/231>.

Основанием для выбора данного короткого рассказа в качестве объекта анализа послужило то, что в центре повествования находится один из базовых, по мнению ряда исследователей, концептов как немецкой, так и русской языковой картины мира [Плисов URL].

Так, Нин Юй и Ю. А. Свиридова выделяют в русском языке от двух до четырех реально-предметных значений (1. злаки; 2. скошенные зерновые культуры; 3. зерно; 4. мука и крупа, как продукты переработки зерна; 5. хлебобулочные изделия) и два-три переносных (1. пища вообще; 2. средства к существованию) [Нин Юй, Свиридова URL].

А универсальный словарь немецкого языка Дуден дает следующее определение концепта Brot [Duden 2000]:

Brot, das; -[e]s, -e [mhd. brot, ahd. prot, eigtl.= Gegorenes, zu brauen]:
1. a) <o.Pl.> aus Mehl, Wasser, Salz u. Sauerteig od. Hefe durch Backen hergestellte Backware, die als Grundnahrungsmittel gilt; b) einzelner Laib Brot; c) vom Brotlaib abgeschnittene Scheibe; 2. Lebensunterhalt;

При сравнении содержания русского и немецкого понятий видно, что некоторые компоненты содержания похожи: значению 5. слова «хлеб» соответствует значение 1. а) слова *das Brot*, а переносному значению 2. слова «хлеб» соответствует значение 2. слова *das Brot*.

На основании вышесказанного напрашивается вывод, что, во-первых, содержание русского понятия значительно шире и глубже немецкого, так как в сознании носителей русского языка ХЛЕБ является ядром уникального концептуального поля, отражающего особенности жизни русского народа.

Во-вторых, имеющееся пересечение в содержании понятий «хлеб» и «*das Brot*» способствует, на наш взгляд, адекватному пониманию смысла рассказа Борхерта русскоязычными читателями.

В результате анализа и сравнения текстов оригинала и перевода предстояло найти ответы на следующие вопросы:

1. Имеются ли смысловые расхождения между текстом оригинала и текстом перевода?
2. Носят ли эти расхождения случайный характер?
3. Можно ли объяснить эти расхождения влиянием картины мира родного языка переводчика?

Цель исследования и метод

Цель исследования заключалась в том, чтобы выявить смысловые расхождения между текстом оригинала и его перевода на русский язык, а также наглядно показать связь этих расхождений с различным пониманием мира носителями разных языков (в нашем случае – немецкого и русского).

Метод исследования – качественный сравнительный анализ – логически вытекал из ряда вопросов, на которые необходимо было найти ответы, так как позволял не только сравнить два текста между собой, но и описать характер выявленных ошибок (неточностей), а также показать искажение идей оригинала в переводе.

Результаты анализа текста

В приводимых отрывках из перевода пронумерованы (1–7) слова и выражения, которые искажают смысл текста оригинала, создавая у читателя неправильное представление о содержании рассказа (взаимоотношениях героев и послевоенной действительности в Германии), так и о манере письма автора.

Характерной особенностью произведений Борхерта, как одного из представителей литературы развалин (*Trümmerliteratur*), является так называемый рубленый стиль (*der Kahlschlagstil*). Текст состоит из коротких нераспространенных предложений, содержащих минимум определений и описаний. Этот стиль характерен для целого ряда молодых немецких авторов Западной Германии, прошедших Вторую мировую войну (Генрих Бёлль, Альфред Андерш), многие из которых объединились в «Группу 47». Своей целью они ставили очищение языка от идеологической «шелухи» национал-социализма и поэтому стремились реалистично без излишних эмоций показать военную и послевоенную действительность так, как ее переживали простые люди.

Образцом для подражания для молодых немецких авторов стали короткие рассказы американцев Э. Хемингуэя, Джона Стейнбека и других, с их простой, реалистичной, лишенной глубокого анализа и детального описания, манерой повествования. Родство немецкого и английского языков позволило немецким писателям безболезненно перенять этот стиль, наполнив его актуальным для них содержанием.

Лаконичность языка, отрывочность описания места действия и героев, повторы – вот некоторые черты, общие для произведений *Trümmertliteratur*.

Неточности перевода в случаях (2), (3) можно объяснить не столько недостаточно хорошим знанием иностранного языка, сколько невнимательностью переводчика к деталям, небрежностью в обращении с текстом оригинала, отсутствием фоновых знаний истории, и вследствие этого, неспособностью наглядно представить себе описываемую в тексте ситуацию:

Plötzlich wachte sie auf. Es war halb drei. Sie überlegte, warum sie aufgewacht war. Ach so In der Küche hatte jemand gegen einen Stuhl gestoßen. Sie horchte nach der Küche. Es war still. Es war (1) zu still und als sie mit der Hand über das Bett neben sich fuhr, fand sie es leer. Das war es, was es so besonders still gemacht hatte: sein Atem fehlte. ... Auf dem Küchentisch stand (2) der Brotteller. Sie sah, dass er sich Brot abgeschnitten hatte. Das Messer lag noch neben dem Teller. Und auf der Decke lagen Brotkrümel. Wenn sie abends zu Bett gingen, machte sie immer das Tischtuch sauber. Jeden Abend. Aber nun lagen Krümel auf dem Tuch. Und das Messer lag da. Sie fühlte, wie die Kälte der Fliesen langsam an ihr hochkroch. Und sie sah vor dem Teller weg. ... (3) Sie sieht doch schon alt aus, dachte er, im Hemd sieht sie doch ziemlich alt aus. Aber das liegt vielleicht an den Haaren. Die machen dann auf einmal so alt [Борхерт URL].

Она неожиданно проснулась. На часах половина третьего. Что же случилось? Ах да! Шум на кухне: кто-то сдвинул с места стул. Она затаила дыхание и прислушалась. Тишина. Просто (1) оглушительная тишина. Она провела рукой по кровати, рядом никого не было. Вот причина этой необычной тишины: не хватало звуков его дыхания. ... На столе стояла (2) хлебница. Она заметила, что он отрезал себе хлеб. Нож все ещё лежал рядом с тарелкой. И хлебные крошки. По вечерам перед тем, как лечь спать, она всегда начисто вытирала стол. Каждый вечер. А вот

сейчас – крошки остались. Да и нож рядом. Стоя на холодном кафеле, она почувствовала, как леденеют ноги. И отвела взгляд от тарелки. ... (3) Но в ночном наряде его годы бросаются в глаза. Может, это все седина. Вот женщин ночью всегда выдают волосы. Сразу будто стареешь на много лет [Борхерт URL].

В результате в переводе утратился характерный для послевоенных лет колорит (2, 3), когда ни о каких «ночных нарядах» не могло быть и речи, а «хлебницы» были, скорее, роскошью, чем предметом повседневного обихода простых людей.

Обратим внимание на стилистические неточности, повлекшие за собой не просто искажение стиля автора, а нарушение общего эмоционального фона всего произведения в целом.

Присущая автору лаконичность позволяет ему создать в оригинале эффект опустошенности, обессиленности и отдалённости героев друг от друга. У героини нет сил на эмоции, она просто фиксирует происходящее вокруг. Она не воспринимает тишину как (1) «оглушительную», просто вокруг слишком тихо.

“Komm (4) man. Das war wohl draußen. Komm man zu Bett. Du erkältest dich doch. Auf den kalten Fliesen.”

Er sah zum Fenster hin.

“Ja, das muss wohl draußen gewesen sein. Ich dachte, es wäre hier.”

Sie hob die Hand zum Lichtschalter. Ich muss das Licht jetzt ausmachen, sonst muss ich nach dem Teller sehen, dachte sie. Ich darf doch nicht nach dem Teller sehen.

“Komm (5) man”, (6) sagte sie und machte das Licht aus, “das war wohl draußen [Борхерт URL].

Она убрала тарелку со стола и собрала пальцем крошки.

– Всё в порядке, – неуверенно повторил он. Она выручила его:

– Пойдем, (4) милый. Это где-то на улице. Пошли спать. Ты простудишься, кафель очень холодный.

Он посмотрел в окно.

– Пожалуй, и правда, на улице. Только сначала мне показалось, что здесь.

Она потянулась к выключателю. «Надо выключить свет, а не то снова посмотрю на тарелку, – подумала она. – Нельзя туда смотреть».

– Пойдем, (5) милый, – снова (6) позвала она мужа и выключила свет [Борхерт URL].

В приведенном выше отрывке фраза «Пойдем, милый, – снова позвала она мужа» не только неверно передает смысл немецкого «*Komm, man*», где *man* – это не обращение, не неопределенно-личное местоимение, а северо-немецкое разговорное усилительное слово, имеющее значение «ниг», и приблизительно соответствующее русским словам «же», «уже». Она еще и содержит коннотацию, отсутствующую в оригинальной фразе, более того, противоречит эмоциональному фону всего произведения в целом. Фраза «пойдем, милый» подчеркивает отношение к мужу как к любимому человеку, однако в оригинале нет любви, речь идет, скорее, об отчужденности, холодности в отношениях между героями, поэтому несколько раз повторяется слово «*kalt*»: и кафельный пол такой холодный, что ноги леденеют, и в комнате холодно:

(7) “*Es ist kalt*”, sagte sie und gähnte leise, “*ich krieche unter die Decke. Gute Nacht*” [Борхерт URL].

– (7) Как холодно. Я залезаю под одеяло. Спокойной ночи [Борхерт URL].

Однако, опять же, героиня не говорит «Как холодно», а просто констатирует констатирует – *холодно*.

Приведенные примеры иллюстрируют существенную разницу в выражении эмоций носителями германских языков и русского языка.

Германским языкам свойственно использование для выражения эмоций не только прямой номинации, но и других средств, в частности грамматических. Вспомним, например, рекламу Макдональдса (*I'm loving it!*).

Для русского языка, который гораздо эмоциональнее немецкого или английского, вследствие того, что одним из ключевых концептов русской национальной картины мира является душа, более характерна прямая номинация, т. е. чувства и эмоции выражаются скорее лексическими, чем иными средствами.

Именно поэтому начинающий переводчик, инстинктивно чувствуя эмоциональную силу оригинала, пытается передать ее лексически, как свойственно русскому языку, добавляя прилагательные («оглушительная» тишина) или меняя характер высказывания («как холодно»). Однако при этом он не задумывается о том, что разрушает ту форму, которую автор целенаправленно выбрал для выражения своих мыслей.

Выводы

Проведенное сравнение оригинала рассказа В. Борхерта «Хлеб» с его переводом на русский язык выявило ряд расхождений и позволяет автору дать следующие ответы на поставленные в начале статьи вопросы:

1. Русский перевод в ряде случаев искажённо отражает содержание оригинала. Это касается как эмоционального фона произведения, так и его фактического содержания.

Нарушение эмоционального фона произведения возникает в результате неадекватного использования переводчицей эмоционально окрашенной лексики, а также вследствие нарушения «рубленого» стиля автора, который в данной русскоязычной версии рассказа оказывается практически полностью утраченным для читателя. Искажение фактического содержания возникает вследствие неправильной передачи смысла отдельных слов или выражений.

2. Смысловые расхождения между текстом перевода и текстом оригинала, касающиеся эмоционального фона произведения, нельзя считать случайными, так как они показывают, что носители разных языков используют различные средства для выражения похожего содержания (в исследуемом случае эмоций). Именно средства выражения, используемые переводчиком, могут создать у читателя неверное представление о содержании иноязычного произведения.

3. Смысловые расхождения между текстом перевода и текстом оригинала, касающиеся эмоционального фона произведения, возникли под влиянием картины мира переводящего языка. Для носителей русского языка очень важна эмоциональная сторона жизни человека. Это проявляется в значении многих языковых единиц и, соответственно, в самом способе выражения эмоций – преимущественно лексическом.

Для носителей германских языков (немецкого, английского), напротив, выражение эмоций является чем-то нежелательным, так как демонстрирует слабость человека, поэтому в этих языках процент эмоционально окрашенной лексики значительно ниже и для выражения эмоций гораздо шире используются другие языковые средства.

Таким образом, можно сделать вывод, что картина мира родного языка влияет на восприятие переводчиком иноязычного текста и может приводить к ошибкам и неточностям в интерпретации и переводе.

Это представляет значительную трудность для начинающих переводчиков, которые в ряде случаев стремятся создать красивый текст перевода, упуская из виду не только национально-специфические особенности оригинала, но и необходимость подбора адекватных средств выражения этих особенностей на переводящем языке.

В связи с этим хотелось бы отметить, что в процессе подготовки профессиональных переводчиков необходимо больше внимания уделять развитию навыков анализа иноязычного текста, делая акцент на особенности плана выражения и плана содержания.

Полезным представляется также проведение студентами сравнительного анализа различных переводов одного и того же оригинала с целью выявления наиболее удачных переводческих решений. Для подобных занятий оптимально подходит (короткий) рассказ, так как тексты этого литературного жанра представляют особую сложность для переводчика, в силу насыщенности содержания и точности средств выражения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Борхерт В.* «Хлеб»: пер. с нем. URL: <http://mustran.ru/2011/work/231> [Borhert, V. "Hleb" ("Bread"): transl. from German). URL: <http://mustran.ru/2011/work/231> (In Russ.).]
- Зализняк А., Левонтина И., Шмелёв А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_22.html [Zaliznjak, A., Levontina, I., Shmel'jov, A. Ključevye idei russkojazykovoj kartiny mira (*Key Ideas of Russian Worldview*). URL: http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_22.html (In Russ.).]
- Нин Юй, Свиридова Ю. А.* Концепт «хлеб» в русской языковой картине мира. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27339569> [Nin Juj, Sviridova, Ju. A. Koncept "hleba" v russkojazykovoj kartine mira (*The Concept of Bread in the Worldview of the Russian Language*) . URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27339569> (In Russ.).]
- Плисов Е. В.* Образ хлеба в русской, немецкой и английской картинах мира // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2016. № 2 (28). [Plisov, E. V. (2016). Obraz hleba v russkoj, nemetskoj i anglijskoj kartinah mira (*The Image of Bread in Russian, German and English Worldviews*). *Vestnik KRAUNZ. Gumanitarnye nauki*, 2(28). (In Russ.).]
- Duden – Das große Wörterbuch der deutschen Sprache.* Dudenverlag Berlin, 2000. 1 CD-ROM.

УДК 81.37

Б. В. Дидык, Э. А. Фахретдинова, А. Г. Лешин

Дидык Б. В., Военный учебный центр, начальник,
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: mil@linguanet.ru

Фахретдинова Э. А., Военный учебный центр, старший преподаватель,
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: mil@linguanet.ru

Лешин А. Г., Военный учебный центр, преподаватель,
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: mil@linguanet.ru

СЕМАНТИКА ПОНЯТИЙ «ОФИЦЕР» И «OFFICER» В НАИМЕНОВАНИЯХ СОСТАВОВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВС РФ И КАТЕГОРИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВС США

Статья посвящена проблеме перевода с русского языка на английский и с английского на русский понятия «офицер» в наименовании составов (категорий) военнослужащих, принятых в Вооруженных силах РФ и США. Для определения вариантов, позволяющих достичь всех целей перевода, авторы сравнивают систему составов (категорий) военнослужащих и воинских званий двух стран посредством соответствия типовым воинским должностям и обращаются к проблеме восприятия наименований категорий и составов военнослужащих в сознании носителей языка.

Ключевые слова: составы военнослужащих; офицер; воинские звания; вооруженные силы; воинские должности; система; соотношение.

B. V. Didyk, E. A. Fakhretdinova, A. G. Leshin

Didyk B. V., Chief of Military Training Center,
Moscow State Linguistic University, e-mail: mil@linguanet.ru

Fakhretdinova E. A., Senior lecturer of Military Training Center,
Moscow State Linguistic University; e-mail: mil@linguanet.ru

Leshin A. G., Lecturer of Military Training Center,
Moscow State Linguistic University; e-mail: mil@linguanet.ru

INTERPRETATION OF THE CONCEPT «OFFICER» IN THE DENOMINATION OF THE RUSSIAN AND THE US MILITARY PERSONNEL CATEGORIES

The article analyzes the problems of translation and interpretation from Russian into English and vice versa of the concept «officer» used as part of the denomination of military ranks and categories adopted in the Russian and American

Armed Forces. For the interpretation of categories to be comprehensible to both American and Russian military and civilians, the authors align the ranks with typical military assignments and pay grades and turn to the issue of perception of the category's entitlement in the native speaker's mentality.

Key words: military ranks and categories; officer; armed forces; military posts and assignments; system; correlation.

Введение

Использование системы воинских званий является одним из основных принципов построения иерархии в вооруженных силах. Сведения о воинском звании позволяют другим военнослужащим и гражданским лицам узнать типовую должность военного: его служебное положение по отношению к другим военнослужащим, круг его обязанностей и, соответственно, прав.

Безошибочное использование воинского звания – это требование воинских уставов и обязательный элемент этикета общения между военнослужащими и обращения к ним. При взаимодействии групп военных из разных стран точное определение служебного положения каждого военнослужащего по званию способствует установлению статусно-ролевых отношений коммуникантов [Шевченко URL] и становится залогом успешного и бесконфликтного сотрудничества. При этом определение воинского звания может быть затруднено: вооруженные силы иностранных государств используют неидентичные наименования воинских званий и непохожие знаки различия.

Составы военнослужащих ВС РФ и категории военнослужащих ВС США

Непонимание военным переводчиком соответствия того или иного звания должности и служебному положению может приводить к ошибкам в переводе. Военный переводчик должен осознать, что иногда невозможно найти буквальное соответствие званий в российской и иностранной военной действительности. Чтобы правильно перевести слова, обозначающие воинские звания, составы и категории военнослужащих, переводчик должен не только в совершенстве знать военную лексику, но и овладеть всем спектром переводческих трансформаций: от дословного перевода, частичной или полной транслитерации, сочетания транслитерации и дословного перевода, транскрибирования,

сочетания транскрибирования и перевода до лексико-семантических замен [Нелюбин 1981; Комиссаров 1990]. Военный переводчик также должен быть знаком с системой типовых должностей военнослужащих взаимодействующих стран, разбираться в знаках различия и представлять, какой образ в сознании носителей языка создает то или иное понятие, обозначающее звание или категорию военнослужащего. Для этого у военного переводчика должен быть сформирован большой объём фоновых знаний, позволяющих сделать его работу по-настоящему контекстно-ориентированной [Шевченко URL].

В Вооруженных силах США система категорий и воинских званий военнослужащих отличается от принятой в России. Причины возникновения различий заключаются в исторических, социальных и политических особенностях организации, строительства и комплектования вооруженных сил.

В Вооруженных силах РФ приняты следующие составы (категории) военнослужащих: «солдаты, матросы, сержанты, старшины» – «прапорщики и мичманы» – «младшие офицеры» – «старшие офицеры» – «высшие офицеры». В Вооруженных силах США выделяются военнослужащие категории «enlisted», в том числе подкатегории «junior enlisted» и «non-commissioned officers» (NCOs), и военнослужащие категории «officers», в том числе подкатегории «warrant officers» и «commissioned officers».

В Вооруженных силах Российской Федерации насчитывается три вида ВС и два отдельных рода войск. Выделяются войсковые звания для Сухопутных войск, Воздушно-космических сил, Воздушно-десантных войск, Ракетных войск стратегического назначения и корабельные звания для Военно-морского флота. Количество и наименование войсковых званий разных видов ВС и отдельных родов совпадает. Корабельные звания отличаются по наименованию, но имеют такое же количество наименований, как и войсковые.

Вооруженные силы США состоят из шести видов: сухопутных войск (US Army), корпуса морской пехоты (US Marine Corps), Военно-воздушных сил (US Air Force), военно-морских сил (US Navy), береговой охраны (US Coast Guard) и космических войск (US Space Force). Каждый вид имеет собственную систему званий. Определению соответствия между воинскими званиями различных видов помогает система «Pay Grades», классифицирующая военнослужащих

Таблица 1

Количество званий в ВС РФ и США по видам вооруженных сил и составам (категориям) военнослужащих

US Armed Forces	enlisted		non-commissioned officers	officers			Всего
	junior enlisted			warrant-officers	commissioned officers		
US Army	4 (E1-E4)	9 (E4-E9)	5 (W1-W5)	10 (O1-O10)		28	
US Marine Corps	3 (E1-E3)	9 (E4-E9)	5 (W1-W5)	10 (O1-O10)		27	
US Air Force	4 (E1-E4)	8 (E5-E9)	0	10 (O1-O10)		22	
US Navy	3 (E1-E3)	8 (E4-E9)	4 (W2-W5)	10 (O1-O10)		26	
US Coast Guard	3 (E1-E3)	8 (E4-E9)	3 (W2-W4)	10 (O1-O10)		25	
US Space Force	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	
СВ	2	4	2	11		19	
ВКС	2	4	2	11		19	
ВДВ	2	4	2	11		19	
РВСН	2	4	2	11		19	
ВМФ	2	4	2	11		19	
Вооруженные силы РФ	солдаты, матросы	сержанты, старшины	прапорщики, мичманы	офицеры		Всего	
	солдаты, матросы, сержанты, старшины						

по группам, соответствующим категориям и подкатегориям. Группе «Е» (уровни E1-E9) соответствуют военнослужащие категории «enlisted»; к группе «W» (уровни W1-W5) относятся военнослужащие подкатегории «warrant-officers»; военнослужащие подкатегории «commissioned officers» объединены в группу «O» (O1-O10). Понятие «Pay Grades» примерно соответствует понятиям «тарифный разряд», «штатно-должностная категория» и «оклад по званию», принятым в ВС РФ [Степанов URL].

В значительной степени трудность перевода воинских званий вызвана различиями в восприятии участниками коммуникации понятий, обозначающих звания и категории, а также таких собирательных понятий, как «офицер(-ы)», «сержант(-ы)» и т. п. Учет особенностей их восприятия в сознании носителей языка позволит военному переводчику добиться необходимого коммуникативного эффекта и повысить прагматический потенциал перевода.

Использования понятия «офицер» и «officer» в русском и английском языках

Спектр значений понятия «officer» в английском языке шире, чем спектр значений понятия «офицер» в русском. Только в английском языке возможны такие словосочетания, как «personnel officer» (сотрудник отдела кадров) или «chief executive officer» (генеральный директор), не имеющие отношения к реалиям вооруженных сил и прохождению военной службы. Более широким спектр значений этого понятия оказывается и в военном подязыке. «Officer» – это любой военнослужащий, командующий личным составом и исполняющий административные функции вне зависимости от звания. Речь идет о военнослужащих не только категории «officers», но и подкатегории «non-commissioned officers» категории «enlisted», примерно соответствующей сержантско-старшинскому составу ВС РФ. Такой военнослужащий носит воинское звание от капрала и выше (не ниже уровня E3 в системе «Pay Grades»), занимает должность не ниже командира боевой группы или звена (не более шести человек), закончил как минимум одномесячный курс младшего командного состава «Basic Leader Course».

В русском военном подязыке понятие «офицер» обозначает должностное лицо вооруженных сил, которое носит воинское звание

от младшего лейтенанта и выше, занимает должность от командира взвода (не более 28 человек) и выше, прошел обучения в военном высшем учебном заведении или на «военной кафедре» гражданского ВУЗа. Подобными характеристиками в реалиях вооруженных сил США обладают только военнослужащие подкатегории «commissioned officers».

Собирательное понятие «офицеры» в современных российских военных реалиях не включает солдат и матросов, сержантско-старшинский состав, прапорщиков (мичманов). Собирательное понятие «officers» в США не включает только подкатеорию «junior enlisted», но включает подкатегории «non-commissioned officers» и «warrant-officers». Военнослужащие подкатегории «warrant officers» занимают иерархическое положение между «non-commissioned officers» и «commissioned officers». В российской военной действительности место между сержантско-старшинским составом и младшими офицерами занимают прапорщики и мичманы, которые не являются офицерами.

Понятию «офицеры» в русском языке соответствует 19 наименований войсковых и корабельных званий. Понятие «officers» в ВС США включает 30 званий подкатегории «non-commissioned officers», пять званий подкатегории «warrant officers» и 20 званий подкатегории «officers» – итого 55 наименований званий (см. рис. 1). Соотношение

Армия США					
Категория	enlisted			officers	
Подкатегория	junior enlisted	non-commissioned OFFICERS	warrant-OFFICERS	commissioned	OFFICERS
Максимальная широта понятия "officer"	OFFICER				
Минимальная широта понятия "officer"				OFFICER	
Количество в/зв в подкатегории	[16 shaded bars]			[20 shaded bars]	[5 shaded bars]
Сухопутные войска ВС РФ					
Состав	солдаты	сержанты	прапорщики	младшие, старшие и высшие ОФИЦЕРЫ	
Максимальная широта понятия "офицер"				ОФИЦЕР	
Минимальная широта понятия "офицер"				ОФИЦЕР	
Количество в/зв в категории	[2 shaded bars]	[10 shaded bars]	[5 shaded bars]	[19 shaded bars]	

Рис. 1. Использование понятия офицеры / officers в системе воинских званий ВС РФ и США

количества званий 19 к 55 иллюстрирует причину возможных ошибок военного переводчика.

Необходимо отметить, что в русском языке не во всех речевых ситуациях под понятие «офицеры» попадают военнослужащие из состава высших офицеров. Для них может использоваться собирательное понятие «генералы» («адмиралы»). Отдельное собирательное понятие может использоваться и для военнослужащих наиболее высоких уровней иерархии («Pay Grades» O7-O10) видов вооруженных сил США, в наименовании воинских званий которых содержатся слова «general» или «admiral». В то же время военнослужащие подкатегории «NCOs» СВ, КМП и ВВС США, несмотря на использование слова «officer» в ее наименовании, во многих речевых ситуациях описываются собирательным понятием «sergeants».

Причиной выделения таких собирательных понятий, вероятно, является использование принятых в армии обращений, например, «товарищ генерал-майор», коллективное обращение «товарищи офицеры, генералы и адмиралы» в русском языке; «sergeant Pepper» – в английском.

Для перевода понятия «officers» с английского языка на русский военному переводчику в «идеальной» ситуации, предполагающей наличие времени на подготовку к переводу, следует:

- 1) определить, о какой из служб идет речь в тексте перевода – «офицером» могут называть руководящий состав не только видов вооруженных сил, но и некоторых других служб и федеральных агентств;
- 2) уточнить, о какой подкатегории военнослужащих идет речь;
- 3) для достижения прагматических и лингвокультурных целей необходимо уточнить, кто является реципиентом перевода – военнослужащий или гражданское лицо, специалист по международному военному сотрудничеству или условный «обыватель» и т. д.

На помощь переводчику приходит стилистика устного и письменного высказывания в американском военном подязыке. Слово «officer» практически не используется без определений и дополнений, уточняющих категорию военнослужащего. Такие уточнения могут быть эксплицитными, точно указывающими на категорию военнослужащего (например, «non-commissioned officers», «warrant-officers»)

или имплицитными [Степанов URL], ссылающимися на систему Pay Grades. Например, выражение «E4-E9 personnel» указывает на категорию «non-commissioned officers».

Перевод понятий *офицер* и *officer*

Перевод словосочетания «commissioned officers» (мн.ч.) и других наименований составов и категорий военнослужащих, должен быть контекстно-ориентированным. Военному переводчику следует иметь в своём «арсенале» следующие варианты перевода данного словосочетания: «офицеры», «младшие, старшие и высшие офицеры», «офицеры и генералы», «офицеры и адмиралы» (ВМС), «кадровые офицеры». Для перевода словосочетания «commissioned officer» (ед. ч.) необходимо использовать слово «офицер», «кадровый офицер» или, если из контекста следует, что речь идет о высшем офицере, то *генерал (адмирал)*.

Наименование подкатегории «non-commissioned officers» целесообразно переводить следующими словами и словосочетаниями: «сержанты», «сержанты и старшины», «старшины» (ВМС), «сержантский состав», «сержантско-старшинский состав».

Название подкатегории «warrant officers» следует переводить методом транскрибирования и перевода: «урент-офицеры». Нецелесообразно переводить название данной подкатегории как *прапорщики (мичманы)*: функциональные обязанности прапорщиков (мичманов) современных ВС РФ и урент-офицеров ВС США во многом совпадают, но лингвокультурный смысл, вкладываемый в данные понятия, сильно отличается.

Из-за отсутствия в военном дискурсе современного русского языка понятия «унтер-офицеры» переводчикам следует избегать употребления данного словосочетания при переводе понятий «non-commissioned officers» и / или «warrant-officers». Для перевода словосочетаний «commissioned officers» и «non-commissioned officers» также нецелесообразно использовать кальки «офицеры на комиссии» и «офицеры без комиссии». Военнослужащему ВС РФ не будет понятен данный аспект американских военных реалий. В США должность командира воинского формирования от взвода и выше может занять только военнослужащий, получивший сертификат на выполнение обязанностей командира от президента страны.

Такой сертификат – «комиссия» («commission») – подтверждает, что «первое лицо» доверяет военнослужащему командование формированием от своего имени, поскольку вооруженные силы – это часть системы исполнительной власти, сосредоточенной в руках президента. Основанием для выдачи «комиссии» является успешное выполнение программы учебного заведения, в первую очередь, училищ видов Вооруженных сил США. В большинстве классических профессиональных армий сержанты и старшины (non-commissioned officers) имеют большую выслугу лет, более богатый служебный и боевой опыт и больше влияние на подчиненный личный состав, чем младшие офицеры (comissioned officers). Основная обязанность младших офицеров ВС США – не работа с личным составом, как это принято у их коллег в Вооруженных силах РФ, а применение полученных в ходе обучения навыков, умений и знаний для эффективного руководства подразделениями в бою, использования наиболее современных тактических приемов и оружия. Офицеры «на комиссии» противопоставляются офицерам «без комиссии» именно по возможности занимать командные должности в воинских формированиях, а не в вопросах выслуги, опыта и влияния, оказываемого на подчиненный личный состав.

Для перевода на английский язык понятия «офицеры» употребление прямого эквивалента «officers» не является достаточным. Адекватным эквивалентом будет являться словосочетание «commissioned officers» или конструкция со ссылкой на «Pay Grades» – «O1-O10 personnel», «O1-O6 officers» и т.п.

В соответствии с Уставом внутренней службы ВС РФ выделяется три состава офицеров: младшие, старшие и высшие. Подобная классификация характерна как для войсковые, так и для корабельных званий. В ВС США также существует традиция подразделять воинские звания офицеров на классы в зависимости от званий. Названия и содержание данных классов в ВМС и Береговой охране отличаются от названий, принятых в других видах ВС США.

При переводе с английского языка словосочетаний *junior grade warrant officer*, *field grade warrant officer* и *senior field grade warrant officer* на русский язык военному переводчику важно не забывать использовать первую составную часть («урент»): младший уорент-офицер, старший уорент-офицер. Следует обратить внимание на

Таблица 2

Соответствие составов офицеров ВС РФ и классов военнослужащих США, выделяемых в категории «officers»

Офицеры ВС РФ	US Army, US Marine Corps, US Air Force, US Space Force		US Navy, US Coast Guard		Уорент-офицеры	
	Pay Grades	Grade	Pay Grades	Grade	Pay Grades	Grade
Младшие офицеры	O1-O3	Company grade officers	O1-O4	Junior grade officers	W1-W2	Junior grade warrant officer
Старшие офицеры	O4-O5	Field grade officers	O5-O6	Mid-grade officers	W3-W4	Field grade warrant officers
	O6	Senior Field grade officers			W5	Senior field grade warrant officers
Высшие офицеры	O7-O10	General officers	O7-O10	Flag officers	-	-

тот факт, что группы «field grade» и «senior field grade» при переводе на русский язык будут передаваться словосочетанием «старшие офицеры». Словосочетание «general officers» можно переводить как «генералы», «flag officers» – как «адмиралы». Переводчик может использовать прием описательного перевода с имплицитными конструкциями, ссылающимися на систему «Pay grades». Так, например, выражение «старшие офицеры ВМС США» можно перевести «US Navy mid-grade officers» и «US Navy O5-O6 officers»; «младшие и старшие офицеры корпуса морской пехоты» – «US Marine Corps O1-O6 personnel», а «старшие офицеры ВМС США» – «US Navy O5-O6 officers».

Заключение

Военному переводчику для достижения всех целей перевода необходимо обладать большим объёмом экстралингвистических знаний. Такие знания переводчик может получить в процессе обучения или в процессе подготовки к каждому конкретному эпизоду переводческой деятельности. Однако на такую подготовку часто не хватает времени и ресурсов, поэтому большое внимание должно быть уделено формированию экстралингвистических компетенций в процессе подготовки переводчиков, в частности в военном учебном центре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Нелиубин Л. Л., Дормидонтов А. А., Васильченко А. А. Учебник военного перевода: Английский язык. Общий курс. М.: Воениздат, 1981. [Neliubin, L. L., Dormidontov, A. A., Vasilchenko, A. A. (1981). *Military Translation Textbook: English*. М. : Voenizdat (Military Publishing House). (In Russ.)].
- Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М: Высшая школа, 1990. [Komissarov, V. N. (1990). *Theory of Translation (linguistic aspects)*. М.: Visshaya Shkola (Higher School). (In Russ.)].
- Шевченко М. А. Роль иноязычного профессионального дискурса при обучении военному переводу в условиях контекстной ориентированности. 2018. elibrary.ru/item.asp?id=35206145 (дата обращения: 15.02.2020). [Shevchenko, M. A. (2018). Rol inoiazыchnogo professionalnogo diskursa pri obuchenii voennomu perevodu v usloviiakh kontekstnoi orientirovanosti (*The Role of Foreign-Language Professional Discourse in Teaching Military Translation in Context-Oriented Conditions*). <http://elibrary.ru/item.asp?id=35206145> (accessed: 15.02.2020) (In Russ.)].

Степанов Е. А. Воинские звания в языковой картине мира российских и американских военнослужащих. 2011. <http://cyberleninka.ru/article/n/voinskie-zvaniya-v-yazykovoy-kartine-mira-rossiyskih-i-amerikanskih-voennosluzhaschih/viewer> (дата обращения: 15.02.2020). [Stepanov, E. A. (2011). Voinskie zvaniia v iazykovoï kartine mira rossiiskikh i amerikanskikh voennosluzhashchikh (*Military Grades in the Linguistic Image of the World of the Russian and U.S. Military*). <http://cyberleninka.ru/article/n/voinskie-zvaniya-v-yazykovoy-kartine-mira-rossiyskih-i-amerikanskih-voennosluzhaschih/viewer> (accessed: 15.02.2020) (In Russ.)].

УДК 81.26

А. И. Иволгина

преподаватель кафедры переводоведения и практики перевода английского языка, переводческий факультет, Московский государственный лингвистический университет; e-mail: annycka@mail.ru

ПЕРЕДАЧА СТИЛИСТИЧЕСКИ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ

В статье автор рассматривает переводческие решения при передаче в синхронном переводе с русского языка на английский слов со стилистически сниженной окраской в политическом дискурсе. Данная проблема прежде всего связана условиями временной ограниченности и скоростью оратора при синхронном переводе. В качестве материала исследования выбрано недавние выступления Президента В. Путина, вызвавшие широкое обсуждение в переводческой среде. В ходе исследования были использованы методы анализа, индукции и синтеза.

Ключевые слова: синхронный перевод; политический дискурс; стилистически сниженная лексика; перевод с русского на английский.

A.I. Ivolgina

Lecturer at the Department of Translation Studies and English Translation, Moscow State Linguistic University; e-mail: annycka@mail.ru

RENDERING COLLOQUIAL LEXICAL UNITS FROM RUSSIAN INTO ENGLISH IN CONFERENCE INTERPRETING OF POLITICAL DISCOURSE

In this article, the author analyses translation decisions when rendering colloquial lexical units in simultaneous interpreting of political discourse from Russian into English. The issue is primarily associated with such features of conference interpreting as narrow time limits and the speech rate. The research is based on recent widely discussed speeches of Russian President V. Putin. The primary methods of the research include analysis, induction and synthesis.

Key words: conference interpreting; political discourse; colloquial lexical units; interpreting from Russian into English.

Введение

В современном мире ни одно крупное политическое событие не обходится без синхронного перевода. Помимо основных трудностей, связанных с синхронным переводом, – сжатые временные рамки

и скорость оратора, переводчику приходится сталкиваться и с лексическими трудностями. Использование современными ораторами стилистической сниженной лексики в политическом дискурсе вызывает особую трудность у переводчика ввиду ее несоответствия регистру и соответствующей прогнозируемой реакции со стороны переводчика. В статье рассматриваются основные переводческие решения в синхронном переводе при передаче подобных лексических трудностей.

Были использованы следующие методы: анализ выступлений высших политических деятелей и их синхронный перевод на английский язык, а также индукция и синтез переводческих решений.

Стилистическая сниженная лексика

Прежде чем мы перейдем к анализу переводческих стратегий, рассмотрим понятие стилистически сниженной лексики. В связи с изменением политического строя в начале XXI века, произошла демократизация всех областей современного общества, что, несомненно, повлияло и на языковую ситуацию, которая на данный момент характеризуется таким явлением, как жаргонизация. Подобное распространение стилистически сниженной лексики коснулось не только языка СМИ, но и затронула политический дискурс, о котором мы поговорим далее.

В данной статье в качестве мы будем оперировать понятием «стилистически сниженная лексика», поскольку в современной лингвистике нет четкого разграничения между стилистически сниженной лексикой, жаргоном, аргю, экспрессивной лексикой ненормативного употребления и др. Все эти понятия даются в книге «Русский язык и культура речи» [Русский язык и культура речи 2002] как синонимичные. Все они означают языковые явления, которые не соответствуют нормам современного русского литературного языка. Поэтому в качестве гиперонима мы будем использовать термин «стилистически сниженная лексика».

Причина же распространения такого слоя лексики, можно считать, по мнению С. Г. Тер-Минасовой [Тер-Минасова 2000, с. 75], заключается в том, что «язык улицы» стал подтверждением правильной классовой принадлежности, поскольку, с одной стороны, отображает свободу слова, а с другой – указывает на воздействие на язык со стороны не слишком грамотных, но весьма влиятельных «новых русских». Таким образом, эти два фактора в совокупности привели к тренду на

использование стилистически сниженной, иногда приклатненной, лексики [там же, с. 78], которая определяет статус говорящего.

Политический дискурс

Прежде чем мы перейдем к анализу политического дискурса, отметим, что именно мы подразумеваем под понятием *дискурс*. Дискурс мы определяем как авторский текст, созданный для достижения поставленных целей в общении, отражающий видение мира, присущий данному социуму.

Теперь рассмотрим понятие политического дискурса. По мнению ученого Баранова А.Н., политический дискурс – это «совокупность всех речевых актов в политических дискуссиях, правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов, Казакевич, 1991, с. 6]. Стоит отметить, что как и любой другой вид речевого акта, политический дискурс отражает также и особенности менталитета политика.

При помощи политического дискурса определенные народные круги отстаивают собственные интересы, используя аппарат власти. Так, основываясь на законах психологии управления сознанием аудитории, политик при помощи языковых средств влияет на точку зрения народа. Его речь каждый раз строится в зависимости от типа аудитории: ее социальных норм и культурных традиций.

А. П. Чудинов, характеризуя политический дискурс, отмечает следующие характерные черты данной коммуникации: информативность, институциональность, ритуальность, личностный характер, общедоступность и др. [Чудинов 2006, с 115] Как мы видим, помимо официально-деловых характеристик речи, отмечаются и индивидуальные качества оратора, а также доступность восприятия для аудитории. Важно отметить, идеологический компонент политического дискурса, поскольку идеология является наиболее важным элементом в завоевании и удержании власти, при этом идеологическая составляющая часто выражается либо путем аргументации (источником когнитивного воздействия), либо посредством использования определенных языковых средств.

Обращаясь к вопросу применения языка в политическом дискурсе, возникают две основные проблемы – власть языка и язык власти. По нашему мнению, всё, что касается языковых средств, используемых

нынешней властью, можно отнести к языку власти, предмету лингвистики, а само воздействие этих языковых средств и приемов – к власти языка, предмету уже политической лингвистики.

Использование в политическом дискурсе стилистически сниженной лексики вместе с литературным языком для современного политика указывает, помимо двух упомянутых выше факторов, на следующие: 1) желание быть ближе к аудитории, показать свою причастность к общему народному пласту, выполняя модель «я – свой»; и 2) сделать речь более непредсказуемой, удерживая таким образом внимание потенциального слушателя.

Следовательно, выбор лингвистических средств зависит от 1) личности политика, его мировоззрения и 2) от аудитории, на которую направлен политический дискурс. Не стоит забывать об особой роли, которую играет ситуативная приуроченность и контекст, поскольку любое политическое выступление тесно связано с международной повесткой дня.

Однако, если к последнему переводчик может подготовиться, выучить необходимый терминологический аппарат, и пользуясь законом вероятностного прогнозирования, мгновенно подбирать необходимые готовые эквиваленты перевода, то личность оратора, его особенность прибегать к специфичным языковым единицам, вносит неприятный эффект неожиданности, вкупе, как мы уже писали выше, к трудностям ограниченности временных рамок и скорости речи. В таких трудных условиях, не считая психологического и морального напряжения, переводчику требуются дополнительные усилия для решения подобных лексических трудностей. Как говорил в своем интервью для газеты «Вести» второй секретарь ДЛЮ МИД РФ Сергей Чудинов: «Вы должны распознать речь, вы должны ее проанализировать, вы должны подобрать эквивалент, вы должны выдать на язык, на который переводите, и еще проконтролировать, чтобы это хорошо звучало, продолжая при этом слушать последнюю фразу» [Под грифом «секретно»: переводчики МИД рассказали о работе с Путиным URL].

Переводческие решения

Не так давно всё переводческое сообщество активно обсуждало, как следует передать «подхрюкивать» из цитаты В. Путина: «[США] еще и своих сателлитов мобилизуют: они так аккуратненько, но все-

таки американцам подхрюкивают по этому вопросу». Данное высказывание было употреблено во время ежегодного Послания Федеральному собранию РФ 20 февраля 2019 г. в контексте нарушения ДРСМД, заключенного в 1987 г. между СССР и США.

Подобная переводческая проблема не оставила равнодушной и представителя российского МИД. В «Facebook» Мария Захарова поинтересовалась, как эту фразу смогут перевести иностранные СМИ. Новостное агентство «Рейтер» решило воспользоваться *приемом опущения* и не переводить эту фразу. В переводе мы видим, что высказывание Президента России про союзников США было целиком опущено. На сайте агентства можно прочитать: «Вашингтон мобилизовал свои силы в Европе, чтобы те поддержали их действия» [Reuters URL]. Агентство «Bloomberg» предложило дословный перевод. Он гласит: «oinking along with Washington» [Bloomberg URL]. В переводе это означает: «хрюкать вместе с Вашингтоном». Интернет-издание Fort Russ News использовало глагол «grunt». В их переводе мы читаем: «Instead, Washington has violated the treaty and then mobilizes its allies, who release “grunts” of support for Americans» [Fort Russ News URL]. К этому же варианту склонялись и представители переводческого сообщества «Город переводчиков». Они полагают, что данный глагол имеет схожее с русским значение: «If a person or animal grunts, they make short low sounds in their throat» [Longman Dictionary of Contemporary English URL]. Однако, как мы видим, использование словарно близкого глагола не совсем верно, потому что в речи Президента глагол «подхрюкивать» был использован в переносном значении, и в переводе получится небольшое смысловое расхождение. Обратимся теперь к официальному переводу, приведенному на сайте Кремля: «But they are also mobilising their satellites that are cautious but still *make noises in support* (шрифт наш) of the USA» [Официальные сетевые ресурсы Президента Российской Федерации URL]. В данном случае мы видим использование описательного перевода, который подходит лучше, хотя теряется сниженный регистр, фраза становится нейтральной по стилю. Тем не менее, мы сейчас рассматривали варианты письменного перевода, преимущество которого является большое количество времени на обдумывание и подбор подходящего эквивалента. Если мы послушаем синхронный перевод прямого эфира, то мы услышим следующее: «they [the USA] also...(заметна большая пауза, которая

говорит о том, что переводчик никак не ожидал использование такого стилистически сниженного слова в данном контексте, контексте обсуждения выхода США из Международного договора) [they] use their satellites ... satellite countries and they tell the US lines» [LIVE: Putin delivers annual address to Russia's Federal Assembly – ENG URL]. В переводе так же слышно, как переводчик не смог сразу построить готовое предложение, но он попытался перестроить фразу на английский так, чтобы она стала понятной. К сожалению, имя переводчика нам неизвестно, но в качестве своего переводческого решения он выбрал тоже описательный перевод, но менее образный. Разумеется, повторимся, в рамках цейтнота у переводчика не так много времени на то, чтобы подобрать идеальный эквивалент.

Не менее нашумевшей в переводческой среде стала фраза «Донбасс порожняк не гонит». Не самая простая фраза в ее понимании. Она тоже относится к стилистически сниженной лексике, а точнее, к блатному жаргону, на котором фраза «гнать порожняк» означает «говорить чушь, нелепицу или неправду» и синонимичному выражению «не отвечать за базар». Данная фраза была впервые использована в этом значении среди народных масс еще в 2000 г. бывшим президентом Украины, а в то время губернатором Донецкой области В. Ф. Януковичем. Таким образом, по его словам, Донбасс за базар отвечает. То же самое имел в виду и В. Путин, упомянув эту фразу в ходе ежегодной Большой пресс-конференции (19 декабря 2019 г.) на ответ журналиста. «Эта известная фраза: «Донбасс порожняк не гонит», – она, знаете, конечно, хулиганская, бойцовская, но она в душе у людей есть». [Официальные сетевые ресурсы Президента Российской Федерации URL].

Обратимся к варианту перевода, который нам предлагает официальный источник – сайт Президента России. «There is a saying that people in Donbass never yield under pressure. It definitely has a ruffian and aggressive side to it, but this is how people feel deep inside». [там же URL]. В данном случае был использован описательный перевод, который снимает стилистическую окраску высказывания. Если мы послушаем синхронный перевод на английский данной фразы, то сможем отметить, как переводчик воспользовался приемом опущения и перешел к следующей мысли. В частности, он сказал: «... you know there are people who care about dignity, about pride...» [LIVE: Putin holds annual

press conference in Moscow (ENG) URL]. Данный прием не случаен, он был обусловлен рядом факторов: эффектом неожиданности и ограниченностью во времени. После обсуждений, однако, как заявляет третий секретарь ДЛО МИД РФ Наталья Красавина, переводчиками было предложено передать это выражение как: «Донбасс ерунды не говорит», т.е. «doesn't talk nonsense». [Телеканал «Россия 1». Москва. Кремль. Путин от 16.02.20 URL]. Мы считаем, этот вариант перевода является адекватным эквивалентом, хотя и произошла некоторая потеря эмоциональной коннотации, однако в условиях синхронного перевода это не очень большая потеря.

Рассмотрим еще один яркий пример, хоть и менее современный. В ходе другой Большой пресс-конференции (от 23 декабря 2016 г.) В. Путин отвечая на вопрос представителя издания «Бизнес Online», сказал: «Если на нашем финансовом рынке будут оставаться учреждения, которые, как совсем ещё недавно говорили, финансовыми учреждениями не являются, а являются “прачечными” по “отмывке” каких-то денег, то ничего хорошего из этого не получится». [Официальные сетевые ресурсы Президента России URL]. Здесь мы видим использование двух слов со сниженной стилистикой. Примечательно, что, если «отмывка» в Большом толковом словаре русского языка указывается как жаргонизм, второе, несмотря на свою нейтральную оценку, в своем первом значении в данном контексте принимает негативную коннотацию, в результате чего его стилистический регистр снижается.

Для начала следует отметить, что для *отмывания денег* в английском языке существует эквивалент [Longman Dictionary of Contemporary English URL], который, как мы впоследствии увидим, приводится как в письменном варианте, так и в синхронном: «*launder money*», однако следует отметить, что у этого глагола вполне нейтральная коннотация, в отличие от русской «отмывки». Нас больше интересует передача слова «прачечные», поскольку оно употреблено в переносном значении со снижением регистра.

Рассмотрим вариант перевода, приведенного на официальном интернет-ресурсе Президента: «If organisations that are not financial institutions at all, but money laundering vehicles, remain on the Russian market, it will do no good, and depositors will be the ones to suffer» [Официальные сетевые ресурсы Президента России URL]. В данном варианте письменного перевода мы видим прием описательного

генерализированного перевода: «vehicles». В то время как в синхронном переводе данное выражение было передано дословно следующим образом: «Such enterprises that are not financial institutions that are just special *dry cleaners* trying to launder money then this is going to be something terrible» [Владимир Путин. Пресс-конференция 2016 (Версия на английском языке) URL].

Заключение

Сделаем предварительные выводы. В ходе исследования мы обнаружили, что использование стилистически сниженной лексики в политическом дискурсе является современной тенденцией, нацеленной, прежде всего, на приближение власти к народу, но в то же время указывающей на картину мира политика. Использование подобных слов в политическом дискурсе по-прежнему обладает эффектом неожиданности в силу институциональности данного типа дискурса, что, в свою очередь, приводит к дополнительному моральному и психологическому напряжению синхронного переводчика, часто ставя его в тупик. Как мы видели на примерах, это отражается, прежде всего, тем, что переводчик вынужден делать паузу и порой перестраивать целиком предложение, поскольку он, исходя из вероятностного прогнозирования, никак не ожидал использования слова с подобной стилистической окраской. Мы полагаем, что самым безопасным и удачным выходом из подобной ситуации может стать описательный перевод, но для этого переводчику необходимо больше времени, чтобы понять, что именно хотел сказать оратор, это легко сделать, как мы убедились, при письменном переводе, в синхронном же – ограниченность временных рамок заставляет порой и вовсе опускать фразу целиком, либо же давать ее дословный перевод.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. С. 3–35. [Baranov A. N., Kazakevich E. G. *Parlamentskiye debaty: traditsii i novatsii. (Parliamentary Debates: Traditions and Innovations)* (p. 3–35) Moscow: Znaniye (In Russ.)].
- Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. [S. A. Kuznetsov (ed.), *Bol'shoiy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. (Unabridged Explanatory Dictionary of the Russian Language)*. SPb.: Norint. (In Russ.)].

- Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://kremlin.ru>. [Ofitsial'nyye setevyye resursy Prezidenta Rossii. (*Official Internet resources of the Russian President*). <http://kremlin.ru> (In Russ.)].
- Под грифом «секретно»: переводчики МИД рассказали о работе с Путиным от 16.02.2020 URL: <http://www.vera.vesti.ru/doc.html?id=3240216> [Pod grifom “sekretno”: perevodchiki MID rasskazali o rabote s Putinyim ot 16.02.2020 (“*Classified information*”: *the MFA Interpreters Speak About Their Work with Mr. Putin dated 16.02.2020*). <http://www.vera.vesti.ru/doc.html?id=3240216> (In Russ.)].
- Русский язык и культура речи: учебник для вузов. М.: Высшая школа; СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. [Russkiy yazyk i kul'tura rechi: Uchebnik dlya vuzov. (*Russian Language and Culture of Speech: Textbook for Universities*). Moscow: Vysshaya shkola; St. Petersburg: RGPU im. A.I.Gertsena (In Russ.)].
- Телеканал Россия 1. Москва. Кремль. Путин от 16.02.20. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OC1kylcSKLk> [Telekanal Rossiya 1. Moskva. Krem'l'. Putin ot 16.02.20. (*Channel One Russia TV. Moscow. Kremlin. Putin*). <https://www.youtube.com/watch?v=OC1kylcSKLk> (In Russ.)].
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация Москва: Слово/Slovo, 2000. [Ter-Minasova, S. G. (2000). Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. (*Language and intercultural communication*). Moscow: Slovo/Slovo. (In Russ.)].
- Форум Город Переводчиков. URL: <http://www.trworkshop.net/forum/viewtopic.php?f=25&t=65597>. [Forum Gorod Perevodchikov. (*City of Translators Forum*). <http://www.trworkshop.net/forum/viewtopic.php?f=25&t=65597> (In Russ.)].
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2006. [Chudinov, A. P. (2006). Politicheskaya lingvistika. (*Political Linguistics: A Study Guide*). Moscow: Flinta, Nauka. (In Russ.)].
- Bloomberg. Putin Says Russia to Target U.S. If Missiles Put in Europe. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-02-20/putin-promises-russians-to-improve-living-standards-this-year>.
- Facebook Maria Zakharova URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167>.
- Fort Russ News. Putin Warns Europe He Will Place Missiles On Major Cities If Aggression Towards Russia Continues. URL: <https://www.fort-russ.com/2019/02/putin-warns-europe-he-will-place-missiles-on-major-cities-if-aggression-towards-russia-continues/>.
- Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/grunt>.
- Reuters. Russian President Vladimir Putin's end-of-year news conference. URL: <https://www.reuters.com/article/us-russia-putin-highlights/russian-president-vladimir-putins-end-of-year-news-conference-idUSKBN1YN16R>.

Yotube. Владимир Путин. Пресс-конференция 2016. (Версия на английском языке) URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vowfNmzp3d0>.

LIVE: Putin delivers annual address to Russia's Federal Assembly – ENG. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QC3TgSHGvpw>.

LIVE: Putin holds annual press conference in Moscow (ENG). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eKuX95qk5aE>.

УДК 811.112.5

Н. А. Коломиец

старший преподаватель кафедры скандинавских,
нидерландского и финского языков, переводческий факультет,
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: Na.kolomiets@gmail.com

РОЛЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В СОЗДАНИИ ФРЕЙМОВЫХ СТРУКТУР В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НИДЕРЛАНДСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается роль концептуальной метафоры во фреймовых структурах в политическом дискурсе на примере материалов выступлений политических деятелей на нидерландском языке, проанализированных методом сплошной выборки как в электронных СМИ, так и в печатных. На основе исследований моделирования фреймов, их структуры, а также когнитивной теории метафоры Дж. Лакоффа делаются выводы о значимости политической метафоры в рассматриваемом дискурсе, о способах выражения метафоры и о ее влиянии на процесс принятия решений целевой аудиторией потенциальных избирателей.

Ключевые слова: фрейм; политический дискурс; узлы; субфреймы; суперфреймы; когнитивная теория метафоры; концептуальная метафора; метаморфическое мышление; военная метафора; емкость метафоры, риторическое воздействие.

N. A. Kolomiets

Lecturer, Department of Scandinavian, Dutch and Finnish Languages,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University;
e-mail: Na.kolomiets@gmail.com

THE ROLE OF CONCEPTUAL METAPHOR IN THE CREATION OF FRAME STRUCTURES IN POLITICAL DISCOURSE IN DUTCH

The article explores the role of a conceptual metaphor in the creation of frame structures in political discourse on the basis of the materials of speeches of politicians of the Netherlands and Belgium, analyzed by the method of continuous sampling both in electronic media and in print. Based on studies of frames modeling, their structure, as well as the theory of cognitive metaphor by Lakoff, we've come to the conclusions about the significance of the political metaphor in the above discourse, the ways of expressing the metaphor and its impact on the decision-making process by the target audience of potential voters.

Key words: frame; political discourse; subframes; super frames; theory of cognitive metaphor; conceptual metaphor; metamorphic thinking; military metaphor; compact metaphorical statements, rhetorical effect.

Введение

В проведенном нами исследовании рассматривается роль концептуальной метафоры в фреймовых структурах политического дискурса нидерландского языка.

В работе использовались центральные СМИ Нидерландов и Бельгии за период 1981–2017 годов. В современной науке существуют различные подходы определения понятия «фрейм». Понятие «фрейм» используется в лингвистике и других гуманитарных, социальных и технических науках, где он везде обозначает «устойчивую когнитивную структуру, структуру знаний, рамку, ячейку, или ментальный образ, содержащий некоторую информацию» [Назаретян URL].

Проблему дефиниции понятия «фрейм» изучают отечественные лингвисты М. Л. Макаров, В. З. Демьянков, А. В. Плешакова и др., а также зарубежные – М. Минский, Ч. Филлмор, Д. Хадсон, Ф. Барлетт, Т. А. ван Дейк.

Теория фреймов по М. Минскому и Ч. Филлмору

Теория фреймов начала разрабатываться в первой половине 1970-х годов американским специалистом по искусственному интеллекту М. Минским. Определение «фрейма» в современном значении он дал в своей книге «Фреймы для представления знаний» (1974): «Человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), названный нами фреймом, с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных деталей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений и процессов. Фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации» [Минский 1979, с. 72].

Минский также рассматривает структуру фрейма, состоящую из двух уровней: узлы верхнего уровня с более общими признаками, четко определенные в отношении рассматриваемой ситуации, и узлы нижнего уровня, состоящие из пустых узлов (slots – терминалы) и заполняемые конкретными данными в процессе приспособления фрейма к ситуации. Также Минский считает, что существует взаимосвязь фреймов: семантически близкие фреймы структурируют иерархическую систему из субфреймов, а суперфреймы выстраивают системы фреймов [Минский 1979, с. 7].

В когнитивной лингвистике Ч. Филлмор предложил теорию фреймовой семантики, ставшую одной из основ когнитивной лингвистики. По мнению Филлмора, «все слова образуют группы, которые являются единым целым, потому что каждая группа является лексическим представителем некоторой единой схематизации опыта или некоторого знания. В каждом случае, для того чтобы понять смысл одного из членов группы, необходимо до некоторой степени понять, что значат они все. Такие группы слов удерживает вместе то, что они мотивируются, определяются и взаимно структурируются особыми унифицированными конструкциями знания или связанными схематизациями опыта, для которых можно использовать общий термин *фрейм*» [Филлмор 1988, с. 54].

Теория метафоры Дж. Лакоффа

Идея фреймового анализа легла в основу когнитивной теории метафоры Джорджа Лакоффа. Американский лингвист, специалист в области синтаксиса и семантики, профессор когнитивной лингвистики в Калифорнийском университете Дж. Лакофф стал известен своей теорией о роли метафоры в конструировании знаний человека, которая была разработана совместно с философом и логиком Марком Джонсоном. Теория была впервые опубликована в труде «Метафоры, которыми мы живем». В соответствии с ней большая часть понятийной системы человека сконструирована метафорами. Метафоры – это средство познания действительности и инструмент концептуализации опыта и речевой деятельности человека. «Метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 25].

По теории концептуальной метафоры метафоризация подразумевает взаимодействие между структурами знаний: сфера-источник и сфера-мишень. Элементы из сферы-источника, которые возникают как результат опыта взаимодействия человека и окружающего мира, формируют сферу-мишень. Опыт взаимодействия человека и окружающего мира – это базовые знания. «Устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества, получили название “концептуальных метафор”. К числу концептуальных метафор

европейской культуры относятся, например, метафорические проекции время – это деньги, спор – это война, жизнь – это путешествие и др.» [Баранов 2008, с. 11].

Особенную важность в теории метафоры имеет когнитивная функция метафоры, которую в предисловии к книге «Метафоры, которыми мы живем» А. Н. Баранов характеризует как: «Одно из проявлений тезиса о когнитивной функции метафоры – это предположение о том, что метафора влияет на процесс принятия решений. Метафора так или иначе может влиять на любой из этапов принятия решений, но она особенно важна при формировании множества альтернатив разрешения проблемной ситуации. Можно сказать, что человек видит только те альтернативы, которые совместимы с данной метафорой и которые она высвечивает в ситуации коммуникативного взаимодействия» [Баранов 2008, с. 16].

Метафора помогает нам, с одной стороны, осмыслить и выделить один аспект концепта в терминах другого, с другой стороны, она отводит внимание от других аспектов концепта.

Исследования концептуальной метафоры в сфере политической коммуникации особенно актуальны. По мнению многих современных исследователей, политическая метафора – инструмент манипуляции общественным сознанием. Выводы, которые делаются на основании метаморфического мышления, могут формировать основу для действия. Отсюда возрастающий интерес современных исследователей к концептуальной метафоре в сфере политической коммуникации.

Важным для нашего исследования будет определение роли политической метафоры в моделировании фрейма Дж. Лакоффа. Термин «фрейм» Дж. Лакофф использовал в своем труде «Не думай о слоне!» (2004), в котором он описывает значимость фрейма на примере президентской кампании Дж. Буша – младшего. В своей книге Дж. Лакофф подчеркнул, что создание фреймов – это не обман и манипулирование, а наука выражать то, во что вы верите, своим собственным языком, в ваших собственных фреймах, которые, в свою очередь, будут вызывать в умах людей изображения и идеи, соответствующие желаемому мировоззрению [Lakoff 2014, с. 124].

В США в 2011 г. было проведено исследование о влиянии фрейма с использованием яркой метафоры на процесс принятия решений. Читательский эксперимент был проведен в Университете Стэнфорда

исследователями Полом Тибодо (Paul Thibodeau) и Лерой Бородицки (Lera Boroditsky). В эксперименте участвовало 482 студента. Их попросили ознакомиться с одним из двух отчетов о криминальной обстановке и росте преступности в вымышленном городе Аддисон. Они должны были предложить способы разрешения этой проблемы. Рост преступности в Аддисоне был описан двумя метафорическими способами. В одном из отчетов при описании преступности была использована метафора «вирус, поразивший город и заражающий общество», ассоциирующаяся с распространением инфекции, чумы, в другом отчете использовались те же цифры, но преступность описывалась как «дикое чудовище, пожирающее город», что вызывало ассоциации с жертвой, западной. Первая группа предложила решения по сокращению преступности, как в борьбе с вирусными инфекциями: профилактика, образование, ликвидация социального неравенства, социальные реформы. Вторая группа вынесла предложения, похожие с решениями по борьбе с нашествием диких животных: охота на преступников, поймать, посадить за решетку. В качестве решения проблемы они предложили ужесточить наказания, увеличить количество тюрем и призвать на помощь армию: 75% участников за ужесточение и только 25% студентов – за социальные реформы: улучшение образования, усовершенствование системы здравоохранения и экономические реформы. Исследователи из Стэнфордского университета показали значимость воздействия метафоры на восприятие. Примечательно, что немногие участники эксперимента увидели влияние этих описательных метафор. По просьбе Тибодо и Бородицки участники должны были указать часть текста, которая оказала наибольшее значение на принятие решения. В результате большинство респондентов посчитали, что это статистика преступлений, не связав это с лингвистикой [Thibodeau, Boroditsky 2011].

Исследования концептуальной метафоры в политическом дискурсе нидерландского языка

Создание определенного фрейма с использованием яркой метафоры – является одним из важнейших лингвистических приемов риторики политических партий Нидерландов и Бельгии. Создаются фреймовые структуры, которые активируют с помощью целевых слов и ярких метафор положительный или отрицательный сценарий

в сознании потенциального избирателя. Политики пытаются представить окружающую действительность в выгодном им свете: преувеличивать проблемы или, наоборот, преуменьшать их значение. С помощью фреймов определенные аспекты действительности высвечиваются, а другие – скрываются.

В исследованиях особенностей языка политического дискурса психолог из Антверпенского университета Кристл Де Ландтсхеер (Christl De Landtsheer) считает, что использование фреймовых структур с наиболее яркими метафорами типично для политиков ультралевых или ультраправых партий. Центристские партии преимущественно являются правящими партиями и реже переходят в оппозицию, поэтому в их дискурсе содержится меньше ярких метафор и содержание выступлений преобладает над подачей (стилем) [De Landtsheer URL].

Рассмотрим использование ярких метафор левыми партиями, например Социалистической партией Нидерландов (Socialistische Partij, сокр. SP), для создания фреймов: *villasubsidie* (субсидии на приобретение виллы), *boete op ziek zijn* (штраф за болезни), *windmoles draaien op subsidie* (двигатели ветряных мельниц работают на субсидиях), *klimaatminaretten* (экологические мечети).

Метафора *villasubsidie* была использована лидером партии Эмилем Румером в его предвыборной кампании 2016 года в значении «субсидии на приобретение виллы». Э. Румер предложил отменить налоговый вычет на ипотечные кредиты более 350 тыс. евро, назвав это «отменой субсидий на приобретение виллы». В выступлении лидер партии хотел вызвать негативные эмоции своего электората по отношению к праву владельцев вилл на налоговый вычет, поэтому он заменил нейтрально окрашенное экономическое понятие *hypotheekrenteaftrek* (налоговый вычет на ипотечный кредит) на метафору.

Рассмотрим другой пример из предвыборной кампании Социалистической партии *boete op ziek zijn* (штраф за болезни). В 2016 году Социалистическая партия начала кампанию по созданию новой системы здравоохранения в Нидерландах «Национальный фонд здравоохранения», основным нововведением которой стала отмена франшизы медицинского страхования в Нидерландах, которая была ярко охарактеризована как *boete op ziek zijn*. Таким образом, метафора подчеркивает антисоциальный характер системы здравоохранения.

Аналогичные метафоры типичны и для правых партий: *windmolens draaien op subsidie* (*двигатели ветряных мельниц работают на субсидиях*). В 2018 году депутат Копс от Партии свободы (Partij van de Vrijheid, сокр. PVV) в дискуссии по поводу финансирования строительства парка ветряных мельниц в Северном море, выступая против бесконечных государственных субсидий, заявил: *De windmolens draaien op subsidies*. (*Двигатели ветряных мельниц работают на субсидиях*.) [De Telegraaf URL], тем самым подчеркнув убыточный характер всей кампании в рамках экологической политики государства.

В теме экологии Партии свободы также используется метафора *klimaatminaretten* (*экологические мечети*). Брабантская фракция Партии свободы активно выступает против проведения дальнейшего исследования по созданию крупного парка ветряных мельниц между городами Осс и Ден Бос. Депутат Харри ван дер Берг считает, что название *windmolenpark* (*парк ветряных мельниц*) слишком красивое для чудовищного уничтожения прекрасного пейзажа восьмьюдесятью ветряными мельницами высотой в 200 метров, используя метафору *klimaatminaretten*, замещающую предмет дискуссии *windmolens* (*ветряные мельницы*). Яркая метафора представляет экологическую политику как нечто пугающее, как, по мнению Партии свободы, распространение ислама.

Примечательным с точки зрения создания фреймов с помощью ярких метафор является язык ультраправого нидерландского политика, основателя Партии свободы Геерта Вилдерса (Geert Wilders). Публицист Ян Кейтенбрауер (Jan Kuitenbrouwer) в своей книге «De woorden van Wilders en hoe ze werken» (2012) анализирует язык выступлений Геерта Вилдерса – феномен этого политика, за короткий промежуток времени завоевавшего столь значительное число голосов [Kuitenbrouwer 2012]. В первую очередь создание необходимого фрейма достигается выбором слов. Г. Вилдерс подбирает слова и выражения, характерные для Нидерландов 1960 – 70-х годов, а не для современного дискурса: *geen knip voor de neus waard zijn* (*никчемный*), *zijn biezen pakken* (*оправиться восвояси*), *draai om de oren geven* (*дать оплеуху*). С помощью данной лексики аудитория Вилдерса возвращается в исторический период Нидерландов еще до появления интеграционных и миграционных проблем в стране, таким образом создавая фрейм «старая добрая Голландия без миграционного потока».

Политическая метафора может создаваться с помощью неологизмов: *subsidieslurpers* (бюджетные нахлебники), *heimweeschotels* (спутниковые тарелки ностальгии – антенны спутникового телевидения, повсеместно установленные на домах мигрантов); *korvodentaks* (налоги на платки – плата за ношение хиджаба в публичных местах).

Термины, несущие в себе определенную коннотацию, позволяют сразу передать отношение политика к затрагиваемой теме. Г. Вилдерс умело играет на страхе, присущем современному обществу. Его потенциальные избиратели боятся войны, поэтому излюбленными метафорами политика становятся: *front* (фронт), *grondgebied* (территория), *capituleren* (капитулировать). Избиратели боятся экономических трудностей – Г. Вилдерс вводит экономический фрейм *kosten van de immigratie* (плата за иммиграцию); общество страшится экологических катастроф – Г. Вилдерс создает фрейм экологических проблем за счет метафор *de vervuiling door de islam* (загрязнение исламом): создание подобных метафор является наиболее прямым способом вызвать желаемые эмоции у электората.

Г. Вилдерс умело использовал фрейм «свобода слова» в качестве защиты от обвинений в подстрекательстве к дискриминации в ходе громкого судебного процесса (Minder-Marokkanen proces), состоявшегося в 2010 и 2011 годах, по которому Г. Вилдерсу были предъявлены обвинения в оскорблении национальной чести, разжигании межнациональной розни и подстрекательству к дискриминации. Поводом к началу процесса была публикация статьи в газете «De Volkskrant» от 8 августа 2007 года, где Г. Вилдерс описывает ислам как фашистскую идеологию. В процессе политик был полностью оправдан. В ходе защиты Г. Вилдерс создал фрейм, основанный на *de vrijheid van meningsuiting* (свободе слова), используя одну из основ демократии, тем самым как бы перемещая своих оппонентов в антидемократический лагерь, а себя в демократический. Старший офицер юстиции Нидерландов Лео Де Вит постановил, что Вилдерс не виновен в разжигании межнациональной и межрелигиозной розни, так как его высказывания были произнесены в рамках дебатов, где допустимы широкие границы свободы слова.

В политическом дискурсе часто используется фрейм «межличностные отношения» с субфреймами «позитивно окрашенные

отношения» и «негативно окрашенные отношения». В рамках последнего мы выделяем слоты «неприятнь», «оскорбление». Так для дискурса политика Г. Вилдерса типично установление фрейма «негативных межличностных отношений» на основе уничижительных метафор, используемых для описания выступлений и заявлений своих оппонентов: *bleren* (блеять как овцы), *slijmen* (подлизываться), *piepen* (пицать).

По мнению Я. Кэутенбруэра, не стоит переоценивать риторическое искусство Вилдреса. Он выделяется на фоне других политиков, чей уровень риторического воздействия в общем не высок. Г. Вилдрес стал одним из первых политиков в Нидерландах, кто осознал, что мы живем в эпоху эмоций и «лучшим способом воздействия на аудиторию является эмоциональный способ, резко отличающийся от классического воздействия разумным способом, подкрепленным аргументами¹» [Kuitenbrouwer 2012, с. 98].

Также для ультраправых и левых политических партий и печатных изданий, таких как: бельгийской партии «Фламандский интерес» (*Vlaams Belang*); нидерландской Партии свободы, журнала «*Groene Amsterdammer*», типично создание фреймов с различными угрозами (война, природные катастрофы) с использованием военной метафоры, отсюда характерная военная риторика, военная лексика: *de oorlog tegen drugshandel* (война против наркотиков), *het zwaard van de media* (меч СМИ), *een tsunami aan islamisering door moslimterroristen* (цунами исламизации, исходящей от мусульманских террористов), *gekaarte bevoegdheden* (захваченные полномочия).

Националистические партии часто обращаются к фрейму «чистый дом», используя метафоры «уборка в доме», «чистый дом», которые являются символом благополучия и спокойствия. Ультраправая партия «Фламандский блок» (*Vlaams Blok*) использовала фрейм «чистый дом» в предвыборной кампании 1990 года, слоганом которой стал: *Grote kuis. Eigen volk eerst* (Генеральная уборка. Свой народ в первую очередь).

Также фламандская партия «Новый фламандский альянс» (*Nieuw-Vlaamse Alliantie*, сокр. N-VA) выступала с лозунгами *Molenbeek opruimen* (Чистка Моленбеэка) в своей предвыборной кампании, где

¹Зд. и далее перевод наш. – Н. К.

одним из пунктов программы была борьба с радикализацией района Брюсселя – Моленбеек.

В журнале «De Groene Amsterdammer» (левой ориентации) публицист и политик Хейн Де Хаас описал миграционный процесс как *oncontroleerbare massabeweging van arme en wanhopige mensen uit Afrika en het Midden-Oosten* (неконтролируемое массовое движение бедных и отчаявшихся людей из Африки и Ближнего Востока). Таким образом, с помощью метафоры моделируется фрейм *migratie als bedreiging* (угроза миграции) и создается необходимый политический ход дискуссии.

Концептуальные метафоры в дискурсе центристских партий не столь многочисленны, хотя и присущи им. Примечателен фрейм «увядание», который впервые был введен в 1981 г. премьер-министром Марком Эйкенсом, членом партии «Христианские демократы и фламандцы» (Christen-Democratisch en Vlaams, сокр. CD&V), на основе метафоры осени – опавших листьев. Падают листья – падает и правительство.

Dames en heren, het is 21 september, de eerste dag van de herfst, het vallen van de bladeren. De regering is ook gevallen. (*Дамы и господа, наступило 21 сентября, первый день астрономической осени, с деревьев падают листья, мы наблюдаем и падение правительства.*)

Также интересна картина с экологическими партиями. Бельгийская экологическая партия «Зеленые» (Groen) создает фрейм с метафорой образования с целью критики политики правительства.

Mocht Premier Charles Michel aan de unief zitten, hij zou in september moeten terugkeren. (*Если бы премьер Шарль Мишель учился в университете, ему бы пришлось в сентябре остаться на второй год.*)

Современный политический дискурс неотъемлемо связан со СМИ, поэтому политическая метафора должна быть емкой. Для того чтобы закрепиться в памяти у потенциального избирателя, политики выражают свою основную точку зрения при помощи ярких цитат, состоящих из одного или двух предложений и содержащих не более 140 знаков, что занимает 15 секунд эфирного времени [Atlas van de Nederlandse taal 2017]. Цель таких цитат сравнима с рекламным роликом: суть политической программы должна закрепиться в памяти избирателей в виде этих кратких высказываний.

В своем выступлении, направленном против ультраправой партии «Фламандский интерес», председатель Социалистической партии Бельгии (Socialistisch Partij Anders, *сокр.* SP.A) Стив Стеварт создал емкую яркую метафору о разных методах решения проблем:

Als er een gat in de haag zit, ga jij dat toch ook niet met de snoeischaar te lijf – dan maak je het gat alleen maar groter. Je begint te mesten, zodat de haag weer dichtgroeit. (*Если в живой изгороди появится брешь, вы же не возьметесь за секатор – так брешь станет еще больше. Вы же приметесь за удобрения, чтобы брешь скорее заросла.*)

Но особенность таких политических слоганов быстро проникать в подсознании целевой аудитории имеет и обратную сторону. Так при политическом конфликте о разделе округа Брюссель-Халле-Вилворде представитель партии «Христианские демократы и фламандцы» премьер-министр Ив Летерм выдвинул для своей предвыборной кампании 2007 года слоган *Vijf minuten politieke moed* (*Пять минут политического мужества*), что, по его мнению, было достаточно для решения проблемы раздела округа. В действительности решение этой проблемы растянулось на три года, после чего правительство И. Летерма ушло в отставку, и только в 2012 году округ Брюссель-Халле-Вилворде был разделен. Пять минут политического мужества превратились в пять долгих лет конфликтов и споров, что негативно повлияло на политическую карьеру И. Летерма.

Другой пример, когда политические метафоры обратились против их создателей. Председатель фракции Народной партии за свободу и демократию (Volkspartij voor Vrijheid en Democratie, *сокр.* VVD) Халбе Зейлстра выступил на телеканале RTL с осуждением предлагаемых изменений в детскую передачу, посвященную празднику Синтерклааса (Sinterklaas). Дискуссия шла о цвете кожи сказочной фигуры, помощника Синтерклааса – Черного Пита (Zwarte Piet), который из-за антирасистских убеждений больше не должен быть чернокожим персонажем и, соответственно, получить другое имя Пит-Трубочист (Schoorsteenpiet). Халбе Зейлстра высказался против нововведений, применяя метафору, которая впоследствии была использована его оппонентами против него:

Sinterklaas én Zwarte Piet horen bij een kinderfeest. Gun de kinderen hun feest en laat Zwarte Piet gewoon voortbestaan. Als je dingen wil

veranderen, doe dat dan geleidelijk. En niet op de manier aarop RTL het doet. Daarmee vermoord je het Sinterklaasfeest. (*Синтерклаас и Черный Пит являются неотъемлемой частью детского праздника. Оставьте детям их праздник, и пусть Черный Пит останется тоже. Если вы хотите что-то все же изменить, то делайте это постепенно, а не так, как поступает телеканал RTL – просто убивает Синтерклааса.*)

Так сама метафора «убить Синтерклааса», которая должна была привлечь общественное внимание, была использована против Зелстра его оппонентами, обвинившими политика в использовании слов, не соответствующих тематике детского праздника.

Заключение

В результате исследования можно сделать некоторые выводы. Моделирование фреймов с помощью концептуальной метафоры типично для политического дискурса на нидерландском языке. Притом использование фреймовых структур с наиболее яркими метафорами характерно для представителей политиков ультралевых или ультраправых партий.

Яркие образы подсознательно влияют на потенциальных избирателей, остаются в памяти. Использование ярких и запоминающихся слоганов – эффективная тактика бесплатной рекламы политиков в СМИ. Фреймы активируют подсознательные ценности, которые воздействуют на эмоции потенциальных избирателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Баранов А. Н. Предисловие редактора // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 9–16. [Baranov, A. N. (2004). Predislovie redaktora (Introduction of the editor). In Lakoff, G., Johnson, M., Metafori, kotorymi my zhivem (*Methofors we live by*) (pp. 9–16). Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)].
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ., под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. [Lakoff, G., Johnson, M. (2004). Metafori, kotorymi my zhivem (*Methofors we live by*). Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)].
- Минский М. Фреймы для представления знаний: пер. с англ. М.: Энергия, 1979. [Minsky, M. (1979). Frejmy dlja predstavlenija znanij. (*A Framework for representing knowledge*). М.: Jenergija (In Russ.)].

- Назаретян Н. В. Понятие «фрейм» в когнитивной лингвистике. 2011. URL: <http://conf.stavsu.ru/conf.asp> [Nazaretjan, N. V. (2001). Pонjatie «frejm» v kognitivnoj lingvistike (*Frame in cognitive linguistics*). <http://conf.stavsu.ru/conf.asp>.].
- Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. 1988. Вып. 23. С. 52–92. [Fillmore, Ch. (1988). Frejmy i semantika ponimanija (Frames and the semantics of understanding). *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Kognitivnye aspekty jazyka*, 23, 52–92. Moscow: Progress. (In Russ.)].
- Atlas van de Nederlandse taal / F. Van der Gucht [De Caluwe J., Jansen M., Van der Sijs N.]. Tiel: Lannoo, 2017.
- De Jong D. Waarom maken politici graag gebruik van framing? Meulenhoff: De taalcanon, 2012.
- De Telegraaf. URL: <https://www.telegraaf.nl/nieuws/2607543/windmolenparken-draaien-wel-op-subsidie>.
- Kuitenbrouwer J. De woorden van Wilders en hoe ze werken. A: De Bezige Bij, 2012.
- Lakoff G. Don't think of an elephant! 10th Anniversary edition. Vermont: Chelsea Green Publishing Company, 2014.
- Thibodeau P. H., Boroditsky L. Metaphors We Think With: The Role of Metaphor in Reasoning // Plos One. 2011. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0016782>.
- Universiteit Antwerpen. URL: <https://www.uantwerpen.be/nl/personeel/christl-delandsheer/>.

УДК 81'42

Ю. И. Коньшина, Е. И. Верносова

Коньшина Ю. И., кандидат филологических наук, доцент,
кафедра английского языка и лингвострановедения,
институт иностранных языков, Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена, e-mail: konshina.j@gmail.com

Верносова Е. И., учитель английского языка,
государственное бюджетное общеобразовательное учреждение лицей № 366
«Физико-математический лицей» Московского района Санкт-Петербурга;
e-mail: vernoslova@gmail.com

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ РАЗНЫХ ВИДОВ ИНФОРМАЦИИ О РЕБЕНКЕ В РАБОТЕ ДЖ. ДЬЮИ «THE CHILD AND THE CURRICULUM»

В статье исследуются лингвистические средства описания ребенка в работе Дж. Дьюи «The Child and the Curriculum». В процессе работы выделяются содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная и содержательно-подтекстовая информация о ребенке в работе Дж. Дьюи; изучаются семантические группы используемых лингвистических средств и их корреляция с представленными в статье педагогическими направлениями; проводится сравнительный анализ описанных в статье педагогических идей.

Ключевые слова: содержательно-концептуальная информация; содержательно-подтекстовая информация; содержательно-фактуальная информация; семантика; ребенок; педагогика; стилистика; лексика.

J. I. Konshina, E. I. Vernoslova

Konshina J. I., Candidate of Philology, Associate Professor,
Department of English language and language studies,
University of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg; e-mail: konshina.j@gmail.com

Vernoslova E. I., Teacher of English language, lyceum № 366, St. Petersburg;
e-mail: vernoslova@gmail.com

LINGUISTIC MEANS EXPRESSING INFORMATION ABOUT A CHILD IN JOHN DEWEY'S PAPER «THE CHILD AND THE CURRICULUM»

The article explores the linguistic means expressing information about a child in J. Dewey's paper "The Child and the Curriculum." The researchers focus on the factual, contextual and implicit types of information about a child in J. Dewey's work. Semantic groups of linguistic means and their correlation with pedagogical branches in "The

Child and the Curriculum” are given focus to. Also, the authors do a comparative analysis of the pedagogical ideas described in the article.

Key words: factual information, contextual information, implicit information, semantics; child; pedagogy; stylistics; vocabulary.

Введение

Ребенок занимает одно из центральных мест в научной литературе, посвященной различным проблемам образования и воспитания. Конечной целью большинства работ данного направления, какие бы вопросы в них ни затрагивались, является совершенствование образования и воспитания ребенка.

Научная литература данного направления многогранна и содержит значительный объём информации. Информация как основная категория текста различна по своему прагматическому назначению. И. Р. Гальперин выделяет содержательно-фактуальную информацию (далее – СФИ), в которой могут быть даны сведения о гипотезах, выдвигаемых учеными, их взглядах, сопоставления фактов, их характеристики, разного рода предположения; содержательно-концептуальную информацию (далее – СКИ), сообщающую индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, описанными средствами СФИ; содержательно-подтекстовую информацию (далее – СПИ), представляющую собой скрытую информацию, извлекаемую из СФИ благодаря способности языка порождать ассоциативные и коннотативные значения [Гальперин 2007, с. 28].

Извлечение информации из научной литературы является важной прикладной задачей, поскольку данная литература особенно интересна с точки зрения практического применения. Для извлечения информации из научной литературы могут использоваться различные способы, например, аспектный анализ, представляющий собой рассмотрение научного текста под каким-либо конкретным ракурсом, через призму какой-либо определённой теории или идеи, на основе какого-либо учения; или дескриптивный метод, представляющий собой описание изучаемого явления, процесса, качества с помощью дескрипторов (слов и словосочетаний, служащих для описания основного смыслового содержания документа) [Методы обработки содержания научных текстов URL]. Эффективным способом

извлечения информации из научного текста является анализ лингвистических средств, используемых в тексте. Как пишет И. Р. Гальперин, фактуальная информация всегда выражена вербально, при этом единицы языка обычно употребляются в их прямых, предметно-логических, словарных значениях, закрепленных за этими единицами социально-обусловленным опытом. Концептуальная информация не всегда выражена с достаточной ясностью, и хотя это преимущественно категория текстов художественных, но она может быть получена из научно-познавательных текстов. Концептуальная информация содержит замысел автора плюс его содержательную интерпретацию. Подтекстовая информация извлекается из фактуальной благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения [Гальперин 2007, с. 28].

В настоящей статье анализируется работа Дж. Дьюи «The Child and the Curriculum». Дж. Дьюи, американский философ и педагог первой половины XX века, выдвинул идею создания «инструментальной» педагогики, строящейся на спонтанных интересах и личном опыте ребенка [Инструментальная педагогика URL]. Конечным итогом обучения, по Дж. Дьюи, должна быть выработка навыков мышления, под которыми понимается способность в первую очередь к самообучению. Целями обучения выступают умение решать жизненные задачи, овладение творческими навыками, обогащение опыта, под которым понимаются знания как таковые и знания о способах действия, а также воспитание вкуса к самообучению и самосовершенствованию [там же]. Эти идеи актуальны в настоящее время, так как во многом созвучны тем задачам, которые ставятся сейчас перед школой. Например, идеи Дж. Дьюи используются в современном методе проблемно-ориентированного обучения [там же]. Актуальность педагогических идей Дж. Дьюи, с одной стороны, и центральная позиция ребенка в его педагогической концепции а, значит, и в его научных трудах по педагогике; с другой – делают его работы интересными для исследования и объясняют выбор работы «The Child and the Curriculum» для изучения.

В настоящей статье рассматриваются языковые средства, используемые в работе «The Child and the Curriculum» для выражения разных видов информации о ребенке. Работу Дж. Дьюи «The Child and the Curriculum» в рамках классификации В. Г. Адмони [Филиппов 2003,

с. 185] можно отнести к разновидности утилитарных текстов – научным текстам, в которых, по описанию В. Г. Адмони, представлены знания человечества о природе и обществе; эти сведения приводятся в различных видах научных текстов с разной степенью углубления в науку. Для научных текстов характерно использование четко отработанных кодов, которыми оперирует соответствующая наука. При работе с текстом выбирается метод лингвистического анализа, направленный на выявление системы языковых средств, с помощью которых передается идейно-тематическое содержание произведения [Словарь лингвистических терминов URL]. В рамках лингвистического анализа текста выполняется дистрибутивный анализ существительного «child» [Методы лексического анализа URL]. Дистрибутивный анализ существительного «child» осуществляется с применением метода сплошной выборки, с помощью которого выделяются лексические единицы, семантически связанные с существительным «child». Выделенные лексические единицы изучаются в контексте их семантического значения. Определяется также фактуальная, концептуальная и подтекстовая информация, переданная с помощью выделенных языковых средств.

**Лингвистические средства
выражения разных видов информации о ребенке
в рамках описанных Дж. Дьюи педагогических направлений**

В работе «The Child and the Curriculum», написанной в 1902 году, Дж. Дьюи рассуждает о противопоставлениях в педагогике. Он указывает на то, что узкий, но личный мир ребёнка противопоставляется безличному, но бесконечному миру времени и пространства, единство и полнота детской жизни не соответствуют специализации программы и её делению на разделы; отвлечённые принципы логического подразделения и распределения противопоставлены практике и науке детской жизни. Из этих составляющих противоречия возникают различные педагогические течения. Автор рассуждает об ошибках, допускаемых в рамках указанных направлений, и излагает собственные взгляды на то, в каких отношениях должны находиться между собой ребенок и школьная программа. На основе работы Дж. Дьюи сложно говорить о наличии СФИ о ребенке в рамках рассматриваемых педагогических течений, потому что взгляды сторонников данного

направления даются в интерпретации Дж. Дьюи. Следовательно, при рассмотрении различных педагогических течений мы имеем дело с СКИ, из которой, благодаря исследованию используемых единиц языка, извлекается СПИ.

В рамках одного из педагогических направлений (присвоим ему для удобства № 1) в интерпретации Дж. Дьюи задача обучения заключается в составлении учебников, разделённых на логические части, расположенные в известной последовательности, и в преподнесении этих частей классу таким же определенным и постепенным образом. Ребенок при этом описывается словосочетаниями «immature being», «superficial being»: «The child is simply the immature being who is to be matured; he is the superficial being who is to be deepened; his is narrow experience which is to be widened» [Dewey 1966, с. 8]. Словосочетания «immature being», «superficial being» характеризуют ребенка как существо, не связанное с социальной средой.

При помощи модального глагола «to be» в конструкциях «is to be matured», «is to be deepened», «is to be widened», а также прилагательных «ductile» и «docile» в предложении «His part is fulfilled when he is ductile and docile» [Dewey 1966, с. 8] показана пассивная роль ребенка в процессе обучения и воспитания, предпочтительная для системы образования.

Подходящая для ребенка деятельность в рамках данной системы образования характеризуется глаголами «accept» и «receive»: «It is his to receive, to accept» [Dewey 1966, с. 8], не подразумевающими его активность. Глагол «put» в составе метафоры «putting the child in a given path», глагол «compel» и наречие «arbitrarily» в предложении «...direction and control were just matters of arbitrarily putting the child in a given path and compelling him to walk there...» [Dewey 1966, с. 17], а также глагол «let» в предложении «Let the child proceed step by step to master each one of these separate parts, and at last he will have covered the entire ground» [Dewey 1966, с. 8] описывают воздействие внешней среды на ребенка. Глаголы put и compel в сочетании с книжным значением наречия arbitrarily выражают агрессивное и подавляющее воздействие внешней среды на ребенка, а с другой стороны, глагол «let», показывает, что внешняя среда позволяет ребенку шаг за шагом изучать отдельные разделы науки: «Let the child proceed step by step to master each one of these separate parts, and at

last he will have covered the entire ground» [Dewey 1966, с. 8]. Ребенка принуждают к определенному направлению, в котором ему затем позволяется двигаться.

СКИ о ребенке в рамках данного направления заключается в следующем: послушного ребенка, умственно еще незрелого и поверхностного, деспотично принуждают получать образование, которое заключается в восприятии передаваемых ему знаний.

Лексический анализ показывает существующие противоречия. С одной стороны, при помощи глагола «let» показывается пассивность системы по отношению к ребенку, а с другой – при помощи «put» и «compel» агрессивная активность системы с целью принуждения к получению образования. Окружающая социальная среда активна только в тот момент, когда нужно заставить ребенка учиться, ввести его в образовательную среду, а далее активность компонентов системы образования лексически не выражена. Лексический выбор также отражает отсутствие взаимодействия с ребенком в рамках рассматриваемого педагогического направления. Таким образом, СПИ заключается в следующем:

- ребенок в процессе получения образования преимущественно пассивен;
- социальная среда действует на ребенка, с одной стороны, агрессивно и подавляюще, когда нужно направить ребенка в русло образования, а с другой – достаточно пассивна, когда ребенок уже включен в систему образования;
- в процессе получения образования компоненты системы образования с ребенком не взаимодействуют.

СПИ не противоречит СКИ, но дополняет ее, указывая на дополнительные аспекты данного педагогического направления.

Рассмотрим, к каким семантическим группам принадлежат лексические единицы, описывающие ребенка в педагогическом направлении № 1. Для этого составим таблицу, в которой сначала укажем лексическую единицу, а затем иерархию семантических классов, в которые входит данная лексическая единица в словаре синонимов и антонимов Роже [Roget URL]. Максимально крупная единица *Class*, затем следует *Division*, затем *Section*, затем более мелкие группы значений. В таблице они указаны через символ «/», например: Words expressing abstract relations/existence:/formal existence/internal conditions.

**Лексические единицы, выражающие информацию о ребенке
в педагогическом направлении № 1**

Лексическая единица	Семантическая группа
immature	Words relating to the voluntary powers/individual volition/prospective volition/precursory measures/nonpreparation
superficial	Words relating to the intellectual faculties/formation of ideas/result of reasoning /ignorance
accept	Words relating to the intellectual faculties/formation of ideas/ results of reasoning/assent
receive	Words relating to the intellectual faculties/formation of ideas/ results of reasoning/assent
put	Words relating to space/space in general/relative space / location
compel	Words relating to the voluntary powers / intersocial volition/general intersocial volition/command
let	Words relating to the voluntary powers / Intersocial volition/special intersocial volition/permission
ductile	Words relating to the voluntary powers/individual volition/volition in general/ acts of volition/tergiversation
docile	Words relating to the voluntary powers/individual volition/volition in general /acts of volition/willingness

Анализ таблицы показывает, что семантической областью, общей для прилагательных *docile*, *ductile* и *immature*, а также глаголов *compel* и *let*, является область *Words relating to the voluntary powers*. А семантической областью, общей для прилагательного *superficial* и глаголов *accept* и *receive*, является область *Words relating to intellectual faculties*.

Таким образом, лексические единицы, используемые для характеристики ребенка, относятся преимущественно к семантическим группам *Words relating to the voluntary powers* и *Words relating to the intellectual faculties*. Прилагательное *voluntary* из названия семантической группы выражает значения «добровольный», «сознательный»,

«умышленный». Прилагательное *intellectual* из названия семантической группы выражает значения «умственный», «мыслящий», «разумный», «интеллектуальный». Значения прилагательных *voluntary* и *intellectual* показывают, что лексические единицы, описывающие ребенка в рассматриваемой педагогической концепции, и входящие в семантические группы *Words relating to the voluntary powers* и *Words relating to the intellectual faculties*, выражают собой добровольную умственную деятельность, что вполне согласуется с СКИ и СПИ о ребенке в рассматриваемой педагогической концепции, видящей ребенка как послушно выполняющего всё то, что от него требуется в процессе обучения.

Перейдем к рассмотрению другого педагогического направления (назовем его условно педагогическим направлением №2). Дж. Дьюи пишет о том, что в рамках этого педагогического направления предполагается, что взрослые должны встать на место ребёнка и исходить от него [Корнетов URL]. Что не программа, а ребенок должен определять как качество, так и количество обучения [Корнетов URL]. Что личность и характер важнее школьных предметов, а целью должно быть не знание или осведомление, а выявление личности [Корнетов URL]. Рассмотрим лексические средства, используемые Дж. Дьюи в рамках данного педагогического направления. В предложении: «The child is the starting-point, the center, and the end» [Dewey 1966, с. 9] для описания ребенка автор использует существительные «starting-point», «center», «end». Деятельность ребенка выражена глаголами в активном залоге «determine» и «develop» в предложениях: «It is he and not the subject-matter which determines both quality and quantity of learning» [Dewey 1966, с. 9] и «The child is expected to «develop» this or that fact or truth out of his own mind» [Dewey 1966, с. 18], а также пассивом «is told to» в сочетании с глаголами «think out», «work out» в предложении «He is told to think things out, or work things out for himself, ...» [Dewey 1966, с. 18]. Выделенные лексические единицы выражают СКИ о ребенке: занимающий центральной место на всех этапах обучения, он определяет содержание и объём того, чему его будут учить, и фактически на каждом этапе самостоятельно будет совершать открытия, доходя до всего своим умом.

Рассмотрим подробнее используемые Дж. Дьюи лексические единицы. Существительные «starting-point», «center», «end» описывают ребенка метафорически. Метафора в данном случае, в сочетании

с отвлеченным значением указанных лексических единиц, служит цели возвышения ребенка и придания ему большой значимости. Обращает на себя внимание также отсутствие прилагательных, характеризующих ребенка. Глаголы «determine» и «develop» выражают активность ребенка. А страдательный залог глагола tell, а именно, «is told to» в сочетании с глаголами «think out», «work out» показывает пассивность ребенка перед внешним воздействием. Сочетание действительного и страдательного залога в данном случае позволяет высказать предположение о том, что в рамках данной педагогической концепции ребенок активен тогда, когда ему это предписывают, указывают, когда его к активности подталкивают, но он не сам принимает решение. Предположение о вынужденном характере активности ребенка может составлять СПИ. Сопоставление СПИ и СКИ о данном педагогическом направлении № 2 позволяет обнаружить следующее: СКИ содержит представление об активности ребенка, а СПИ указывает на вынужденный характер активности ребенка, вызванный внешним воздействием. Таким образом, можно говорить о том, что СПИ входит в противоречие с СКИ.

Рассмотрим семантические группы лексических единиц, с помощью которых Дж. Дьюи описывает ребенка в педагогическом направлении № 2 по аналогии с направлением № 1. Представим их в таблице, структура которой совпадает со структурой аналогичной таблицы, составленной для предыдущего рассматриваемого направления.

Таблица 2

**Лексические единицы, выражающие информацию о ребенке
в педагогическом направлении № 2**

Лексическая единица	Семантическая группа
starting-point	Words expressing abstract relations/order/consecutive order/beginning
center	Words expressing abstract relations/order/consecutive order/middle
end	Words expressing abstract relations/order/consecutive order/end

Лексическая единица	Семантическая группа
determine	Words relating to the voluntary powers/individual volition/volition in general / acts of volition / resolution
develop	Words expressing abstract relations / change / simple change / conversion Words expressing abstract relations / causation / power in operation / production
think out	Words relating to the intellectual faculties/formation of ideas/precursory conditions and operations / attention
work out	Words relating to the voluntary powers / individual volition / voluntary action / complex voluntary action/conduct

Анализ семантических групп показывает, что пять из семи лексических единиц, используемых в педагогическом направлении № 2, входят в семантическую группу *Words expressing abstract relation* [Roget URL]. Остальные лексические единицы относятся к группе *Words relating to the voluntary powers*. Одна лексическая единица относится к группе *Words relating to the intellectual faculties*. А глагол «develop» в предложении «The child is expected to «develop» this or that fact or truth out of his own mind» [Dewey 1966, с. 18] выражает значения из двух семантических подгрупп: *conversion* и *production*. Использование слов из группы *Words relating to the voluntary powers* согласуется с СКИ о ребенке как самостоятельно определяющим содержание и объём того, чему его будут учить, а также с СПИ о ребенке как активном вынужденно. А наличие слов из группы *Words expressing abstract relation*, относящихся преимущественно к подгруппам «Order» и «Change», может быть объяснено их метафорическим использованием для возвышения ребенка в рамках СКИ.

Лингвистические средства выражения разных видов информации о ребенке в педагогической концепции ДЖ. Дьюи

Дж. Дьюи в своей работе не ограничивается описанием разных педагогических направлений, но и высказывает собственные суждения о ребенке, каковыми являются следующие: «The child lives in a somewhat narrow world of personal contacts» [Dewey 1966, с. 5]. «He passes quickly

and readily from one topic to another, as from one spot to another, but is not conscious of transition or break» [Dewey 1966, с. 5]. «The child is taken out of his familiar physical environment, hardly more than a square mile or so in area, into the wide world – yes, and even to the bounds of the solar system» [Dewey 1966, с. 5]. «He goes to school, and various studies divide and fractionize the world for him» [Dewey 1966, с. 6]. В связи с тем, что указанные предложения содержат авторское (Дж. Дьюи) понимание ребенка, в них содержится фактуальная информация: ребенок живет в узком мире личных контактов, легко и быстро переходит от одного предмета к другому, от одного места к другому и не чувствует при этом ни перехода, ни перерыва, а в процессе обучения его берут из знакомой ему физической среды и помещают в необъятный мир.

Рассмотрим лексический инструментарий Дж. Дьюи в перечисленных выше предложениях. Глаголами, выражающими деятельность ребенка, являются глаголы *live, pass, go* в активном залоге и *take out* – в пассивном залоге. Перечисленные глаголы *live, pass, go* выражают в сочетании с наречиями *quickly and readily* активную роль ребенка в его собственной жизни, а глагол *take out* в страдательном залоге – пассивную роль по отношению к воздействующей на него педагогической системе.

Анализ лексических единиц позволяет сформулировать СПИ взглядов Дж. Дьюи: пассивность ребенка по отношению к педагогической системе и активность ребенка в собственной жизни. СПИ в данном случае не противоречит СФИ, а дополняет ее в части взаимоотношений ребенка и педагогической системы.

Рассмотрим семантические группы лексических единиц, описывающих ребенка в понимании Дж. Дьюи. Составим таблицу по аналогии с предыдущими таблицами (см. табл. 3).

Анализ таблицы показывает, что семантической группой, объединяющей большую часть использованных лексических единиц, является группа *Words expressing abstract relations*, а семантические группы *Words relating to the intellectual faculties*, *Words relating to the voluntary powers* и *Words relating to space* представлены единичными словами. Преобладание слов из группы *Words expressing abstract relations* говорит о том, что Дж. Дьюи описывает преимущественно ребенка как живое существо вне системы социальных связей, что не противоречит СФИ и СКИ.

Таблица 3

**Лексические единицы, выражающие информацию о ребенке
в педагогической концепции Дж. Дьюи**

Лексические единицы	Семантические группы
live	Words expressing abstract relations / existence / being in the abstract / existence
pass	Words expressing abstract relations / change / causation / constancy of sequence in events / cause
go	Words relating to the intellectual faculties / communication of ideas / modes of communication / learning
quickly	Words expressing abstract relations / time /relative time / time with reference to an effect or purpose / earliness
readily	Words relating to the voluntary powers / individual volition / antagonism / conditional antagonism / facility
be taken out	Words relating to space / motion / motion with reference to direction / extraction

**Сравнительный анализ лингвистических средств выражения СФИ,
СКИ и СПИ о ребенке в концепции Дж. Дьюи
и в рассмотренных им педагогических направлениях**

Сравним информацию, содержащуюся в рассмотренных Дж. Дьюи педагогических направлениях № 1 и № 2, и в его собственной концепции о ребенке. СПИ педагогического направления № 1 заключается в следующем:

- ребенок в процессе получения образования преимущественно пассивен;
- социальная среда воздействует на ребенка, с одной стороны, агрессивно и подавляюще, когда нужно направить ребенка в русло образования, а с другой – достаточно пассивна, когда ребенок уже включен в систему образования;
- в процессе получения образования компоненты системы образования с ребенком не взаимодействуют.

СПИ не противоречит СКИ, но дополняет ее, указывая на дополнительные аспекты педагогического направления № 1.

СПИ педагогического направления № 2 указывает на вынужденный характер активности ребенка, вызванный внешним воздействием, и входит в противоречие с СКИ о данном направлении.

СПИ концепции самого Дж. Дьюи заключается в пассивности ребенка по отношению к педагогической системе и активности ребенка в собственной жизни, она дополняет СФИ в части взаимоотношений ребенка и педагогической системы. Сопоставление выводов по каждому направлению показывает, что СПИ преимущественно дополняет СКИ и СФИ.

Сравним семантические группы, из которых взяты лексические единицы для описания ребенка в рассматриваемых педагогических направлениях. Лексические единицы, используемые для характеристики ребенка в педагогическом направлении № 1, относятся преимущественно к семантическим группам *Words relating to the voluntary powers* и *Words relating to the intellectual faculties*, в направлении № 2 – к группам *Words expressing abstract relation* и *Words relating to the voluntary powers*, а в собственной концепции Дж. Дьюи – *Words expressing abstract relations*. Сравнение групп показывает, что лексический инструментарий Дж. Дьюи оказывается ближе к педагогическому направлению № 2, что может говорить о большей связи между ним и собственной концепцией Дж. Дьюи и позволяет сделать предположение о том, что именно направление № 2 является тем фундаментом, на котором строится представление Дж. Дьюи о ребенке.

Заключение

В настоящей статье исследуются лингвистические средства выражения информации о ребенке в работе Дж. Дьюи «The Child and the Curriculum». Ребенок описывается в рамках двух педагогических направлений, а также в системе самого Дж. Дьюи. По результатам исследования, выделяются содержательно-фактуальная информация (СФИ), содержательно-концептуальная информация (СКИ) и содержательно-подтекстовая информация (СПИ) о ребенке. В статье выявляется, что СПИ преимущественно дополняет СКИ и СФИ. Сравнение лексического инструментария в рассмотренных педагогических направлениях позволяет определить, на чем базируется представление Дж. Дьюи о ребенке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 5-е изд. М.: КомКнига, 2007. [Galperin, I. R. *Tekst kak object lingvisticheskogo issledovaniya*. 5-e izd. (*Text as an Object of Linguistic Research*. 5th ed.). Moscow: KomKniga. (In Russ.)].
- Методы обработки содержания научных текстов. URL: www.studfiles.net/preview/2239333/page:2/ (дата обращения: 23.09.2019). [Metody obrabotki soderzhaniya nauchnykh tekstov. (*Methods of processing of scientific texts*). www.studfiles.net/preview/2239333/page:2/ (accessed: 23.09.2019)].
- Инструментальная педагогика. URL: www.studwood.ru/1339807/pedagogika/instrumentalnaya_pedagogika (дата обращения 23.09.2019). [Instrumentalnaya pedagogika. (*Instrumental Pedagogics*). URL: www.studwood.ru/1339807/pedagogika/instrumentalnaya_pedagogika (accessed: 23.09.2019)].
- Методы лексического анализа. URL: www.sites.google.com/site/stgeneralinguist/home/metody-leksicheskogo-analiza (дата обращения: 20.04.2020). [Metody leksicheskogo analiza. (*Methods of Lexical Analysis*). www.sites.google.com/site/stgeneralinguist/home/metody-leksicheskogo-analiza (accessed: 20.04.2020)].
- Словарь лингвистических терминов / сост. Т. В. Жеребило. URL: lingvistics_dictionary.academic.ru (дата обращения 20.04.2020). [Zherebilo, T. V. *Slovar lingvisticheskikh terminov*. (*Dictionary of Linguistic Terms*). lingvistics_dictionary.academic.ru (accessed: 20.04.2020)].
- Dewey J. *The Child and the Curriculum and The School and Society*. Eighth Impression. Phoenix Books. Chicago & London: The University of Chicago Press, 1966.
- Roget P. M. *Roget's Theraurus of Synonyms and Antonyms*. URL: <https://archive.org/details/Rogets-Thesaurus> (дата обращения 23.09.2019).
- Корнетов Г. Б. История педагогики URL: www.av.disus.ru/metodichka/1717521-5-seriya-istoriko-pedagogicheskoe-znanie-vipusk-kornetov-istoriya-pedagogiki-vvedenie-kurs-istoriya-obrazovaniya-pedagogicheskoy-misli-dopusch.php (дата обращения 23.09.2019). [Kornetov, G. B. *Istoriya Pedagogiki*. (*History of Pedagogics*). www.av.disus.ru/metodichka/1717521-5-seriya-istoriko-pedagogicheskoe-znanie-vipusk-kornetov-istoriya-pedagogiki-vvedenie-kurs-istoriya-obrazovaniya-pedagogicheskoy-misli-dopusch.php (accessed: 23.09.2019)].

УДК 811.134.2

А. В. Кузнецов, Т. В. Писанова

Кузнецов А. В., аспирант кафедры испанского языка и перевода, переводческий факультет, Московский государственный лингвистический университет; переводчик, АО «Делойт и Туш СНГ»; e-mail: svift2007@yandex.ru

Писанова Т. В., доктор филологических наук, профессор кафедры испанского языка и перевода, переводческий факультет, Московский государственный лингвистический университет; e-mail: ptp1@bk.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ ЖУРНАЛИСТСКИХ ЖАНРОВ В ИСПАНИИ И РОССИИ: НЕЗАВИСИМЫЕ ПУТИ К ЕДИНОМУ ПОДХОДУ

Статья посвящена изучению проблемы классификации журналистских жанров с целью их использования в лингвистических исследованиях. Актуальность данной проблемы обусловлена выявленными расхождениями в теоретическом освещении проблемы как классификации журналистских жанров, так и самого понятия «журналистский жанр» в испанских и российских СМИ. При проведении исследования применялся метод сравнительного анализа; использовались материалы, рекомендованные Министерством образования, культуры и спорта Королевства Испания. Результаты исследования представлены в виде сводной таблицы, демонстрирующей целесообразность использования соответствующей классификации для анализа испанских газетно-публицистических текстов.

Ключевые слова: журналистика; жанр; журналистский жанр; классификация; СМИ.

A. V. Kuznetsov, T. V. Pisanova

Kuznetsov A. V., Postgraduate student of the Spanish Language and Translation / Interpreting Department of the Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University, AO Deloitte & Touche CIS, translator / interpreter; e-mail: svift2007@yandex.ru

Pisanova T. V., PhD (Philology), full professor of the Spanish Language and Translation / Interpreting Department of the Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University; e-mail: ptp1@bk.ru

CLASSIFICATION OF JOURNALISTIC GENRES IN RUSSIA AND SPAIN: INDEPENDENT SOLUTIONS AND CONSISTENT APPROACH

The article looks at the classification of journalistic genres in terms of linguistic research. The relevance of this issue is conditioned by the discrepancies identified in theoretical approaches to both the classification of journalistic genres and the concept of journalistic genre in the Russian and Spanish media. The study is based

on the comparative analysis and the materials recommended by the Spanish Ministry of Education, Culture and Sports. The findings have been consolidated in a table showing the appropriateness of using a relevant classification in order to study Spanish media texts.

Key words: journalism; genre; journalistic genre; classification; mass media.

Введение

В последние годы учеными всё чаще говорится о повышении роли коммуникативных процессов в современном обществе. Некоторыми исследователями отмечается, что научные работы в области лингвистики и журналистики всё чаще посвящаются проблемам изучения социума и культуры. Продукт труда журналиста находит воплощение в различных формах – это может быть, прежде всего, текст (в случае печатных СМИ) и речь (в случае, если речь идёт о радио и телевидении), а также графические и аудиовизуальные средства сопровождения текста и речи. Форма подачи материала играет немаловажную роль. Информационное сообщение представляет собой своего рода «живой организм», для которого должна быть подобрана соответствующая среда обитания. Журналистский жанр во многом несет в себе функции того ареала, в котором имеются все условия для полноценного существования текста: публикации, чтения, просмотра, анализа, критики и т. д. Перед журналистом, в руках которого оказался «свежий новостной материал» – источник труда, встает проблема поиска среды обитания для своего будущего продукта. Данная проблема усугубляется отсутствием единого мнения как среди теоретиков, так и практиков в области журналистики, касательно общего подхода к классификации журналистских жанров. Схожая тенденция наблюдается как в российских, так и в испанских СМИ.

Сравнительный анализ классификаций

Российская практика

Подходя непосредственно к вопросу о классификации жанров, в первую очередь обратимся к российскому опыту. Однако прежде следует обратить внимание на тот факт, что ряд российских и зарубежных учёных отмечают проблему отсутствия в журналистике единой классификации жанров. Разные исследователи предлагают свои

системы жанров журналистских текстов. Единства в журналистской науке нет ни по поводу перечня жанров и групп жанров, ни по поводу жанрообразующих признаков [Колесниченко 2018, с. 13]. Аналогичного мнения придерживается и аргентинский исследователь журналистских жанров Густаво Паес. Так, проводя сравнительный анализ учебных пособий по стилистике и журналистике, Паес обращает внимание на существенное различие в подходах к построению классификаций журналистских жанров в таких пособиях (перевод авт. – А. К.): «Los sistemas de clasificación de géneros periodísticos de estos manuales son muy distintos» [Páez 2004, с. 82].

Итак, вслед за А. В. Колесниченко, можно выделить три большие группы жанров: новостные жанры, жанры рациональной публицистики и жанры эмоциональной публицистики. Для каждой из вышеуказанных групп характерны свои конкретные жанры. Например, к первой группе относятся такие жанры, как короткая новость, расширенная новость, «песочные часы» и информационное интервью; во вторую группу входят ньюс-фиче, комментарий, аналитическая статья, экспертное интервью; третья группа жанров включает в себя репортаж, фиче, личностное интервью и портрет [Колесниченко 2008, с. 12–13]. Для наглядности данная классификация представлена в таблице 1.

Таблица 1

Жанровая классификация А. В. Колесниченко

Новостные жанры	Короткая новость
	Расширенная новость
	«Песочные часы»
	Информационное интервью
Жанры рациональной публицистики	Ньюс-фиче
	Комментарий
	Аналитическая статья
	Экспертное интервью
Жанры эмоциональной публицистики	Репортаж
	Фиче
	Личностное интервью
	Портрет

Наиболее развернутый перечень жанров, характерных для российской журналистской традиции, представлен у А. А. Тертычного. Его классификация включает в себя 42 жанра, объединенных в три группы в зависимости от трех способов отображения действительности: фактографического, аналитического и наглядно-образного [Колесниченко 2018, с. 12]. В таблице 2 представлена предложенная А. А. Тертычным жанровая система журналистских текстов.

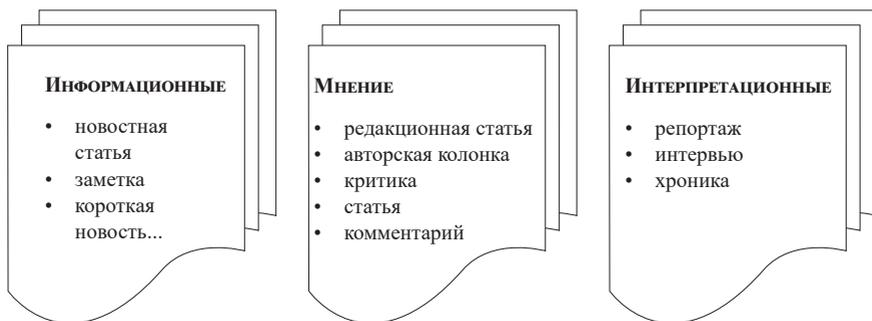
Таблица 2

Жанровая классификация А. А. Тертычного

Группа жанров	Жанры
Информационные жанры	<ul style="list-style-type: none"> • заметка • информационная корреспонденция • информационный отчет • информационное интервью • блиц-опрос • вопрос-ответ • репортаж • некролог
Аналитические жанры	<ul style="list-style-type: none"> • аналитический отчет • аналитическая корреспонденция • аналитическое интервью • аналитический опрос • беседа, комментарий • журналистское расследование • анкета • социологическое резюме • рейтинг • мониторинг • рецензия • статья • обозрение • обзор СМИ • версия • прогноз • эксперимент • эпистола • исповедь • рекомендация • аналитический пресс-релиз
Художественно-публицистические жанры	<ul style="list-style-type: none"> • очерк • фельетон • памфлет • пародия • сатирический комментарий • житейская история • легенда • эпитафия • эпиграф • анекдот • шутка • игра

Можно увидеть, что к аналитическим жанрам А. А. Тертычным отнесено более половины (22) всех предложенных им жанров; к художественно-публицистическим – 12; к информационным – 8. Данное наблюдение свидетельствует об аналитико-публицистической

Жанровая классификация Кармен Родригес Санчес

направленности журналистской деятельности, что было характерно для советской журналистики и что характерно для значительной части современной российской прессы [Колесниченко 2018, с. 14].

Опыт Испании. Поиск единообразия

Различные подходы к классификации жанров существуют и в испаноязычной журналистике. Так, в «Пособии по журналистике для семинарских занятий», составленном и изданном под редакцией Кармен Родригес Санчес при поддержке Министерства образования, культуры и спорта Королевства Испании подробно освещаются теоретические и практические аспекты работы журналиста. Проблеме жанра посвящен раздел под названием «Анализ прессы. Журналистские жанры» (перевод авт. – А. К.) [Sánchez 2012].

В пособии Родригес Санчес предлагается классификация журналистских жанров, включающая в себя три жанровые группы: информационную, интерпретационную и мнение (см. табл. 3)¹.

Автор пособия не акцентирует внимание на источнике выбранной классификации, предлагая лишь несколько вариантов, послуживших

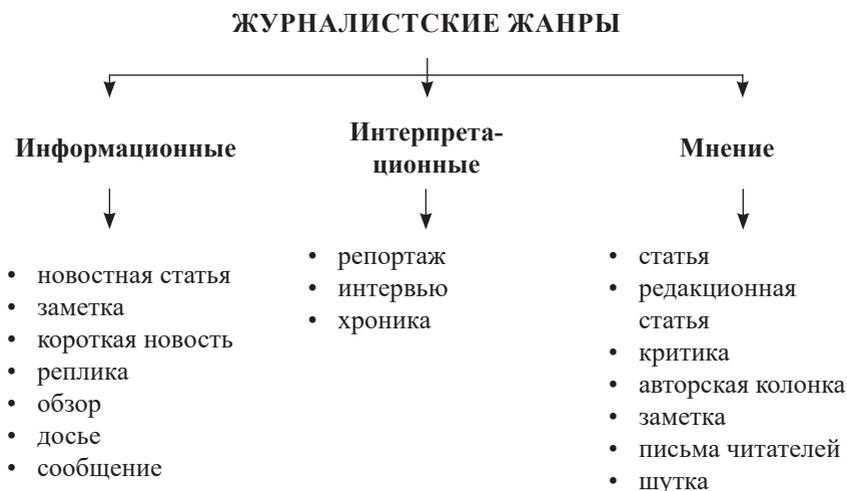
¹Предлагаемый перевод схем и таблиц с испанского языка на русский, как и остальных представленных в данной работе цитат, выполнен авторами настоящего исследования. При переводе данных материалов была проведена работа по выявлению соответствий в терминологии на испанском и русском языках. С оригиналами схем и таблиц можно ознакомиться в соответствующих источниках, указанных в списке литературы.

основанием для данной разработки. Среди авторов рассмотренных классификаций можно назвать Мартинеса Альбертоса, Рафаэля Лопеса Кубино и Бегонью Лопес Собрино, Луиса Маравильеса и других. Анализ этих вариантов дает повод предположить, что за основу была взята классификация, разработанная Рафаэлем Лопесом Кубино и Бегоньей Лопес Собрино, в которой находим максимальное количество схожих параметров журналистских жанров, а именно: метод деления на жанровые группы (или способ отображения действительности), количество жанровых групп (три группы) и их наименования, наполнение каждой группы, а также графический способ представления классификации (см. табл. 4).

В ходе сравнительного анализа испанских и российских классификаций в поле зрения попадают общие и особенные черты, присущие испанской и российской журналистике. Прежде всего стоит отметить равное количество жанровых групп, однако их наименования и наполнение существенно отличаются. Группы информационных или новостных жанров обладают наибольшим количеством общих характеристик – как по названию самой группы, так и по жанровому

Таблица 4

**Жанровая классификация
Рафаэля Лопеса Кубино и Бегоньи Лопес Собрино**

составу. Общее между двумя другими группами (интерпретационная группа и мнение) проявляется после детального анализа включенных в них жанров. Так, группа «мнение» (по классификации Санчес) совпадает с группой жанров рациональной публицистики Колесниченко и группой аналитических жанров Тertyчного. Основанием тому служит присутствие в них таких жанров, как комментарий, критика, статья. В то же время в жанрах рациональной и эмоциональной публицистики, выделяемых российскими учеными, находим следы интерпретационной группы в виде интервью и репортажа. Данное наблюдение дает основание выдвинуть предположение о наличии расхождений в подходах к классификации журналистских жанров не только в пределах одной страны, но и на международном уровне, в связи с чем представляется необходимым проанализировать ряд альтернативных классификаций.

Большого внимания заслуживает классификация журналистских жанров Хосе Луиса Мартинеса Альбертоса (Университет Комплутенсе, г. Мадрид). Данное им определение термина «журналистский жанр» используется Кармен Родригес Санчес при анализе рассматриваемого вопроса, а предлагаемая им классификация была ею также использована при разработке представленной выше собственной классификации. Не углубляясь в проблему термина «журналистский жанр», в рамках данной статьи отметим только, что сам Мартинес Альбертос определяет журналистские жанры через способы создания литературных произведений, используемые в печатной прессе и воспринимаемые как средства точной передачи актуальной информации об окружающем мире (перевод авт. – А. К.): «...los géneros periodísticos son aquellas modalidades de la creación literaria concebidas como vehículos aptos para realizar una estricta información de actualidad (o periodismo) y que están destinados a canalizarse a través de la prensa escrita» [Martínez Albertos 1993, с. 264] (цит. по: [Sabés Turmo, Carniel Bugs 2013, с. 21]). Итак, продолжая разговор о классификации, Мартинес Альбертос подразделяет журналистские жанры на четыре группы: информационную, интерпретационную, мнение и развлечение (см. табл. 5). При этом автор классификации обращает внимание не только на выделение самих жанров и их групп, но и на характерную для каждой группы роль журналиста, а также стиль и метод работы. Информационные жанры предписывают журналисту сообщать сведения посредством передачи

полученных данных. При работе с жанрами второй группы на первое место выходит анализ полученных сведений. Группа «мнение» требует от журналиста аргументации выводов с целью убеждения своего читателя. Сравнительный анализ жанров четвертой группы выявляет сходства с художественно-публицистическими жанрами Тертычного (анекдот, игра и шутка также имеют функцию развлечения).

Таблица 5

**Жанровая классификация
Хосе Луиса Мартинеса Альбертоса**

Стиль автора	Жанровая группа (роль автора)	Жанры	Способы написания текста (метод)
Информационный (1-го уровня)	Информационная (сообщать)	1. Информационный 2. Репортаж-сообщение: события, действия, цитаты (интервью), мониторинг	Передача информации и описание событий
Информационный (2-го уровня)	Интерпретационная (анализировать)	2. Репортаж-пояснение 3. Хроника	Анализ информации о событиях и выводов
Стиль передовой статьи	Мнение (убеждать)	4. Статья или комментарий: редакционная статья, заметка, авторская колонка, критика и т. д.	Аргументация выводов и мнений
Занимательный или литературный (фельетонный)	<ul style="list-style-type: none"> • Развлечение • Популяризация • Художественная публицистика 	<ul style="list-style-type: none"> • Литературные статьи • Беллетристика • Стрип • Стихотворение • Колонка частных объявлений 	Анализ и аргументация выводов и мнений

Жанровая классификация Хосе Луиса Мартинеса Альбертоса является одной из наиболее полных, развернутых и функциональных классификаций в испанской журналистике. В результате сопоставления групп жанров каждой из проанализированных классификаций выявлены общие и отличительные черты в их построении. Результаты сопоставительного анализа представлены в таблице 6.

**Сводная таблица групп журналистских жанров
в испанской и российской практике**

А. В. Колесниченко (Россия)	А. А. Тертычный (Россия)	Хосе Хавьер Муњос Гонсалес (Испания)	Хосе Луис Мартинес Альбертос (Испания)
Новостные жанры	Информационные жанры	Факты или события	Информационные жанры
Жанры рациональной публицистики	Аналитические жанры		Интерпретационные жанры
Жанры эмоциональной публицистики	Художественно-публицистические жанры	Мнение	Мнение
			Художественно-публицистические жанры

Некоторые исследователи отмечают присутствие смешанных жанров. В данном ракурсе представляется важным рассмотреть классификацию, предложенную испанским ученым Хосе Хавьером Муњосом Гонсалесом. Логика данного исследователя начинается с традиционного деления журналистских жанров на две группы: события (*los hechos*) и мнения относительно таких событий (*las opiniones sobre los hechos*) (перевод наш. – А. К.). Далее отмечается, что за последние десятилетия в журналистике появилась тенденция к уходу от жесткой структуры, сведению воедино формул и смешению жанров (перевод авт. – А. К.): «Y el periodismo de las últimas décadas intenta romper las fronteras de la rigidez estructural intercalando fórmulas y mezclando géneros» [Muñoz González 2005, с. 34].

В итоге Гонсалес формирует все обнаруженные им в современной журналистике смешанные жанры в две группы: смешанные жанры информационно-интерпретационной направленности (*géneros ambiguos-mixtos de información e interpretación*) и смешанные жанры интерпретационно-оценочной направленности (*géneros ambiguos-mixtos de interpretación y opinión*) (перевод авт. – А. К.) [Muñoz González 2005, с. 34–35]. В каждую из этих двух групп Гонсалесом включено несколько смешанных жанров, однако их подробное рассмотрение уже выходит за рамки данной статьи.

Заключение

Таким образом, инвентаризация установившихся традиций в испанской и российской прессе показывает, что теоретические основы исследования журналистских жанров находятся на достаточно высоком уровне. Большое количество исследователей уделяют внимание данной проблематике. Разработаны различные классификации журналистских жанров. Представлено многообразие подходов и к определению самого понятия «журналистский жанр». Тем не менее, в некоторых вопросах выявлены аспекты, требующие дальнейшей проработки. Отмечено отсутствие единого сформировавшегося мнения как относительно определения понятия «журналистский жанр», так и в отношении единой классификации журналистских жанров. Несмотря на это большинство исследователей сходятся в выделении схожих групп журналистских жанров и их наполнении.

Анализ журналистских жанров в историческом аспекте показывает, что в разное время в журналистике периодически появляются или, наоборот, выпадают из поля зрения, некоторые жанры и их группы. Данное наблюдение свидетельствует о наличии тенденции к формированию новых жанров в журналистике, или выходу на первый план некоторых жанровых групп. Появившаяся тенденция объясняется постоянно меняющимися настроениями и потребностями аудитории прессы. Данное явление особенно актуально в эпоху становления электронных СМИ.

В заключение, опираясь на составленную нами сводную таблицу журналистских жанров (см. табл. б), отметим, что при проведении дальнейших аналитических исследований в испанской журналистике целесообразно пользоваться классификацией Мартинеса Альбертоса. Данный вывод обоснован тем, что в предложенной классификации представлен исчерпывающий перечень журналистских жанров, что окажется очень полезным и необходимым при анализе текстов различной жанровой направленности. Кроме того, предлагаемая к использованию классификация наиболее ёмко сопоставима с представленными в российской журналистике жанровым классификациям, что обеспечивает достижение максимального соответствия в понимании анализируемого эмпирического материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Колесниченко А. В.* Практическая журналистика: учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. 192 с. [Kolesnichenko, A. V. (2008). *Prakticheskaya zhurnalistika: Uchebnoe posobie (The Practice of Journalism: A Manual)*. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)].
- Колесниченко А. В.* Техника и технология СМИ. Подготовка текстов: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2018. [Kolesnichenko, A. V. (2018). *Tekhnika i tekhnologiya SMI. Podgotovka tekstov. (Media Technique and Technology. Building a Text)*. Textbook and Practical Course for Academic Bachelors. Moscow: Yurait. (In Russ.)].
- Тертычный А. А.* Жанры периодической печати: учебное пособие для вузов. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2014. [Tertychnyi, A. A. (2014). *Zhanry periodicheskoi pechati. Uchebnoe posobie dlya vuzov (Genres of Periodicals)*. College Textbook. Moscow: Aspekt Press (In Russ.)].
- Martínez Albertos J. L.* Curso general de redacción periodística. Lenguaje, estilos y géneros periodísticos en prensa, radio, televisión y cine. Madrid: Paraninfo, 1993.
- Muñoz J.* Redacción periodística. Teoría y práctica. Salamanca: Librería Cervantes, 1994.
- Muñoz González J. J.* Tendencias del lenguaje del periodismo en el siglo XXI. Revista Comunicación y pluralismo de la Universidad de la Rioja. 2005. ISBN 84-96487-02-4, 33-40. URL: https://www.unirioja.es/ensaya/archivos/ediciones%20anteriores/textos_%20premiados/periodismo.pdf
- Páez G.* Géneros periodísticos en manuales de estilo y de periodismo // Revista Científica de UCES. 2004. Vol. 8(1). P. 80–98. URL: http://dspace.uces.edu.ar:8180/xmlui/bitstream/handle/123456789/347/G%C3%A9neros_period%C3%ADsticos.pdf?sequence=1
- Rodríguez Sánchez C.* La prensa, un recurso para el aula. Análisis de la prensa. Géneros periodísticos. Gobierno de España, Ministerio de Educación, Cultura y Deporte, Secretaría de Estado de Educación, Formación Profesional y Universidades, Formación de Profesorado en Red – 2012. URL: http://www.ite.educacion.es/formacion/materiales/42/cd/m1_3/index.html
- Sabés Turmo F., Carniel Bugs R.* Tratamiento de los géneros periodísticos en la información de la prensa euromediterránea. Historia y Comunicación Social. 2013. Vol. 18. N° Especial Octubre. P. 15–32. URL: https://doi.org/10.5209/rev_HICS.2013.v18.43945.

УДК 811.13

О. Е. Лаптева

соискатель кафедры португальского языка,
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: laptevaolga2009@rambler.ru

СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМЫ «IDADE» – АРХИЛЕКСЕМЫ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ВОЗРАСТ» В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируется семантика лексемы *idade*, архилексемы ЛСП концепта «возраст» в португальском языке. Анализ проведен на основе данных лексикографических источников, а также сведениях о ее сочетаемостных характеристиках. Исследование проводилось с применением методов компонентного, контекстуального и дефиниционного анализа лексических единиц. Исследование позволило выявить высокую сочетаемость и частотность употребления лексемы, которые характерны для ядерных лексем ЛСП, а также сделать вывод о выделении в португальском языке акциональной и пассивно-статичной сущности возраста.

Ключевые слова: концепт; архилексема; вербализация концепта; когнитивная лингвистика; семантика; португальский язык.

O. Ye. Lapteva

Postgraduate Student, Portuguese Language Department,
Faculty of Translation and Interpretation,
Moscow State Linguistic University;
e-mail: laptevaolga2009@rambler.ru

SEMANTICS OF “IDADE” – ARCHILEXEME OF THE LEXICAL SEMANTIC FIELD “IDADE” IN THE PORTUGUESE LANGUAGE

The paper provides a review of the semantics of the lexeme *idade*, archilexeme of the lexical semantic field “idade” in the Portuguese language. The analysis is based on data from lexicographical sources and data concerning combinatorial properties of the lexeme. The analysis was carried out with the use of componential analysis, contextual analysis and definition analysis methods. The research reveals a high combinatorial potential and frequency of the lexeme as well as the ambivalent understanding of the notion “age” in the Portuguese language, seen both as active and passive phenomenon.

Key words: concept; archilexeme; concept verbalization; cognitive linguistics; semantics; Portuguese.

Введение

Лексико-семантическое поле концепта «возраст» в португальском языке формируется лексемами с возрастной семантикой, значения которых имеют интегральный семантический компонент [Стернин 1985], а именно – архисему «возраст» (*idade*). Данный семантический компонент находит свое материальное воплощение в лексеме *idade*, выступающей в качестве архилексемы ЛСП концепта. Как продемонстрируют результаты компонентного анализа семантической структуры существительного *idade*, данная лексема является стилистически нейтральной и отражает главное, общее, для всех лексем поля значение, которое можно назвать базисом, основой по отношению к «надстроечным» дополнительным оттенкам значений остальных составляющих поле единиц [Нелюбин 2003]. В связи с абстрактной сущностью данного имени существительного стоит отметить, что лексико-семантическое поле концепта «возраст» не имеет четко очерченных границ, как, например, лексико-семантические поля с архилексемами, обладающими конкретным значением.

Точных указаний на происхождение существительного *idade* португальские лексикографические источники не дают. По всей видимости, своим происхождением данная лексема обязана латинскому слову *ævum* (возраст, время), перешедшему в форму *ævitas*, а затем в результате синкопирования принявшему форму *ætas*, а затем перешедшему к форме народной латыни *ætaticum* [Précis analytique ... 1875, с. 340; Online Etymology Dictionary].

Семантика лексемы *idade* и некоторые особенности концептуализации возрастных состояний в португальском языке

На первом этапе исследования для выявления значений архилексемы ЛСП «возраст человека» был осуществлен дефиниционный анализ лексемы *idade*.

Наиболее общим значением лексемы *idade* можно считать значение «tempo decorrido desde o nascimento ou desde o princípio» («время, прошедшее с рождения или с начала»): оно выделяется в большинстве словарей [Priberam; Lello; Infopédia]. Вторым значением лексемы указывается «cada uma das fases da vida caracterizada por uma gradação particular do vigor» («каждый этап жизни, которому свойствен

соответствующий уровень сил» [Priberam; Lello] (или близкое к нему «cada um dos períodos em que se costuma dividir a vida do homem» – «каждый из этапов жизни человека [Infopédia]).

У рассматриваемой лексемы также выделяются следующие значения:

- *época da vida* (период жизни) [Infopédia]; *duração de uma vida* (длительность жизни) [Priberam; Lello];
- *era, época, tempo* (эра, эпоха, время) [Priberam; Lello]; *época histórica* (историческая эпоха) [Infopédia];
- *momento* (момент времени) [Infopédia]; *período de tempo* (vário, mas determinado) (определенный период времени) [Priberam; Lello]; *ocasião adequada* (подходящее время) [Infopédia];
- *velhice* (старость) [Infopédia];
- *tempo* (время) [Infopédia; Lello];
- *duração* (продолжительность) [Infopédia];
- *unidade de divisão de tempo geológico* (единица общей стратиграфической шкалы, ярус) [Infopédia].

Так, в результате анализа словарных толкований лексемы *idade* были обнаружены девять наиболее часто встречающихся значений данной лексемы. Имея в виду возраст человека, из этих значений предлагается выделить следующие основные семантические признаки, характерные для семантической структуры понятия «возраст» (*idade*) в португальском языке:

- *время существования* (время, прошедшее с момента рождения);
- *определенный период жизни, характеризующийся соответствующим уровнем сил, имеющий определенные характеристики* (определенный отрезок, этап существования в рамках системы периодизации жизни).

Результаты дефиниционного анализа лексемы *idade* свидетельствуют о наличии тесной связи понятия «возраст» с понятиями развития и времени – как в русской, так и в португальской картине мира. Так, к примеру, в русском языке существительное *возраст* также имеет значения «период, ступень в развитии, росте кого-нибудь или чего-нибудь», «количество прожитого времени, лет» [Ожегов 1999]; «эпохи, периоды, эры в истории Земли»; «эпохи, периоды в истории человечества» [Русский семантический словарь 2003]. Однако

сопоставление лексикографических источников португальского и русского языка позволило установить, что в толкованиях лексем *idade* и *возраст* есть некоторые несовпадения. В то время как лексема *idade* имеет в качестве одного из значений «старость, пожилой возраст», лексема *возраст* в словарях русского языка имеет среди толкований «зрелость, зрелый возраст» и «старость, пожилой возраст».

Также при сопоставлении было выявлено, что при концептуализации понятия «возраст» в португальском языке в объёме значения архилексемы *idade* появляется толкование «момент; ограниченный период времени», отсутствующий в структуре значений лексемы *возраст* в русском языке.

Анализ словарных значений лексемы *idade* также позволил установить тесную связь концептов «возраст» и «время» в португальском языке, а также выявил антропоцентрическую природу концептуализации понятия «время» посредством средств вербализации концепта «возраст». Так, понятие «возраст человека» в сознании носителей португальского языка переносится на историческое членение времени, о чем свидетельствует наличие у лексемы *idade* значений «эра, эпоха, время»; «историческая эпоха».

Многозначность слова *idade* позволяет ему в разных своих значениях входить в состав сразу нескольких синонимических рядов, приобретая как семантические, так и стилистические синонимы:

- в значении «время, прошедшее с рождения или с начала» лексема *idade* имеет следующие синонимы: *ano, anos* (год, годы), *janeiros* (январь) и *invernos* (зимы);
- в значении «каждый этап жизни, которому свойствен соответствующий уровень сил» лексема *idade* имеет следующие синонимы (гипонимы): *infância* (детство), *juventude* (молодость), *maturidade* (зрелый возраст);
- в значении «период жизни» [Infopédia]; «длительность одной жизни» [Dicionário Priberam] – *período* (период), *geração* (поколение) (в значении «средняя продолжительность человеческой жизни» [Infopédia; Dicionário Priberam]);
- в значении «эра, эпоха, время» – *era* (эра), *época* (эпоха), *tempo* (время);
- в значении «старость» – *anosidade* (старость (в значении «много прожитых лет»), *anciania, ancianidade* (глубокая старость);

старина, древность), *decrepidez, decrepitude* (дряхлость, ветхость), *senilidade* (старость, дряхлость; наступающее с возрастом ухудшение интеллектуальных способностей), *vetustez* (дряхлость, ветхость), *caducidade, caduquez, caduquice* (дряхлость, ветхость; немощность), *decadência* (упадок сил, постепенное угасание), *idade de ouro* («золотой возраст»), *melhor idade* (лучший возраст), *feliz idade* (счастливым возраст), *terceira idade* (третий возраст), *quarta idade* (четвертый возраст), *provecta idade* (преклонный возраст), *idade senil* (старческий возраст), *idade do planeta* (возраст планеты), *pendor dos anos* ([на] склоне лет), *entardecer da vida* (вечер жизни), *bolor* (букв. 'плесень'), *outono da vida* (осень жизни), *inverno da vida* (зима жизни), *fase final da vida* (последняя часть жизни).

Таким образом, проведенный анализ продемонстрировал наличие в семантике лексемы *idade* нескольких основных аспектов (параметров): биологического, социального, психологического и исторического. Следующим шагом в исследовании стало изучение сочетаемостных характеристик лексемы в зависимости от контекстной актуализации того или иного аспекта ее значения.

Так, при употреблении лексемы *idade* в следующих словосочетаниях имеет место актуализация биологического аспекта ее значения: *primeira idade* (раннее детство), *terceira idade* (ранняя старость), *quarta idade* (дряхлость, поздняя старость), *idade núbil* (половозрелый возраст), *idade avançada* (почтенный возраст), *idade de ter filhos* (детородный возраст) и др.

При употреблении в следующих словосочетаниях актуализируется социальный аспект значения лексемы: *idade pré-escolar* (дошкольный возраст), *idade matrimonial, idade casadoira* (брачный возраст), *idade de reforma* (пенсионный возраст), *idade de construção familiar* (возраст создания семьи) и др.

Соответственно, в следующих словосочетаниях актуализируется психологический аспект значения лексемы: *idade amadurecida, idade madura* (зрелость), *idade psíquica* (психический возраст), *idade complicada* (сложный возраст), *idade interna* (внутренний возраст) и др.

Перечисленные словосочетания свидетельствуют о широте употребления лексемы *idade* и большом количестве устанавливаемых ей свободных связей, что позволяет прийти к выводу о том, что именно

данная лексема является основным средством выражения понятия «возраст» в португальском языке.

Приведенных примеров достаточно, чтобы отметить существование в португальском языке нескольких наиболее частотных конструкций с лексемой *idade*, в которых находит свое оязыковление концепт «возраст»:

- лексема *idade* + предлог *de* + имя существительное;
- лексема *idade* + предлог *de* + глагол;
- лексема *idade* + имя прилагательное;
- имя числительное + лексема *idade*.

В данных конструкциях значение лексемы *idade* «имеющий определенные характеристики период жизни» конкретизируется путем добавления новых семантических компонентов, свидетельствующих о наличии различных аспектов восприятия возрастных состояний. Как видно, в состав таких конструкций могут входить лексемы широкой семантики (*idade de ter filhos*, *idade de muitas coisas pela primeira vez*, *idade de ir para escola*, *idade de construção familiar* и т. п.), что обуславливает «высокий фразообразующий потенциал конструкций и их высокую активность» [Москвин 2017, с. 208].

Кроме того, анализ контекстного употребления лексемы *idade* демонстрирует довольно частое ее употребление в конструкциях с пространственными предлогами, например:

A geração de sindicalistas de Abril da CGTP fica hoje quase vazia com a saída de Armando Farias, Joaquim Dionísio e Manuel Guerreiro da direção da central sindical, por ***estarem perto da idade da reforma*** (*Observador*. 27.02.2016).

O presidente cabo-verdiano considerou hoje que, aos 40 anos, Cabo Verde ***chegou à “idade da razão”*** e “atingiu a maioridade” (*SAPO*. 05.07.2015).

LPCC quer recorrer ao desenho, à escrita, à pintura e a todas as formas de educar quem ***está na idade de brincar*** (*Público*. 29.05.2015).

Exigimos que seja séria, para evitar a dispensa de trabalhadores ainda ***muito longe da idade da reforma*** (*Expresso*. 15.12.2019).

Embora aos 105 anos não baixe os braços perante o trabalho – está a preparar um livro com cartas de diversas personalidades portuguesas – já ***vacilou perante a idade avançada*** e a morte de um familiar, a irmã (*Observador*. 30.08.2016).

Данные примеры свидетельствуют о том, что португальцам свойственно воспринимать возраст как явление статичное, при том, что человеку по достижении определенного возраста свойственна активная роль (на что обращает внимание употребление лексем *idade*, *anos* в качестве обстоятельства места в конструкциях с глаголами движения). В то же время понятие возраста наделяется и акциональными характеристиками, о чем свидетельствуют следующие примеры, в которых лексемы *idade* и *anos* употребляются с глаголами в активном залоге:

A idade não perdoa. Este Verão **chegarei aos 65 anos**. Estou, por isso, numa fase particularmente sensível no que toca à decrepitude (*Público*. 23.04.2020).

Quanto mais **a idade passa**, maior a diferença (*VIP*. 09.07.2019).

Quando **chegou a idade** de seguir para a universidade, rumou a Londres, onde estudou no Royal College of Art (*Expresso*. 26.05.2019).

O problema é que muita experiência, ou seja, **muita idade, faz-nos perder** vitalidade, coragem para afrontar (*Observador*. 12.12.2019).

Havia vinte e oito anos que o filho tinha saído do seu corpo, como se, para sempre, **sáisse uma idade** de dentro de si. Ele caminhava os seus vinte e oito anos pelas hortas [Peixoto 2009, с. 77].

Двойственное восприятие времени отмечалось Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, которым время представлялось одновременно активным и пассивным феноменом (TIME IS STATIONARY AND WE MOVE THROUGH IT и TIME IS A MOVING OBJECT) [Лакофф, Джонсон 2004]. В случае с португальским языком на статичность времени и активную роль человека в достижении возраста указывают конструкции с глаголами *chegar* (прийти куда-л.), *virar* (перевернуть, обогнуть что-л.) и *completar* (достигнуть чего-л.). Семантика данных глаголов указывает на то, что возраст воспринимается как точка маршрута (*chegar à idade de reforma*), цель (*completar os seus 30 anos*) или фрагмент жизненного цикла (*virar 50 anos*). В свою очередь, динамичная, активная, сторона такого явления, как возраст, проявляется в таких словосочетаниях как *chegou a idade* и *os anos correm*.

Интересно также отметить, что в то время как в русском языке при упоминании о возрасте принято использовать конструкцию *Мне*

[*исполнилось, исполняется, исполнится*]... *лет* (в которой человек выступает как пассивный объект), в португальском языке употребляют конструкции *cumprir ... anos, fazer ... anos, ter ...anos, ter a idade de...*, в который субъект «активен», а возраст (прожитые годы) воспринимается либо как достижение, рубеж (*cumprir ... anos, fazer ... anos*), в котором есть заслуга самого человека (как субъекта деятельности), либо как собственность, свойство человека (*ter ...anos, ter a idade de...*). В конструкции *Мне исполнилось ... лет* существительное *годы* выступает в синтаксической функции первого актанта глагола *исполниться*, а местоимение *я* в дательном падеже – в функции второго актанта. В свою очередь, в португальском языке личное местоимение *eu* выступает в качестве первого актанта глагола *ter*.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в то время как в русском языке для дифференцированного указания на возраст в конструкциях типа *ему ... лет* и *ему исполнилось ... лет* используются преимущественно наречия, в аналогичных по смыслу конструкциях португальского языка используются прилагательные и причастия, например:

Ему *недавно* исполнилось тридцать лет. – *Tem trinta anos acabados de fazer.*
Ему *далеко* за тридцать. – *Tem trinta e muitos [anos].*

Заключение

Принимая во внимание вышеприведенные случаи употребления лексемы *idade*, мы приходим к выводу, что лексема обладает высокой сочетаемостью и частотностью употребления, характерными для ядерных лексем ЛСП. Семантика лексемы *idade* свидетельствует о связи понятий *возраст*, *развитие* и *время*, а ее сочетаемость – о связи понятия *возраст* с понятием *движения* (*chegar perto da idade, a idade chega, palmilhar os seus anos, caminhar para os seus anos, caminhar os seus anos*). Анализ семантики и сочетаемости лексемы также свидетельствует о двояком понимании возраста в португальском языке: выделяются, с одной стороны, его акциональная и, с другой – пассивно-статичная сущности. Понятие «возраст», кроме того, характеризуется посредством различных аспектов (физиологического, психологического (поведенческого), темпорального и социального).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: Едиториал УРСС, 2004. [Lakoff, G., Johnson, M. (2004). *Metaforý, kotorymi my zhivjom (Metaphors We Live By)*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)].
- Москвин В. П. Методы и приемы лингвистического анализа. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. [Moskvin, V. P. (2017). *Metody i priemy lingvisticheskogo analiza (Methods and Techniques of Linguistic Analysis)*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)].
- Нелюбин Л. Л. Толковый переводческий словарь. 3 изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с. [Nelyubin, L. L. (2003). *Tolkovyy perevodcheskiy slovar' (Explanatory Translation Dictionary)*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)].
- Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. [Ozhegov, S. I. (1999). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka (Russian Explanatory Dictionary)*. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)].
- Русский семантический словарь / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т.3. М.: Азбуковник, 2003. [Shvedova, N. Ju. (ed.). (2003). *Russkiy semanticheskij slovar' (Russian Semantic Dictionary)*. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)].
- Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. [Sternin, I. A. (1985). *Leksicheskoe znachenie slova v rechi (Lexical Meaning of Word in Speech)*. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta. (In Russ.)].
- Dicionário Lello da Língua Portuguesa. Porto: Lello Editores, 2012.
- Dicionário Priberam da Língua Portuguesa. URL: <https://www.priberam.pt/dlpo/>.
- Infopédia – Dicionário da Língua Portuguesa. URL: <https://www.infopedia.pt/dicionarios/lingua-portuguesa/>.
- Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/>
- Peixoto, J. L. Cal. Lisboa: Quetzal Editores, 2009.
- Précis analytique des travaux de l'Académie des sciences, belles-lettres et arts de Rouen. Rouen: Imprimerie de H. Boissel, 1875. 405 p.

УДК 81-23

С. А. Макарова

аспирант кафедры английского языкознания,
филологический факультет,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
e-mail: swetlana495@yandex.ru

АНАФОРИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ПРИ НЕПОЛНОМ ТОЖДЕСТВЕ РЕФЕРЕНТОВ

В статье исследуется индивидуализация референта, выраженная существительным с определенным артиклем в английском языке при неэквивалентности antecedenta и анафора. Цель – анализ закономерностей выражения непрямой анафорической референции и выявление видов референции, дополняющих ее. Метод заключается в изучении синтаксической и лексико-семантической связи antecedenta и анафора. Результатом исследования романов Д. Лоджа является классификация видов неэквивалентности и вывод о том, что индивидуализация обусловлена тремя видами референции.

Ключевые слова: определенный артикль; анафорические отношения; antecedent; анафор; непрямая анафорическая референция.

S. A. Makarova

Postgraduate student, English Department,
Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: swetlana495@yandex.ru

ANAPHORIC RELATIONS IN ENGLISH BASED ON PARTIAL EQUIVALENCE OF REFERENTS

The subject of this article is the individualisation of referents expressed by *the*-forms of nouns in English as part of indirect anaphoric reference that is based on partial equivalence of referents. The aim of the research is to analyse the indirect anaphoric reference in terms of its specific features and to find out which other types of reference tend to support it. The syntactic and semantic analysis of the material borrowed from D. Lodge's novels has resulted in the classification of non-equivalent relations and the conclusion that the individualisation is based on three types of reference.

Key words: definite article; anaphoric relations; antecedent; anaphor; indirect anaphoric reference.

Введение

Под анафорической референцией в английском языке понимается отнесенность к объектам действительности существительного

с определенным артиклем, т. е. анафора, употребление которого обусловлено информацией в предшествующей части текста, называемой антецедентом [Падучева 1998, с. 32]. Другими словами, антецедент вводит в начале текста новый референт, который индивидуализируется с помощью анафора в последующей части текста, что грамматически передается использованием структуры «определенный артикль + существительное».

Грамматисты различают два вида анафорической референции: прямую и непрямую. Особенность прямой анафорической референции состоит в том, что антецедент и анафор представлены одной и той же лексической единицей, которая, однако, принимает в тексте разную артиклевую форму [Долгина, Макарова 2018, с. 285]:

1. He [Adam] recalled a novel he had read about **a man** who had been locked up by the Gestapo in total darkness with a sinister, soft, moist, yielding object, which **the man** in his terror imagined to be all kinds of horrible things... (Lodge «*The British Museum is Falling Down*»).

Если прямая анафорическая референция основана на лексическом повторе, то для непрямой анафорической референции характерно его отсутствие. Ср.:

2. Early yesterday morning late-night revellers were astonished by the sight of **a young man clad in pyjamas speeding through the streets of London**. Herman Hopple, the British Olympic coach, spotted **the mystery runner** when returning to his Bloomsbury hotel... (Lodge «*The British Museum is Falling Down*»)
3. Sometimes, lying prone on the massage table, you feel a shadow pass over you and if you look up quickly enough you catch a glimpse of **a huge plane** swooping silently over the rooftops, so close you can pick out the white faces of passengers at **the portholes** (Lodge «*Therapy*»).

Примеры 2 и 3 демонстрируют разную кореферентность антецедента и анафора. В примере 2 при разном лексическом обозначении референты являются тождественными, тогда как в примере 3 они совпадают частично [Арутюнова 1998, с. 411; Падучева 1998, с. 243]. Предметом настоящего исследования являются анафорические отношения, основанные на частичном тождестве, которые мы будем называть неэквивалентностью антецедента и анафора [Долгина, Макарова 2018, с. 285].

Необходимость исследования этого явления продиктовано потребностями изучающих английский язык русскоязычными студентами, которые испытывают трудности при установлении логической и смысловой связи между антецедентом и анафором, что можно объяснить отсутствием артиклей в грамматической системе их родного языка. Главная сложность заключается в понимании индивидуализирующей функции определенного артикля в составе анафора: адресату неочевидно использование определенного артикля перед новым для данного текста именем существительным [там же, с. 285].

Следует отметить, что в теоретических грамматиках англоязычных авторов такие случаи описываются противоречиво. Так, в одной известной грамматике¹ даются два объяснения использованию определенного артикля в подобных случаях. С одной стороны, предлагается считать его результатом непрямой анафорической референции в сочетании с ситуативной референцией, т. е. обусловленной экстралингвистической информацией. Другими словами, от участников коммуникативной ситуации требуется представление о связи между референтами антецедента и анафора в реальности, что и позволит рассматривать референт последнего как уже знакомый, а значит, понять, почему этот референт должен обозначаться именем с определенным артиклем [A Comprehensive Grammar ... 1985, с. 267–268].

С другой стороны, эта грамматика интерпретирует употребление определенного артикля в данных примерах как результат взаимодействия непрямой анафорической и катафорической референции, при которой информация, индивидуализирующая референт в анафоре, содержится в постпозиции по отношению к нему. При этом катафорическая референция лишь подразумевается, т. е. принимает эллиптическую форму. Таким образом, определенный артикль мотивируется только языковыми факторами [там же, с. 268].

В то же время авторы другой известной грамматики², объясняющей принципы функционирования артиклевой системы в английском языке с позиции теории референции, предлагают только одну интерпретацию и утверждают, что индивидуализация анафора зависит от взаимодействия непрямой анафорической и ситуативной референций [Longman Grammar ... 2003, с. 264].

¹ A Comprehensive Grammar of the English Language (1985).

² Longman Grammar of Contemporary Written and Spoken English (2003).

Таким образом, в задачи настоящего исследования входило выявление факторов, определяющих функционирование не прямой анафорической референции при неэквивалентности референтов, что позволило бы внести ясность в описание данного явления и найти ответ на спорные вопросы, в частности о взаимодействии различных видов референции. Для этого потребовалось показать смысловую и логическую зависимость анафора от антецедента и аргументировать использование определенного артикля в анафоре, который закрепляет конечный результат индивидуализации референта.

Материал и методы

В качестве источника материала исследования выступил художественный дискурс, характеризующийся разнообразием лексико-грамматических средств выражения [Литвиненко 2017, с. 70]. Исследование было построено на изучении произведений современного британского писателя Д. Лоджа, стилю которого присущи ясность и логичность [Llewellyn URL], что особенно способствует пониманию не прямой анафорической референции. В результате тщательного анализа шести романов, а именно – *The British Museum is Falling Down* (1965), *Changing Places: A Tale of Two Campuses* (1975), *Small World: An Academic Romance* (1984), *Nice Work* (1988), *Therapy* (1995) и *Deaf Sentence* (2008), насчитывающих около 1700 страниц, было отобрано 52 фрагмента, которые содержали не прямую анафорическую референцию, демонстрирующую неэквивалентность антецедента и анафора. Критерий отбора материала определялся использованием в тексте такого антецедента, который обозначает новый для читателя предмет мысли (референт), и потому выраженный ранее не использовавшимся в тексте именем существительным с неопределенным артиклем (или более сложной конструкцией). Те фрагменты, в которых антецедент содержал имя нарицательное с определенным артиклем или имя собственное, в данное исследование не вошли, потому что в них известность референта была для читателя понятной и не нуждалась в комментариях.

Синтаксический анализ: результаты

В соответствии с поставленными задачами отобранный материал подвергся поэтапному исследованию. На первом этапе был проведен

синтаксический анализ [Арутюнова 2002, с. 448], который позволил сделать два важных наблюдения. Во-первых, для примеров рассмотренного типа характерно малое анафорическое расстояние, т. е. антецедент и анафор имеют тенденцию употребляться в одном или соседних предложениях [Longman Grammar ... 2003, с. 237]. Во-вторых, обращает на себя внимание простота выражения анафора при разнообразии формально-структурного обозначения антецедента, который может быть одним словом, что было обнаружено в двух примерах, словосочетанием или различными оборотами, что было продемонстрировано в 34-х примерах, придаточным предложением, что показали семь примеров, полноценным предложением, что иллюстрируют 5 фрагментов, и сверхфразовым единством, что выявилось в пяти фрагментах. Ср.:

4. “I just doubt the effectiveness of *a strike*. Who will notice? It’s not as if we’re like bus drivers or air traffic controllers. I fear the general public will find they can get along quite well without universities for a day.” “They’ll notice *the pickets*,” says Bob Busby (*Lodge «Small World: An Academic Romance»*).
5. She’s been flitting in and out of my consciousness ever since I started this journal, like a figure glimpsed indistinctly at the edge of *a distant wood*, moving between *the trees*, gliding in and out of the shadows (*Lodge «Therapy»*).
6. All I could find was *an old snap of you at the seaside in shorts*, but I expect they’ll only use *the head* (*Lodge «Small World: An Academic Romance»*).
7. He was quite all right – placidly eating *strips of wallpaper which Dominic was tearing off the wall*. Adam made Edward spit them out and, holding *the moist pulp* in his outstretched hand, proceeded to the bedroom (*Lodge «The British Museum is Falling Down»*).

Как следует из приведенного материала, анафор имеет, как правило, простую структуру и иногда допускает определение (фрагмент 7). Что касается антецедентов, то примеры 4 и 5 демонстрируют их краткую структуру и представлены соответственно одним существительным с неопределенным артиклем (пример 4) и словосочетанием (пример 5) в функции дополнения. Во фрагментах 6 и 7 антецеденты оказываются более сложными, выступая, соответственно, как часть

составного именного сказуемого (пример 6) и придаточное предложение (пример 7).

Разбор материала позволяет сделать вывод о том, что установление кореферентности при неэквивалентности антецедента и анафора зависит от того, насколько сложно организован антецедент: чем он более распространен синтаксически, тем труднее установить его связь с анафором, так как адресату приходится соотносить больший объём информации с последующим текстом.

Лексико-семантический анализ: результаты

Второй этап исследования включал лексико-семантический анализ, который выявил разнообразие материала и позволил разделить его на две группы, что должно существенно расширить представления грамматистов об изучаемом явлении [Кузнецов 2002, с. 257; Степанов 2002, с. 438]. В первую группу вошли 42 примера, в которых антецедент выражает целое, а анафор – его часть, т. е. в этих фрагментах антецедент относится к анафору как холоним к партониму [Лукашевич 2013, с. 7–9]. Вторая группа, включающая 10 примеров, демонстрирует обратные отношения: антецедент обозначает часть целого, а анафор – целое. Иначе говоря, в таких фрагментах антецедент относится к анафору как партоним к холониму. Ср:

8. *A family of peasants* had camped out for the night on a bench, surrounded by their bundles and baskets. *The mother*, suckling her baby, gazed impassively at the women in chic velvet trouser suits who led caravans of porters bearing their matched suitcases towards the first class coaches (Lodge «*Small World: An Academic Romance*»).
9. She throws a piteous look in the direction of Angelica and Lily, who run to her side, and sweep her on to Arthur Kingfisher.
 “*Mother!*”
 “*Daddy!*”
 “*My babies!*”
 “*My girls!*” Poor Ji-Moon Lee is in danger of being brushed aside, until Angelica stretches out a hand and pulls her into *the reunited family circle* (Lodge «*Small World: An Academic Romance*»).

Семантический анализ включал также установление особенностей смысловой связи между антецедентом и анафором и описание

лексических средств выражения первого. Отношения целого и части, как и обратные, предполагают, что между антецедентом и анафором, которые их выражают, существует семантическая связь. Другими словами, они принадлежат к одному семантическому полю, понимаемому как «совокупность слов и выражений, составляющих тематический ряд, слова и выражения языка, в своей совокупности покрывающие определенную область значений» [Ахманова 2009, с. 334]. Анализ показал, что анафорические отношения выражаются как конкретными существительными для обозначения материальных объектов действительности, так и абстрактными, отсылающими к нематериальным референтам.

При этом некоторые семантические поля оказались достаточно обширными. Например, семантическое поле, которое можно определить как «материальные объекты, где антецедент называет предмет в его целостности, а анафор – его часть, было представлено в 11 фрагментах:

10. He put the neck of **a beer bottle** between his teeth and pulled off **the metal cap** (Lodge «*The British Museum is Falling Down*»).
11. He ushered them into a chilly parlour, smelling faintly of mildew and mothballs, and switched on **an electric fire** in the hearth. Simulated coals lighted up, though not **the element** (Lodge «*Changing Places: A Tale of Two Campuses*»).
12. He just went out in a rowboat in a lake near home one evening and shot himself with **a hunting rifle**.
'Perhaps it was an accident,' I said.
'He had **the barrel** in his mouth,' she said, 'and he used his toe to pull **the trigger**' (Lodge «*Deaf Sentence*»).

Антецеденты и анафоры в другой группе примеров, включающей пяти фрагментов, можно отнести к семантическому полю «транспорт», где сначала выделяется целое транспортное средство, а затем – одна из его составных деталей:

13. **A bronze-coloured Maserati coupe** which until now he had seen only in magazines, priced at something over \$50,000, drew his attention, but it was some moments before he realized that Fulvia was seated at **the wheel** behind its tinted glass and beckoning him urgently to get in (Lodge «*Small World: An Academic Romance*»).

14. I heard a car starting up in the street outside and went to the front door just in time to see **a white car** turning the corner at the end of the street. Well, it looked white under the street-lighting, but it could have been silver. I didn't have a good enough view to identify **the make** (Lodge «*Therapy*»).
15. He feels like the captain of **a sleeping ship**, alone at **the helm**, steering his oblivious crew through dangerous seas (Lodge «*Nice Work*»).

В отличие от вышеприведенных примеров, в которых референты антецедента и анафора принадлежат материальному миру, в целом ряде случаев антецедент становится более отвлеченным, как, например, в следующем фрагменте, где речь идет о планируемом уличном представлении (передается причастным оборотом), а исполнители («the performers») воспринимаются как часть этого действия:

16. “In principle I disapprove of this kind of insistence on the biographical origins of the literary text, but I was persuaded by some friends here to take in the conference on my way back from Vienna, and I must admit that the idea of **acting out “The Waste Land” on the streets of Lausanne** was very imaginative. Most diverting.”
 “Who are **the performers?**” asked Persse (Lodge «*Small World: An Academic Romance*»).

Как уже отмечалось, фрагменты, в которых антецедент является частью, а анафор указывает на целое, оказались в значительном меньшинстве. Семантический анализ выявил группу, относящуюся семантическому полю «человек», которая не встречается при обратных отношениях:

17. As he did so he heard the sound of **footsteps on the pavement behind him**. He was tempted to stop and skulk against a wall while **the pedestrian** passed on, but knew that if he hesitated again he would never recover his resolution (Lodge «*The British Museum is Falling Down*»).
18. “Hallo, is that Guinness you’re drinking?” said **a voice** at his shoulder. “Where did you get it?”
 Persse turned to find **a large, fleshy, pockmarked face** peering covetously at his drink through **horn-rimmed glasses**.
 “I just asked for it at the bar,” said Persse.
 “This wine is like horsepiss,” said **the man**, emptying his glass into a potted plant (Lodge «*Small World: An Academic Romance*»).

Типы референции при неэквивалентности

Результаты исследования

Для того чтобы дать свой однозначный ответ на вопрос, какие типы референции участвуют в индивидуализации, обратимся к фрагменту, в котором антецедент и анафор вновь демонстрируют отношения холонима и партонима:

19. In *a cafe* in a covered shopping precinct at the centre of Rummidge, Marjorie and Sandra Wilcox are sipping coffee, debating what colour shoes Sandra should buy. *The walls of the cafe* are covered with tinted mirrors, and soft syncopated music oozes from speakers hidden in *the ceiling* (Lodge «Nice Work»).

Принимая во внимание противоречивость комментариев в указанных ранее грамматиках, считаем необходимым, во-первых, обосновать, что данный случай является непрямой анафорической референцией: употребление определенного артикля в анафоре «the ceiling» мотивировано тем, что индивидуализирующий элемент («a cafe») предшествует существительному с определенным артиклем. Во-вторых, данную артиклевую форму можно интерпретировать как пример катафорической референции. Автор описывает кафе, расположенное в торговом пассаже («a covered shopping precinct»), т. е. читателю требуется уточнение, какой именно потолок имеется в виду. Одно из существительных в тексте получило такое уточнение с предложным оборотом – «the walls of the cafe» (стены кафе). По аналогии читатель догадывается, что подразумевается «the ceiling of the cafe», а не «the ceiling of the shopping precinct». В-третьих, данный фрагмент можно понимать и как проявление ситуативной референции, так как читатель может вывести на основании имеющихся у него фоновых знаний, что в кафе должен быть потолок – «ceiling», если только это не летнее или уличное кафе. Следовательно, пример 19 демонстрирует совокупность языковых факторов и ситуативного фактора, индивидуализирующих референт анафора.

Аналогичный разбор применим и к случаям, когда антецедент и анафор выступают как часть (партоним), а анафор – как целое (холоним). Например, в приведенном выше фрагменте 17 главный герой сначала слышит шаги у себя за спиной («footsteps on the pavement

behind him»), и только потом говорится о прохожем («the pedestrian»). А в примере 18 описывается знакомство персонажей, и главный герой сначала обращает внимание на отдельные части – проявления человека: его голос («a voice»), лицо («a large, fleshy, rockmarked face»), очки в роговой оправе («horn-rimmed glasses»), и только потом они «складываются» в единое целое – мужчину («the man»).

В примерах такого типа неэквивалентности также можно выделить три типа референции. Во-первых, «the pedestrian» и «the man», представляют собой непрямую анафорическую референцию, так как индивидуализирующий элемент выступает в роли сложного antecedenta, который состоит из нескольких партонимов. Во-вторых, данные артиклевые формы можно интерпретировать и как результат катафорической референции, потому что возможно реконструировать определение в постпозиции, которое во фрагментах 17 и 18 принимает форму придаточного предложения («the pedestrian who produced the sound of the steps he heard» и «the man whose voice he heard and whose face and glasses he saw»). В-третьих, можно говорить и о ситуативной референции, потому что шаги, голос, лицо и очки являются характерными признаками человека, которому они принадлежат.

Заключение

В итоге проведенного исследования непрямой анафорической референции можно сделать следующие выводы. Во-первых, определенный артикль играет роль связующего грамматического элемента, сигнализируя адресату о зависимости анафора от предшествующего информации, что делает его особым инструментом, обеспечивающим связность текста.

Во-вторых, при частичном тождестве референтов antecedenta и анафора в художественном тексте действуют синтаксический и лексико-семантический факторы, обуславливающие индивидуализацию.

В-третьих, для установления кореферентности должны приниматься во внимание структура antecedenta и анафорическое расстояние между ним и анафором. При нагруженной синтаксической структуре antecedenta и его значительной удаленности от анафора становится сложнее установить их частичную кореферентность и, как следствие, причину индивидуализации анафора.

В-четвертых, семантические отношения антецедента и анафора при неэквивалентности строятся по двум противоположным моделям: часть-целое, и наоборот.

В-пятых, во всех фрагментах антецедент и анафор принадлежат к одному семантическому полю, причем эта особенность наблюдается как при использовании в тексте конкретных, так и абстрактных существительных.

В-шестых, при неэквивалентности антецедента и анафора индивидуализация последнего определяется сочетанием трех типов референции: языковой, представленной двумя видами – непрямой анафорической и катафорической референцией, а также ситуативной (неязыковой) референцией.

Суммируя проведенный анализ важно отметить, что исследование текстов других англоязычных авторов и иных типов дискурса даст возможность уточнить сделанные выводы о непрямой анафорической референции в современном английском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова Н. Д. Референция // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 411–412. [Arutjunova, N. D. (1998). Referencija (Reference). In Jarceva, V. N. (ed.). *Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'* (pp. 411–412). Moscow: Bol'shaja Rossijskaja Jenciklopedija. (In Russ.)].
- Арутюнова Н. Д. Синтаксис // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 448–451. [Arutjunova, N. D. (1998). Sintaksis (Syntax). In Jarceva, V. N. (ed.). *Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'* (pp. 448–451). Moscow: Bol'shaja Rossijskaja Enciklopedija. (In Russ.)].
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Либроком, 2009. [Ahmanova, O. S. (2009). *Slovar' lingvisticheskikh terminov (A Dictionary of Linguistic Terms)*. Moscow: Librokom. (In Russ.)].
- Долгина Е. А., Макарова С. А. Операции инференции и индивидуализации в англоязычном мышлении // Когнитивные исследования языка. 2018. Т. 34. С. 283–287. [Dolgina, E. A., Makarova, S. A. (2018). Inference and individualisation in the English thinking. *Cognitive studies of language*, 34, 283–287 (In Russ.)].
- Кузнецов А. М. Лексика // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 257–258. [Kuznecov, A. M. (1998). Leksika (Lexis). In Jarceva, V. N. (ed.)

- Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskiy slovar'* (pp. 257–258). Moscow: Bol'shaja Rossijskaja Jenciklopedija. (In Russ.).
- Литвиненко Т. Е. О грамматических особенностях художественного дискурса (на материале латиноамериканской прозы XX века) // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. № 2. С. 68–78. [Litvinenko, T. E. (2017). On Grammar Means of Latin American Literary Discourse. *Modern studies of social issues*, 9(2), 68–78. (In Russ.).]
- Лукашевич Н. В. Отношения часть-целое: теория и практика // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. 2013. № 1. С. 7–12. [Loukachevitch, N. V. (2013). Part-whole relations in theory and practice. *Nejrokomp'jutery: razrabotka, primenenie*, 1, 7–12. (In Russ.).]
- Падучева Е. В. Анафорические отношения // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 32. [Paducheva, E. V. (1998). Anaforicheskie otnoshenija (Anaphoric Relations). In Jarceva, V. N. (ed.). *Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskiy slovar'*. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja Jenciklopedija. (In Russ.).]
- Падучева Е. В. Кореферентность // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 243. [Paducheva, E. V. (1998). Koreferentnost' (Coreference). In Jarceva, V. N. (ed.). *Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskiy slovar'* (p. 243). Moscow: Bol'shaja russijskaja jenciklopedija. (In Russ.).]
- Степанов Ю. С. Семантика // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 438–440. [Stepanov, Ju. S. (1985). Semantika (Semantics). *Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskiy slovar'* (pp. 438–440). Moscow: Bol'shaja Rossijskaja Jenciklopedija. (In Russ.).]
- A Comprehensive Grammar of the English Language / Quirk R. [et al.]. London: Longman, 1985. 1779 p.
- Llewellyn J. Bad reviews spoil my lunch. URL: <https://cutt.ly/QtcPRRw> (дата обращения: 15.04.2017).
- Longman Grammar of Spoken and Written English / Biber D. [et al.]. Harlow: Pearson Education Limited, 2003. 1204 p.

УДК 811.134.3

В. А. Махортова

магистр филологических наук Лиссабонского университета, аспирант и преподаватель кафедры португальского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета; e-mail: varvara2504@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА И ТЕОРИЯ ТЕКСТОВЫХ МИРОВ КАК ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МЕНТАЛЬНЫХ АНАЛОГОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Статья посвящена проблеме когнитивных основ создания и восприятия художественного текста. Результаты приведенного в работе анализа позволяют выявить специфику методов моделирования индивидуально-авторской картины мира и метода, основанного на теории текстовых миров. Возможности применения каждого из методов, проиллюстрированных примерами анализа художественных текстов португальских авторов, позволяют выявить особенности индивидуально-авторского мировоззрения, обуславливающих специфику творчества данного автора.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; когнитивная поэтика; индивидуально-авторская картина мира; текстовый мир; дискурсивный мир; субмир; португальский язык.

V. A. Makhortova

Master of Philology of Lisbon University,
Lecturer of the Portuguese Language Department,
Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University;
e-mail: varvara2504@mail.ru

MODELING AN AUTHOR'S INDIVIDUAL WORLDVIEW AND THE TEXT THEORY METHOD AS POSSIBLE APPROACHES TO THE STUDY OF MENTAL ANALOGUES OF LITERARY TEXT

The article is dedicated to the problem of modeling the mental analogues of literary text. The analysis presented in the article shows the specificity of the method of modeling of an author's individual worldview and of the method provided by the text world theory. The possibilities of applying these methods are illustrated by examples of analysis of literary texts by Portuguese authors.

Key words: cognitive linguistics; cognitive poetics; individual author's world picture; text world; discourse world; sub-world; the Portuguese language.

Введение

Развиваясь на пересечении лингвистики и литературоведения, когнитивная поэтика открывает новые возможности для исследования художественного текста. Выходя за рамки анализа языковых явлений, когнитивная поэтика направлена на изучение «ментальных основ художественного творчества» [Маслова 2011, с. 7] или процесса читательского восприятия, понимаемого как «естественный феномен» [Stockwell 2002, с. 152]. Иными словами, данная дисциплина стремится дать объяснение тому, как отражается в тексте авторское мировидение, а также обосновать возможные интерпретации художественных произведений. Отмечая такую двойную направленность когнитивной поэтики, И. А. Тарасова выделяет в ней «порождающую когнитивную поэтику» и «когнитивную поэтику восприятия» [Тарасова 2019, с. 9]. Первое направление предполагает путь от текста к автору, второе подразумевает движение от текста к читателю. В данной статье рассматривается проблема моделирования когнитивных аналогов мира, актуальная для обоих направлений когнитивной поэтики. Цель статьи – сопоставительный анализ метода моделирования картины мира, используемого преимущественно в порождающей когнитивной поэтике, и метода текстовых миров, применяемого в когнитивной поэтике восприятия. Отметим, что указанные методы не являются единственно возможными. Наряду с методом моделирования индивидуально-авторской картины мира, в порождающей когнитивной поэтике используются методы моделирования «концептосферы» [Беспалова 2002], «когнитивного исследования идиостиля» [Тарасова 2004] и др. В когнитивной поэтике восприятия, помимо метода текстовых миров, возможны методы, основанные на теории ментальных пространств Ж. Фоконье и М. Тернера, а также метод «параболической проекции» [Stockwell 2002, с. 136] и др. Однако подробное описание каждого из перечисленных методов выходит за рамки нашего исследования.

Индивидуально-авторская картина мира

Лингвистическими основами изучения картины мира и ее языковой репрезентации можно назвать исследования В. фон Гумбольдта, отстаивавшего идею о неразрывной связи языка и «духа народа» [Гумбольдт 1984], а также работы Сепира и Уорфа, выдвинувших

гипотезу лингвистической относительности. В когнитивной лингвистике и когнитивной поэтике целостная картина мира и художественная картина мира понимаются как ментальные объекты, которые находят свое выражение в языке. На этом основании выделяют «языковую картину мира» и «языковую художественную картину мира» [Аюпова 2012], которые не являются «зеркальными отражениями» соответствующих ментальных картин мира, но особым образом проецируют эти картины [Маслова 2011, с. 24]. Исследование данных проекций лежит в основе метода моделирования художественных картин мира как на уровне лингвокультур, так и на уровне отдельных авторов.

При моделировании индивидуально-авторской картины мира в центре внимания исследователя оказываются ее структура и содержание. Как отмечает Ж. Н. Маслова, «обобщенно поэзия отражает опыт взаимодействия человека с миром, которые представлены как две взаимодействующие системы Я – МИР [Маслова 2011, с. 58]. Соответственно, данные области можно выделить в индивидуально-авторской картине мира. При этом область МИР нам представляется возможным разделить на составляющие: «мир социальный» и «мир природный». В зависимости от отношений, которые устанавливаются между субъектом картины мира (человеком) и объектом (миром), академик Б. А. Серебренников разграничивает два типа личности: «гармоничный» и «дисгармоничный», к которым, как утверждает исследователь, «может быть подведен каждый художник» [Роль человеческого фактора в языке 1988, с. 30]. Для первого типа характерно стремление к гармонии с миром, вера в мировой порядок. Второму свойственны противоречивость, разлад между личностью и миром. Свой подход к пониманию взаимодействия между системами Я – МИР предлагает Ж. Н. Маслова, которая выделяет три возможные когнитивные «стратегии освоения мира»: «жрец», «ремесленник» и «фокусник» [Маслова 2011, с. 61–63]. Стратегия «жрец» предполагает наделяние природы эталонными качествами, осознание ее величия. Стратегия «ремесленник» соответствует идее преобразования мира человеком. Показателем этой стратегии являются «техногенные образы» [Маслова 2011, с. 62]. Стратегия «фокусник» выражается в игровых текстах, аллюзиях, пародии. Вне зависимости от когнитивной стратегии содержательной единицей индивидуально-авторской

картины мира признается концепт, который можно определить как «оперативную содержательную единицу памяти», или «квант знания» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996, с. 90]. Тип творческой личности и выбранная когнитивная стратегия обуславливают концептуальное содержание картины мира, а также взаимодействие между концептами, принадлежащими к одной подсистеме или разным подсистемам картины мира.

Рассмотрим применение метода моделирования индивидуально-авторской картины мира на примере творчества португальской поэтессы Софии де Мелло Брейнер Андресен (Sophia de Mello Breyner Andresen, 1919–2004). В рамках типологии, разработанной Б. А. Серебренниковым, Софию де Мелло можно отнести к «гармоничному» типу творческой личности, поскольку идеалом, выраженным в ее поэзии, является единство человека и природы. В творчестве автора природа всегда совершенна, она – начало всего сущего, а также источник гармонии. Силы природы (морская стихия, ветер) одушевляются и наделяются сверхъестественными свойствами. Все это позволяет охарактеризовать когнитивную стратегию поэтессы как «жрец». Доминантной подсистемой индивидуально-авторской картины мира Софии де Мелло является «природный мир», выступающий в качестве эталона, с которым соотносятся «социальный мир» и авторское «я». Особо значимым в творчестве поэтессы нам представляется противопоставление подсистем «природный мир» – «социальный мир», которое наиболее ярко выражается в оппозиции «природа» – «город». Концептуальная область «природа» в поэзии Софии де Мелло соотносится с положительными категориями прекрасного, совершенного и непреходящего. Концепт «город», напротив, обладает негативными качествами, ассоциируется с пороками и бренностью бытия. Однако поэтесса верит в возможность преодоления этого противоречия:

«Sei que seria possível construir
a forma justa
De uma cidade humana que fosse
Fiel à perfeição do universo»
[Andresen 2015, p. 734].

«Знаю, что можно создать
совершенный
Человеческий город
В унисон совершенству Вселенной»
[Андресен 2019, с. 205].

Перевод Е. Хованович

Теория текстовых миров

Другой метод моделирования ментальных аналогов художественного текста основан на теории текстовых миров. Данная теория сформировалась и используется в современных западных когнитивных исследованиях художественного текста. Ее лингвистической основой служит теория дискурса Т. А. ван Дейка, в соответствии с которой дискурс понимается как «коммуникативное событие» [Т. А. ван Дейк 2000, с. 121], происходящее между говорящим, слушающим и наблюдателями в определенном пространственном, временном и культурном контексте. Участниками общения необязательно являются говорящий и слушающий, ими могут быть также писатель и читатель. В когнитивной лингвистике и когнитивной поэтике теория текстовых миров разрабатывается в исследованиях П. Верта, Д. Гевинса, Л. Идальго, Е. Семино, П. Стоквелла.

Согласно данной теории, под миром понимается языковое событие, в котором задействованы не менее чем два участника и которое представляет собой репрезентацию некоторого положения дел [Stockwell 2002, с. 136]. Теория подразумевает существование трех уровней миров. Самым высоким является дискурсивный мир, в котором происходит взаимодействие автора и читателя. Средний уровень – собственно текстовый мир, в котором разворачивается действие произведения и к которому принадлежат рассказчик и персонажи. Низшим уровнем иерархии является уровень субмиров, которые выделяются внутри текстового мира. Субмиры подразделяются на дейктические, модальные и гипотетические. Дейктические миры отличаются от основного текстового мира по временным или пространственным характеристикам. Также они могут выделяться, поскольку в них появляются новые персонажи или изменяются роли рассказчика и персонажей. На текстовом уровне дейктическим мирам соответствуют отсылки к прошлому, обращение к будущему, смена повествователя. Модальные миры включают в себя желания, намерения или цели персонажей. Гипотетические миры – это предположения или догадки персонажей и рассказчика. К суб-мирам также можно отнести сны персонажей, письма, включенные в основной текст, или пьесы внутри пьес.

Каждый из миров (дискурсивный, собственно текстовый или субмир) имеет схожую структуру, в которую входят конструктивные элементы (world-building elements) и пропозиции, обеспечивающие

функциональное развитие (function-advancing propositions) [Stockwell 2002, с. 137]. К конструктивным элементам относятся дейктические средства, указывающие на место, время, действующих лиц, объекты, а также отношения между ними. Пропозиции, обеспечивающие функциональное развитие, задают динамику дискурса, указывая на физические действия или ментальные процессы и состояния.

Рассмотрим возможности применения теории текстовых миров на примере краткого анализа эпической поэмы «Лузиады» (1572 год) португальского поэта Луиш де Камозэнса (1524/1525–1580). Национальная поэма «Лузиады» является одним из наиболее значимых произведений португальской литературы. В основу ее сюжета положена история плавания Васко да Гамы, в результате которого был открыт морской путь в Индию. Поэма написана героической октавой и состоит из 10 глав-песен.

С точки зрения теории текстовых миров, к дискурсивному миру в данном случае будут относиться Луиш де Камозэнс и читатели поэмы. Отметим, что на уровне дискурса вокруг поэмы могут создаваться разные миры, зависящие от времени, места и читателей. Ситуация, при которой поэму читали придворные вельможи, современники Камозэнса, соответствует одному дискурсивному миру. Ситуация, при которой «Лузиады» читают и анализируют португальские школьники – иному. Ситуация, при которой поэма ставится на сцене, и зрители смотрят представление – еще одному дискурсивному миру и т. д.

К собственно текстовому миру, следующему в иерархии миров, относятся герои, действия и события, описанные в поэме. Однако этому основному текстовому миру предшествует зачин, в котором рассказчик обращается к королю Дону Себастьяну и который можно считать дейктическим субмиром. Примечательно, что после издания «Лузиад» Камозэнс действительно прочел королю свою поэму во дворце в Синтре [Costa 2019, с. 202], и в тех обстоятельствах данный субмир в некотором смысле совпал с дискурсивным миром, поскольку поэт, совмещая свою роль с ролью рассказчика, непосредственно обращался к королю.

Основной текстовый мир строится на базе повествования о путешествии эскадры Васко да Гамы. Местом действия являются Португалия, Атлантический океан, Африка, Индийский океан, Индия. Время действия – XV век. Среди героев текстового мира – весь португальский

народ, прямо или косвенно участвующий в великих географических открытиях, моряки, капитан Васко да Гама. Участниками текстового мира становятся также африканские и восточные правители, с которыми мореплаватели встречаются во время своей экспедиции, и вымышленные персонажи, например гигант Адамастор, олицетворяющий все опасности, которые преодолели португальцы на своем пути. К предметам и явлениям относятся: страны, острова, океаны, корабли, природные явления. Пропозиции включают в себя физические действия, связанные с перемещением кораблей, сражениями, а также ментальные состояния, в которых отражается осмысление опыта плаваний. Основной текстовый мир можно охарактеризовать как героический или эпический. Субмирами по отношению к нему являются мифический и исторический.

Главные персонажи-участники мифического мира – олимпийские боги, введенные в повествование для того, чтобы подчеркнуть, что подвиг португальских мореплавателей настолько велик, что оказывается в центре внимания высших сил. Данный субмир можно охарактеризовать как дейктический, потому что в нем появляются новые герои, меняются место и время действия; а также как модальный, поскольку в нем проявляются разные отношения богов к португальцам. Венера и Марс покровительствуют мореплавателям, а Вакх стремится помешать им.

Переход к историческому миру, тоже дейктическому, происходит в третьей и четвертой главах, в которых Васко да Гама рассказывает историю своей страны правителю города Малинди. В данном субмире Васко да Гама становится уже не персонажем, а рассказчиком. Пространственные и временные параметры также меняются, поскольку действие переносится в Португалию, в прошлое и постепенно возвращается к настоящему, по мере того как Васко да Гама рассказывает о португальских героях, начиная от легендарного Луза, стоявшего у истоков Португалии (Лузитании), до короля Мануэла I, по приказу которого португальский капитан направился в Индию.

Помимо главных субмиров – мифического и исторического, в поэме можно выделить частные субмиры. К ним относятся, например, сон короля Мануэла, в котором в образе старцев ему являются реки Инд и Ганг, или монолог старика из Рештелу, который, в отличие от

рассказчика, не прославляет португальских героев, а укоряет мореплавателей за то, что они покидают родную землю, устремляясь в погоню за славой и богатством.

Заключение

Таким образом, сопоставительный анализ метода моделирования картины мира и метода текстовых миров позволяет выявить специфику каждого из них. Метод моделирования картины мира, идущий от текста к автору, дает возможность рассмотреть авторское творчество в его целостности, а также выявить основы творчества, определить характерную для того или иного автора стратегию осмысления мира. Данный метод может быть использован для изучения особенностей индивидуально-авторского мировидения, обуславливающих специфику творчества данного автора, или для выявления общих (культурно значимых или универсальных) закономерностей смыслопорождения художественного текста.

Метод текстовых миров, направленный от текста к читателю, позволяет сконцентрироваться на отдельном произведении и соответствующих ему структурах знания, которые конструируются в ходе читательского восприятия. Кроме того, метод текстовых миров может быть применен для объяснения различных читательских интерпретаций одного текста и выявления среди них более или менее типичных.

Оба метода могут быть успешно использованы для моделирования когнитивных аналогов художественного текста. Выбор одного из них зависит от предмета и целей исследования. В заключение отметим также, что сами направления когнитивной поэтики («порождающая когнитивная поэтика» и «когнитивная поэтика восприятия»), в русле которых были разработаны рассмотренные нами методы, не противоречат друг другу и могут быть вписаны в «герменевтический треугольник», вершинами которого являются автор, текст и читатель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Андресен С. де М. Б. Единое начало всех вещей: избранные стихотворения. М.: Центр книги Рудомино, 2019. [Andresen, S. de M. B. (2019). *Edinoe nachalo vsexh veshchei: izbrannnye stikhotvoreniya (The Essence of All the Things: Selected Poems)*. Moscow: Tsentr Knigi Rudomino. (In Russ.)].

- Аюпова С. Б. Категории пространства и времени в языковой художественной картине мира (на материале художественной прозы И. С. Тургенева): автореф. дис. ... д.-ра. филол. наук. Уфа, 2012. [Ayupova, S. B. (2012). Kategorii prostranstva i vremeni v yazykovoï khudozhestvennoi kartine mira (na materiale khudozhestvennoi prozy I. S. Turgeneva) (*Categories of Space and Time in the Language Artistic Picture of the World (based on the material of I. S. Turgenev's fiction)*): synopsis of doctoral dissertation. Ufa. (In Russ.)].
- Беспалова О. Е. Концептосфера поэзии Н. С. Гумилева в ее лексическом представлении: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. [Bespalova, O. E. (2002). Kontseptosfera poezii N. S. Gumileva v ee leksicheskom predstavlenii (*The Conceptual System of N. S. Gumilev in its Lexical Representation*): Phd. thesis. St.Petersburg. (In Russ.)].
- Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. [Boldyrev, N. N. (2014). Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku (*Cognitive Semantics. The Introduction to the Cognitive Linguistics*). Tambov: Izdatel'skii dom TGU G. R. Derzhavin. (In Russ.)].
- Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. [Van Deik, T. A. (2000). Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya (*Language. Cognition. Communication*). Blagoveshchensk: BGK I. A. Baudouin de Courtenay. (In Russ.)].
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. [Humboldt, W. (1984). Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu (*Selected Works in Linguistics*). Moscow: Progress. (In Russ.)].
- Камões Л. В. де. Лузиады, Сонеты. Перевод с португальского, вступление и комментарии О. Овчаренко. М.: Художественная литература, 1988. [Camões, L. V. de. (1988). Luziady, Sonety (*Lusiads, Sonets*). Translated by O. Ovcharenko. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)].
- Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Издательство Московского государственного университета, 1996. [Kubryakova, E. S. (ed.). (1996). Kratkii slovar' kognitivnykh terminov (*Concise Dictionary of Cognitive Terms*). Moscow: Moscow State University publishing house. (In Russ.)].
- Маслова Ж. Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке: дис. ... д.-ра филол. наук. Тамбов, 2011. [Maslova, Zh. N. (2011). Poeticheskaya kartina mira i ee reprezentatsiya v yazyke (*Poetic Worldview and Its Language Representation*): doctoral dissertation. Tambov. (In Russ.)].
- Мусат Р. П. Художественная картина мира в духовном универсуме современной эпохи: дис. ... д.-ра филос. наук. Красноярск, 2016. [Musat, R. P. (2016). Khudozhestvennaya kartina mira v dukhovnom universume

- sovremennoi epokhi (*Artistic Worldview in the Sphere of Modern Culture*): doctoral dissertation. Krasnoyarsk. (In Russ.).
- Некрасов С. И., Некрасова Н. А. Философия науки и техники. Орел: ОГУ, 2010. [Nekrasov, S. I., Nekrasova, N. A. (2010). *Filosofiya nauki i tekhniki (Philosophy of Science and Engineering)*. Orel: Orel State University. (In Russ.).]
- Новейший философский словарь / гл. науч. ред. А. А. Грицанов. М.: Книжный Дом, 2003. [Gritsanov, A. A. (ed.). (2003). *Noveishii filosofskii slovar' (The Newest Philosophic Dictionary)*. Moscow: Knizhnyi Dom. (In Russ.).]
- Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебrenников [и др.]. М.: Наука, 1988. [Serebrennikov, B. A. et al. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira (The Function of Human Factor in the Language: Language and Worldview)*. Moscow: Nauka. (In Russ.).]
- Тарасова И. А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы: монография. М.: Инфра-М, 2019. [Tarasova, I. A. (2019). *Kognitivnaya poetika: predmet, terminologiya, metody. (Cognitive Poetics: Subject, Terms, Methods)*. Monography. Moscow: Infra-M. (In Russ.).]
- Тарасова И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте (на материале поэзии Г. Иванова и И. Анненского): дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2004. [Tarasova, I. A. (2004). *Poeticheskii idiostil' v kognitivnom aspekte (na materiale poezii G. Ivanova i I. Annenskogo) (Poetic Idiostyle in the Cognitive Aspect (based on the poetry of G. Ivanov and I. Annensky))*: doctoral dissertation. Saratov. (In Russ.).]
- Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум, 2005. С. 371–392. [Eco U. (2005). *Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta (The Role of the Reader. Researches on Semiotics of the Text, pp. 371–392)*. St. Petersburg: Simpozium. (In Russ.).]
- Andresen, Sophia de Mello Breyner. *Obra poética*. Porto: Assírio & Alvim, 2015.
- Leite de Costa A. *História de Portugal*. Lisboa: Dom Quixote, 2019.
- Stockwell P. *Cognitive poetics. An Introduction*. London: Routledge, 2002.

УДК 81'42

Н. А. Овагимян

преподаватель кафедры английского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: n.ovagimian@linguanet.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕТАФОРЫ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ

(на материале англоязычных научно-популярных фильмов)

В статье рассматривается вопрос, каким образом функционирует метафора в дискурсе научно-популярных фильмов и как это отражает тенденции в науке. В полимодальном дискурсе метафора выражается в вербальном компоненте в его взаимодействии с невербальным, что приводит к буквализации метафоры, ее «узнаванию» и «реанимации». Делается вывод, что использование в научно-популярном дискурсе аналогий отражает тенденции современной науки к гуманизации знания, а также междисциплинарный характер исследований.

Ключевые слова: научно-популярный дискурс; научно-популярный фильм; метафора; полимодальность; научное познание.

N. A. Ovagimian

Lecturer, Department of English, Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University; e-mail: n.ovagimian@linguanet.ru

SOME FEATURES OF METAPHOR FUNCTIONING IN POPULAR SCIENCE DISCOURSE

(based on popular science films in English)

The article considers the functioning of metaphor in the discourse of popular science films and the way it reflects the trends in science. In multimodal discourse, metaphor is expressed in the interaction between the verbal and non-verbal components. This leads to a literal understanding of metaphor, its recognition and revival. A conclusion is drawn that the use of analogies in popular science films is in accordance with the trend of modern science towards the humanitarization of knowledge as well as the interdisciplinary character of research.

Key words: popular science discourse; popular science film; metaphor; multimodality; scientific cognition.

Введение

В процессе познавательной деятельности человек включает новые данные, поступающие из окружающего мира, в систему своих представлений, которые уже сформировались в результате предыдущего

опыта. Свойства нового знания зависят не только от свойств самого предмета действительности, с которым они связаны, но и от особенностей нашего мышления в разных сферах деятельности, а также на разных исторических этапах. Поэтому одни и те же явления, предметы действительности могут существовать во множестве представлений, связанных с разными областями жизни и разными ступенями развития мышления.

Особую значимость в современном информационном обществе приобретает научное знание. Принципы и ценности науки в целом (объективность, истинность, обоснованность, эмпиричность и др. [Кротков 2014]) находят отражение и в ее языке. «Логическая строгость, объективность, последовательность и точность – вот те свойства, которые считаются идеалом научной прозы» [Разинкина 1972].

В. И. Карасик отмечает: «Ценности научного дискурса сконцентрированы в его ключевых концептах (истина, знание, исследование), сводятся к признанию познаваемости мира, к необходимости умножать знания и доказывать их объективность, к уважению к фактам, к беспристрастности в поисках истины («Платон мне друг, но истина дороже»), к высокой оценке точности в формулировках и ясности мышления» [Карасик 2002].

Когнитивные и прагматические факторы научно-популярного дискурса

Передача информации в сугубо научной среде обусловлена когнитивным уровнем коммуникантов, что находит свое выражение в языке (логичность, ясность, сжатость, точность, нейтральная экспрессивность, объективность, официальность, стандартность) [Ежова 2011]. Однако в научно-популярном дискурсе целевым адресатом является неученый или неспециалист в данной области, чей когнитивный уровень в данной конкретной области ниже, чем у адресанта. Следовательно, популяризаторы науки берут на себя бремя перевести сложное научное знание в картину мира читателя, слушателя или зрителя. Для этого оно приобретает то выражение, ту форму, которая доступна популяризатору в зависимости от жанра дискурса и используемых в нем модальностей [Kress 2010].

Внутри самого дискурса понимание адресатом каждого высказывания связано с ассоциациями, которые он находит между данным

дискурсом и знанием о мире в целом. Новое знание должно найти своего рода подтверждение, санкцию на то, что оно допустимо, верно и имеет право на существование [Singer, Lea 2012]. Если говорить именно о научном дискурсе и научно-популярном дискурсе, то у читателя, слушателя или зрителя существует некоторое априорное доверие адресанту в силу веры в идеалы и нормы науки, что придает науке определенную власть (ср. с идеями М. Фуко, Р. Барта, Ж. Деррида и др.).

В силу характерных когнитивных и прагматических свойств научно-популярного дискурса возникает два разнонаправленных процесса. С одной стороны, знания о предмете науки приобретают упрощенный вид (даются краткие, неисчерпывающие определения терминов, представляется только несколько точек зрения на проблематику и т.п.); это упрощение обусловлено главной функцией научно-популярного дискурса – функцией информирования, с учетом когнитивных и прагматических характеристик адресата. С другой стороны, представления о фактах, явлениях усложняются субъективным компонентом, который выражается с помощью различных выразительных средств и стилистических приемов, формируется ценностный компонент представлений; эта тенденция отражает вторую важную функцию научно-популярного дискурса – функцию воздействия.

В научно-популярных фильмах популяризаторы науки имеют больше возможностей передать информацию и воздействовать на зрителя, чем в иных жанрах. Не только взятые в отдельности вербальный и невербальный коды помогают формировать знание, но и их взаимодействие.

Метафора в научно-популярных фильмах

В дискурсе научно-популярных фильмов по естественным наукам одним из самых часто используемых способов упрощения форм передачи научного знания и формирования субъективного, ценностного компонента является метафора, а конкретнее – построение аналогий между предметами окружающего мира и характеристиками человека, созданной им культуры и представлениями о мире.

Метафоры используются для того, чтобы «...мысленно разорвать жесткую связь конкретного свойства и конкретного объекта, считать данное свойство общим для разнотипных объектов, на этой основе

строить более широкие классы, объединять разнородные объекты в единую систему, отвлеченное свойство рассматривать в качестве заместителя самого реального объекта и т. п. Метафора используется и там, где описываются недоступные для непосредственного наблюдения объекты либо гипотетические объекты, не включенные в эмпирические исследования». Многие сходятся во мнении, что метафоры необходимы для получения нового знания и включения его в систему наших представлений [Микешина 2005].

В научно-популярных фильмах по естественным наукам объекты действительности могут быть названы героями мифологии (например, *monster, dwarf*) или иметь антропоморфные черты (переживать эмоции, выражать волю и т. д.) или черты, присущие биологической жизни в целом, когда речь идет о неодушевленных предметах (например, *the birth of the Universe*). Явления действительности могут также сравнивать и с продуктами культурной деятельности человека, напр. *Вселенная как компьютер, видеоигра*, или ментальными конструктами, например, *Вселенная как загадка, Вселенная как симуляция*.

Осмысление и представление объектов действительности с помощью аналогий выражается в нарушении сочетаемости лексической единицы (например, *subatomic particles can think*), а также в использовании лексем из разных семантических полей (например, физика и биология, тело живого организма и город). Аналогии служат основой для развернутой метафоры, которая распространяется не только на уровне лексем, но и на уровне отрывка текста или всего текста.

В научно-популярных фильмах в визуальном компоненте представление метафор находит еще один уровень. Когда речь идет о сугубо вербальном дискурсе, визуализация происходит только в голове коммуникантов, не находя эксплицитного выражения в объективной действительности. Однако в научно-популярных фильмах использование визуальных возможностей видеоформата, с одной стороны, вынужденно, с другой стороны – упрощает задачу сравнения когнитивных уровней, так как больше вероятность того, что итоговые представления зрителя будут теми же или намного более схожими с представлениями популяризаторов, нежели в случае с сугубо вербальным дискурсом.

Здесь мы можем наблюдать «буквализацию» метафоры, которая в результате обретает новую жизнь, «реанимируется». В научном

дискурсе метафоры перестают восприниматься таковыми, так как они служат не только и не столько для пополнения словаря терминов, сколько для заполнения лакуны, которая образовалась в ментальной модели той или иной научной дисциплины. В то же время в научно-популярном дискурсе метафора заново открывается (*opened up*) и потому воспринимается творчески. Здесь она призвана объяснять явления, а не помогать строить гипотезы и выдвигать новые теории, что характерно для научного дискурса. Отсюда и описательный характер метафоры в научно-популярном дискурсе в противовес ее оригинальности и аргументативности в научном дискурсе [Knudsen 2003].

Рассмотрим некоторые распространенные метафоры в дискурсе научно-популярных фильмов по естественно-научным дисциплинам.

1. Вселенная как механизм, компьютер

В метафоре «Вселенная как механизм, компьютер» сравнивается объект естественного мира и результат культурной деятельности человека (компьютер, часы и т. п.). На языковом уровне данная аналогия может выражаться и с помощью существительных, например:

1. Newton believed the Universe was like a giant *clock* set into motion by God [Does Time Really Exist? 2011].
2. Or the cosmos could be a giant *computation*, infected by a *computer virus* called biological life [Is the Universe Alive? 2012].
3. Leibniz, like several of his great contemporaries, was absolutely convinced that the world we see around us is a vast *machine* designed by a powerful and wise person [the Story of Energy 2012].

и с помощью глаголов и глагольных фраз, например:

1. During the second half of the 19th century, a small group of scientists began speculating that, at the smallest scales, the universe might *operate* very differently to our everyday experiences [the Story of Energy 2012].
2. In the same time, Seth believes the universe *performs* about 10 to the power of 106 *computations*, which makes the universe impossibly smarter than we can ever imagine [Is the Universe Alive? 2012].

В некоторых случаях данная метафора выражается не только вербально, но и в визуальном компоненте, например:

But Seth argues that his computer proves that subatomic particles can think, and that the universe, which is entirely built from such particles, must also be a *quantum computer* [Is the Universe Alive? 2012].

Данный отрывок сопровождается изображением планеты, которая «покрывается» десятичным кодом, что демонстрирует совмещение в визуальном плане двух областей, астрономии и информатики, и отражает основную мысль данного эпизода: Вселенная – это гигантский компьютер. Таким образом, метафора выходит за рамки языка и находит свое «буквальное» выражение в видео картинке.

Другой пример:

He believes that every single thing that has happened since the Big Bang is part of a colossal *computation that the Universe is still making* [Is the Universe Alive? 2012].

Здесь зритель будто бы наблюдает за Большим взрывом, на изображении которого появляется множество чисел, которые меняются, как при вычислении.

2. Вселенная как живой организм

Данная метафора может выражаться прямо, как в следующих случаях:

1. If the Universe is alive, Jurgen believes it also must be a *super-organism*, spread out across the countless light years of space like a cosmic colony of ants [Is the Universe Alive? 2012].
2. The universe could be the *ultimate intelligent organism* [Is the Universe Alive? 2012].

Но она также выражается и менее эксплицитно. Аналогии с живым существом можно подразделить на три разновидности:

– *аналогии с внутренним устройством организма живого существа:*

1. One physicist thinks it might, and he believes he has discovered the *heartbeat* of the cosmos [Is the Universe Alive? 2012].
2. If the Universe had a *heart*, pumping matter and energy into space, could we detect its *pulse*? [Is the Universe Alive? 2012].

3. In Stephon's theory, the expanding Universe is just one phase in a never-ending cycle of contraction and expansion, like a **beating heart**, or like the falling and rising of a bouncing handball [Is the Universe Alive? 2012].
4. This invisible sea of particles is the **lifeblood** of the Universe, the fluid that drives its **pulse** [Is the Universe Alive? 2012].
5. The cosmos could be driven by a **heartbeat** that pumps out clusters of galaxies once every trillion years [Is the Universe Alive? 2012].

Примечательно, что слова *pulse*, *heartbeat* сопровождаются изображением «пульсирующей», сжимающейся и разжимающейся точки или сферы.

– **аналогии с жизненным путем живого:**

1. This argument leads all the way back to the explosive **birth** of our Universe – the Big Bang [Does Time Really Exist? 2011].
2. Boltzmann's equation contains within it the **mortality** of everything from a china jug to a human life to the universe itself [the Story of Energy 2012].
3. The universe itself must one day **die** [the Story of Energy 2012].

В визуальном плане отрывок 1) иллюстрирует вспышка света на темном фоне, отрывок 2) – уравнение Больцмана¹, написанное на грязном стекле стекающей под действием гравитации краской, а 3) – затемнение изображения, погружение во мрак.

– **аналогии с семьей:** в данном случае Вселенная имеет свойства воспроизводиться, давать жизнь новым вселенным, она плодородна, и ее развитие идет по эволюционному пути с естественным отбором и наследственной изменчивостью:

1. He thinks our **Universe has given birth to a whole family of cosmic offspring** – universes that lay hidden behind the dark horizons of black holes [Is the Universe Alive? 2012].

¹Уравнение австрийского физика Людвиг Больцмана $S = k \ln W$, $k = R/N = 1,38 \cdot 10^{-23}$ Дж/Л дает статистическое обоснование второго начала термодинамики [Зубович 1989]. Второе начало термодинамики – это принцип, устанавливающий *необратимость* макроскопических процессов, протекающих с конечной скоростью (курсив авт. – Н. А.) [Большая советская энциклопедия URL].

2. You have a *population* of universes. They give rise to *progeny* through black holes, and if you ask what laws are most successful, those are the laws that lead to universes that have the most black holes. So, what you get, *generation by generation*, is selection for the tendency to make as many black holes as possible [Is the Universe Alive? 2012].
3. But this is not the most remarkable aspect of Lee's theory of *cosmological natural selection*. As he explored which laws of physics allow a *baby* universe to produce more *offspring*, he discovered an uncanny connection between the cosmic tree of life and our own biological one [Is the Universe Alive? 2012].
4. If Lee is correct, the laws of physics we know have been fine-tuned in order to keep the cosmos *fertile* for its own *reproduction* [Is the Universe Alive? 2012].

Аналогии «Вселенная как механизм» и «Вселенная как живой организм» могут совмещаться, как, например, в следующем предложении:

Leibniz argued that the world is a *living machine*, and that inside the machine, there is a quantity of living force put there by God at the Creation that will stay the same forever [the Story of Energy 2012].

3. Город как живой организм

В научно-популярных фильмах используются более конкретные аналогии, на более узком примере. Так, например, город сравнивается с живым организмом и приобретает его характерные свойства и устройство, что выражается в использовании лексических единиц семантических полей урбанистики и биологии:

1. In much the same way that an *organism* like the human body is made of *cells, bones, and blood vessels*, a super-organism like the city of Los Angeles is made of *people, highways, and power lines* [Is the Universe Alive? 2012].
2. And cities are so large that their *hearts pulse* only twice a day, with the ebb and flow of *commuters* [Is the Universe Alive? 2012].
3. We have this extraordinary *artery coming through the center* of Los Angeles, the *heart* of Los Angeles [Is the Universe Alive? 2012].

В данном эпизоде фильма аналогия между городом и живым организмом иллюстрирована буквально: мы видим, как во время часа пик

по одной из главных дорожных *артерий* идет поток *кровенных телец*, а также окрашиваются в красный крупные здания, что указывает на аналогию жизнедеятельности города и внутренних процессов в организме человека.

4. ДНК как код, язык

ДНК может рассматриваться с помощью аналогии с языком и присутствующими языку свойствами. Так, ДНК – это код, состоящий из четырехбуквенного алфавита, в этом коде могут возникнуть опечатки и т. д. И снова мы видим использование семантических полей двух наук – лингвистики и биологии (генетики), например:

If life has a sanctuary, it's here in the nucleus which contains our *DNA, the ancient scripture of our genetic code*. And it's written in a language that all life can read <...>. These are *the letters of the genetic alphabet*. Particular arrangements of those *letters spell out* the instructions for all living things, telling them how to *grow, move, digest, sense the environment, heal, reproduce*. <...> Inside the liquid of the nucleus, *the molecular letters of the genetic code* float freely. <...> A *specialized protein proofreads* to make sure that only the right *letters* are accepted so that the DNA is accurately *copied*. <...>. Occasionally, a *proofreading error* slips through, making a small, random change in the *genetic* instructions [Some of the Things That Molecules Do 2014].

5. Олицетворение

Различные реальные и гипотетически существующие объекты действительности могут приобретать антропоморфные черты, что выражается в приеме олицетворения. Так, они могут: 1) испытывать эмоции; 2) думать и говорить; 3) быть под влиянием судьбы и т. д.:

1. One of the strange properties of a *superfluid* is that, if you try to contain it, it will still flow out, out of the edges of the container. It *doesn't like* to be contained [Is the Universe Alive? 2012].
2. – It is based on the idea that *atoms and every subatomic particle can think*. [Is the Universe Alive? 2012].
– All this rack of expensive equipment here is designed to *talk* to the cubit by sending microwave signals to it, to *tickle it and massage* it [Is the Universe Alive? 2012].

- So, the molecule, as it *relaxes and sighs*, “*oh, that feels so good,*” *says*, “*oh, if you really want me to multiply 3 times 5, I’ll do it for you.*” [Is the Universe Alive? 2012].
 - To see how this affects computation, let’s suppose that *electron* over here *says*, “*Do this.*” [Is the Universe Alive? 2012].
 - If that is the case, is it possible to discover what it has already computed and see inside the *mind of the cosmos*? [Is the Universe Alive? 2012].
3. – It is the story of how we realized that all forms of energy *are destined* to degrade and fall apart [the Story of Energy 2012].
- Disorder is the *fate* of everything [the Story of Energy 2012].

В примерах 1 и 2 в визуальном плане используется мультипликация, где сверхтекучая жидкость, а также атом и субатомные частицы приобретают черты лица человека, испытывающего разные эмоции (ярость и удовольствие).

Разумеется, аналогий может быть множество, их число ограничено только воображением познающего субъекта, однако есть определенная тенденция в научно-популярных фильмах по естественным наукам использовать аналогии с непосредственным опытом человека, тем, что ему ближе в силу онтологических причин (например. понятия рождения, смерти, судьбы, воли и т. д.). На наш взгляд, это вызвано, во-первых, необходимостью по возможности упростить задачу получения и усвоения нового знания. Во-вторых, несмотря на то, что в естественных науках наблюдатель традиционно «...противостоит природе», в то время как в социально-гуманитарных дисциплинах «...человек как носитель сознания является неотъемлемой частью наблюдаемого объекта» [Петрунин 2019], современная наука стремится к гуманитаризации знаний, что нашло отражение, в частности, в понятии антропного принципа. Антропный принцип имеет несколько определений, однако в основе всех них лежит мысль о том, что «...Вселенная не существует без человека...» [Белоногов 2008].

Заключение

Исходя из анализа материала, можно сделать вывод о том, что в познавательной деятельности, представленной в научно-популярных фильмах, человек приписывает окружающей действительности характеристики, которые присущи ему самому. Также материал наглядно показывает две тенденции современной науки: гуманитаризация

научного знания, что находит выражение в олицетворении, аналогиях с человеком, его характерными свойствами, а также продуктами его творческой деятельности, и междисциплинарный характер исследований, интеграцию наук, отражающихся в использовании лексических средств разных семантических полей, в частности разных научных дисциплин. Особенностью научно-популярных фильмов является то, что взаимодействие вербального и невербального (визуального) кодов приводит к некоторой «буквализации» значения метафор, аналогий, которые таким образом обретают вторую «жизнь», «узнаются» снова, а также помогают в познании предмета исследования и ценностной интерпретации нового знания о нем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Белоногов Г. Е. Противоречивость антропного принципа как зеркало социальных противоречий в сфере современной науки // *Философия науки*. 2008. № 3 (38) С. 116–121. [Belonogov, G. E. (2008). Protivorechivost' antropnogo principa kak zerkalo social'nyh protivorechij v sfere sovremennoj nauki (Controversy of the Anthropic Principle as a Mirror of Social Contradictions in Contemporary Science). *Filosofija nauki*, 3(38), 116–121. (In Russ.)].
- Большая советская энциклопедия. Словари онлайн. URL: <https://rus-bse.slovaronline.com/> (дата обращения: 10.04.2020) [Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija (Unabridged Soviet Encyclopedia). Slovari onlajn. <https://rus-bse.slovaronline.com/> (data obrashhenija: 10.04.2020) (In Russ.)].
- Ежова Т. В. Лингвистические особенности научного дискурса // *Вестник ОГПУ*. 2011. № 2 (58) С. 86–90. [Ezhova, T. V. (2011). Lingvisticheskie osobennosti nauchnogo diskursa (Linguistic Specifics of Scientific Discourse). *Vestnik OGPU*, 2(58), 86–90. (In Russ.)].
- Зубович И. А. Неорганическая химия: учеб. для технол. спец. вузов. М.: Высшая школа, 1989. [Zubovich, I. A. (1989). *Neorganicheskaia himija. (Nonorganic Chemistry: a Textbook for Technological Departments of Universities)*. Moscow: Vysshaja shkola, 1989. (In Russ.)].
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. [Karasik, V. I. (2002). *Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. (The Scope of Language: Personality, Concepts, Discourse)*. Volgograd: Peremena. (In Russ.)].
- Кротков Е. А. Научный дискурс: философско-методологический анализ // *Credo New*. 2014. № 3 (79). URL: <http://credo-new.ru/?p=272> (дата обращения: 30.03.2016). [Krotkov, E. A. (2014). Nauchnyj diskurs: filosofsko-metodologicheskij analiz (Scientific Discourse: Philosophical

- and Methodological Analysis). *Credo New*, 3(79). URL: <http://credo-new.ru/?p=272> (дата обращения: 30.03.2016). (In Russ.).
- Микешина Л. А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. [Mikeshina, L. A. (2005). *Filosofija nauki: Sovremennaja jepistemologija. Nauchnoe znanie v dinamike kul'tury. Metodologija nauchnogo issledovanija. (The Philosophy of Science: Contemporary Epistemology. Scientific Knowledge in the Dynamics of Culture. Methodology of Scientific Research)*. Moscow: Progress-Tradicija: MPSI: Flinta. (In Russ.)].
- Петрунин Ю. Ю. Антропный принцип в науке о спорте // Вопросы философии. 2019. № 9. С. 130–140. [Petrunin, Ju. Ju. (2019). The Anthropic Principle in Science and Sports. *Voprosy filosofii*, 9, 130–140. (In Russ.)].
- Разинкина Н. М. Стилистика английской научной речи. Элементы эмоционально-субъективной оценки. М.: Наука, 1972. [Razinkina, N. M. (1972). *Stilistika anglijskoj nauchnoj rechi. Jelementy jemocional'no-subjektivnoj ocenki. (The Style of English Scientific Discourse)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Does Time Really Exist? Through the Wormhole: Kurt Sayenga, 2011. URL: <http://www.documentarymania.com/playerf.php?title=Does%20Time%20Really%20Exist> (дата обращения: 20.03.2020).
- Knudsen S. Scientific metaphors going public // *Journal of pragmatics*. 2003. T. 35. № 8. С. 1247–1263.
- Kress G. *Multimodality: a social semiotic approach to contemporary communication*. London: Routledge, 2010.
- Is the Universe Alive? Through the Wormhole: Laura Verklan, 2012. URL: <https://ok.ru/video/588171643403> (дата обращения: 20.03.2018).
- Singer M., Lea R. B. Inference and reasoning in discourse comprehension // *Cognitive pragmatics*. 2012. С. 85–119.
- Some of the Things That Molecules Do. *Cosmos: A Spacetime Odyssey*: Bill Pope, 2014. URL: www.documentarymania.com/player.php?title=Some%20of%20the%20Things%20That%20Molecules%20Do (дата обращения: 19.03.2020).
- The Story of Energy. Order and Disorder: Nic Stacey, 2012. URL: www.youtube.com/watch?v=9_zrKyLemfg&t=120s (дата обращения: 18.08.2018).

УДК 811.112.5

Л. П. Павлова

кандидат филологических наук, преподаватель Курсов иностранных языков при Профсоюзном комитете Дипломатической Академии МИД РФ;
e-mail: panasovna@gmail.com

ВЛИЯНИЕ АРТИКЛЯ НА ЗНАЧЕНИЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В НИДЕРЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается вопрос употребления артикля в нидерландском языке и характерные трудности в употреблении артикля носителями русского языка. Дается общая характеристика данного грамматического явления и основные правила употребления артикля. Особое внимание уделяется неопределённому артиклю с именами собственными и географическими названиями. Делается предположение, что частое ошибочное употребление определённого артикля связано с опорой на систему родного языка, в котором категория определённости / неопределённости отличается от нидерландской.

Ключевые слова: нидерландский язык; артикль; семантическая функция; передача информации; категория неопределённости.

L. P. Pavlova

PhD (Philology), teacher of the language course
at the Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs;
e-mail: panasovna@gmail.com

THE ARTICLE AND THE MEANING OF PROPER NOUNS IN DUTCH

The writer discusses the problem of the usage of the article by native speakers of Russian and its semantic function in the text. The research characterizes this grammatical phenomenon and the basic rules of using the article. The study of usage of the Dutch article shows that it demonstrates a certain vision of the world. Special attention is paid to the use of the indefinite article with proper names and geographic names. It is assumed that the frequent incorrect use of the definite article stems from reliance on the system of the native tongue, in which the category of definiteness / indefiniteness differs from the Dutch

Key words: Dutch; article; semantic function; information transfer; category of uncertainty.

Введение

Артикль и его употребление – одно из самых сложных грамматических явлений в иностранном языке для русскоязычных студентов, так как в их родном языке артикль как грамматическая категория не

представлен. Обучение правильному употреблению артикля в речи на иностранном языке – процесс длительный и, по мнению некоторых лингвистов, трудноосуществимый [Спиридонова 2011].

Объяснение употребления неопределенного или определенного артикля, которое часто можно встретить в учебниках иностранного языка и которое ограничивается положением «предмет называется в первый раз (следовательно, имеет неопределенный артикль) или уже известен (имеет определенный артикль)», мало помогает в процессе обучения и, кроме того, не всегда соответствует выбору артикля носителем языка.

Правильный выбор артикля вызывает у изучающих иностранный язык много вопросов и для значительного числа обучающихся очень долго остается непонятным. Традиционно при изучении иностранного языка, в котором присутствует рассматриваемое явление, русскоязычным студентам в первую очередь указывают на грамматическую функцию, выполняемую артиклем: обозначение числа, падежа и рода имени существительного, так как артикль является одним из «структурных признаков имени существительного» [Москальская 2011]. Несомненно, что артикль в нидерландском языке выполняет в тексте ту же самую грамматическую функцию, что и в других языках. Он указывает на род и число имени существительного, к которому относится.

Однако на артикль возложена не только грамматическая, но и важная семантическая функция. Он несет в себе определенный объём информации о называемом предмете или явлении. Говоря о значении артикля в языке, С. Г. Тер-Минасова делает вывод, что «категория артикля ... подчеркивает центральное место отдельной личности или предмета в культуре и идеологии Запада, сосредоточенных на интересе и уважении к индивидуальности» [Тер-Минасова 2008, с. 119].

Можно предложить оценивать роль артикля в речи, опираясь на теоретическое положение когнитивной лингвистики, высказанное В. З. Демьянковым и Е. С. Кубряковой, о том, что рассматривать язык можно как когнитивный инструмент, т. е. как «систему знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» [Кубрякова 1997, с. 53–55]. Использование в тексте определенного или неопределенного артикля перед именем существительным демонстрирует восприятие говорящим человеком

называемого предмета как идентифицированного или неидентифицированного.

Целью данной статьи является рассмотрение тех случаев употребления артиклей в нидерландских текстах, которые могут вызвать трудности употребления у русскоязычных студентов. В ходе исследования использовались художественные произведения нидерландских писателей и статьи из нидерландской прессы.

1. Артикль в нидерландском языке

Обычно количество артиклей в любом языке минимально. В нидерландском языке эту группу представляют три лексические единицы: *een* – неопределенный артикль, *de* – вариант определенного артикля, который употребляется с существительными общего рода в единственном числе, а также существительными, относящимися к обоим грамматическим родам, во множественном числе, и *het* – вариант определенного артикля, который употребляется с существительными среднего рода в единственном числе. Наличие двух разных вариантов определенного артикля объясняется тем, что нидерландский язык относится к языкам двухродовой системы [Историческая грамматика нидерландского языка 2000]. Кроме этих трех лексических единиц выделяют нулевой артикль, т. е. отсутствие артикля перед существительными при определенных условиях, и отрицательный *geen*.

Выбор одного из возможных вариантов строго регламентирован правилами. В качестве примера рассмотрим употребление артикля перед существительными, обозначающими название языка. По правилам с глаголами *spreken*, *studeren*, *lezen*, *verstaan*, *begrijpen* артикль не употребляется, т. е. в данном случае речь идет о нулевом артикле.

Ik spreek *Nederlands*. – «Я говорю по-нидерландски». (нулевой артикль)

Ik spreek *geen Nederlands*. – «Я не говорю по-нидерландски» (отрицательный артикль).

Определенный артикль (в данном случае это артикль *het*) следует употреблять в двух случаях:

- 1) если перед названием языка стоит предлог:

Ik vertaal uit *het Nederlands*. – «Я перевожу с нидерландского языка».

2) и если дается характеристика речи известного человека (например, писателя):

Ное klonk *het Nederlands van Multatuli?* – «Как звучал нидерландский язык (писателя) Мултатули?»

Но с данной группой существительных может употребляться и неопределенный артикль *een*, с помощью которого дают понять, что речь определенного человека не соответствует принятым нормам. Это может происходить даже с указанным выше глаголом *spreken* – «говорить».

Hij spreekt (!) een Duits dat niemand verstaat. – «Он говорит на таком немецком языке, который никто не понимает».

Не принимая во внимание значение семантической функции артикля, обучающиеся не всегда могут его правильно выбрать или даже опустить. Во многих случаях они опираются на правило, изученное еще в средней школе: предмет, называемый первый раз, употребляется с неопределенным артиклем, второй или третий раз – с определенным. Подобный подход к употреблению артикля можно считать лишь частично правильным. Существует большое количество случаев, когда данное правило не действует. Например, в самом начале рассказа или повести писателем может быть назван предмет с определенным артиклем:

Op de brug gaat alles in miljoenen. – «*На мосту* все считалось миллионами» (*Mak Geert. De brug. Amsterdam/Antwerpen, Uitgeverij Atlas, 2007. 91 p.*).

De buitendeur heeft hem van de lentevlagen afgesloten. – «Между ним и весенними флагами была *входная дверь*» (*Vestdijk Simon. Op afbetaling. Amsterdam, De Bezige Bij, 1963. 224 p.*).

Met de zwabber veegde m'n moeder een naaktboekje onder m'n bed vandaan. – «*Шваброй* моя мать достала книжку с откровенными картинками из-под моей кровати» (*Keulen Mensje van Tigertits Rosie. Amsterdam, Uitgeverij De Arbeiderspers, 1976. 12 p.*).

Или пример из рассказов детской писательницы Анни Смиidt, в котором имя существительное первый раз упоминается с определенным артиклем, а в следующем предложении с неопределенным:

Jip en Janneke lopen op hun tenen. Het kind ligt in de wieg. Een wieg met gordijntjes. – «Йип и Яннеке подошли на цыпочках. Ребенок лежал

в *люльке*. В *люльке* с занавесками» (*Schmidt Annie M. G. Jip en Janneke. Amsterdam – Antwerpen, Em. Querido's Uitgeverij B.V. 2000. 372 p.*).

В первом случае определенный артикль с существительным «люлька» является показателем того, что в комнате был лишь один такой предмет. Во втором предложении неопределенный артикль относит его к разряду подобных предметов.

Следовательно, правила употребления артикля нельзя ограничивать только фактом называния предмета впервые, в противоположность упоминанию чего-либо уже названного ранее и, как следствие, известного всем участникам коммуникации. Неверный выбор артикля может привести к неточному пониманию смысла сообщения и даже к сбою в межкультурной коммуникации.

Подробно правила употребления артикля в нидерландском языке описаны в нормативной грамматике [Algemene Nederlandse Spraakkunst 1984].

Например, в указанных ниже случаях употребляется определенный артикль *de / het*, в зависимости от рода существительного:

- 1) предмет идентифицирован;
- 2) есть противопоставление частного понятия общему;
- 3) с географическими названиями (морей, рек, гор, улиц, площадей и т. д.), а также с географическими названиями и именами собственными, если у них есть определения, выраженные прилагательным, причастием и т. д.;
- 5) с названиями единственных в своем роде (*de zon* «солнце») или общеизвестных предметов (*het Binnenhof* «здание, в котором заседает парламент»);
- 6) в случае, если существительное употребляется с прилагательными в превосходной степени или с порядковыми числительными;
- 7) названия газет.

Неопределенный артикль употребляется в следующих случаях:

- 1) обозначение предмета, неизвестного получателю сообщения,
- 2) отнесение предмета к определенному классу предметов,
- 3) в грамматических конструкциях: *het is een ...*, *(ik) heb een ...*, *er is een ...*, в восклицательном и сравнительном оборотах: *wat een ...!*, *iets doen als een ...*;
- 4) есть противопоставление общего понятия частному;
- 5) при перечислении предметов.

Нулевой артикль мы встречаем в следующих ситуациях:

- 1) неисчисляемые существительные (*televisiewerk geven* «дать работу на телевидении»);
- 2) вещественные существительные;
- 3) обозначение профессии человека;
- 4) имена собственные и многие географические названия;
- 5) заголовки статей;
- 6) конструкции с повторением одного и того же существительного (*jaar in jaar uit* «из года в год»).

Каждый из этих списков правил может быть продолжен, в них могут быть внесены уточнения по отдельным лексическим группам. Например, названия предметов одежды на человеке в нидерландском языке обычно употребляются с неопределенным артиклем, таким образом говорящий относит их к определенному разряду вещей. Использование определенного артикля с существительными указанной лексико-семантической группы, даже если предметы называются в первый раз, сигнализирует участникам коммуникации, что упомянутые предметы являются для них идентифицированными.

De hardloper droeg **een ruime, paars satijnen bloes, een kort, groen glanzend broekje**, witte gebreide sokken en witte schoenen. – «Бегущий человек был одет в широкую атласную **футболку** лилового цвета, короткие зеленые блестящие **трусы**, белые вязаные носки и белые кроссовки» (*Hermans Willem Frederik Ruisend gruis Amsterdam, De Bezige Bij, 1996. 109 p.*).

Claire was in onze slaapkamer, ze twijfelde nog tussen **de zwarte rok** met **de zwaarte laarzen** of **de zwaarte broek**. – «Клэр была в нашей спальне, она не знала, что ей надеть, и колебалась между **черной юбкой с черными сапогами** и **черными брюками**» (*Koch Herman Het diner. Amsterdam/Antwerpen, Uitgeverij Atlas, 2009. 300 p.*).

2. Употребление артиклей с географическими названиями и именами собственными

Семантическая функция артикля играет важную роль в точном понимании текста на нидерландском языке, в установлении и поддержании межкультурной коммуникации. Особенно интересно продемонстрировать названную функцию артикля в случаях его употребления с именами собственными. Например, имена людей,

определенные географические названия (названия стран, городов) чаще всего в нидерландском языке не имеют при себе артикля, но если имя собственное сопровождается определением, в этом случае оно будет употребляться с артиклем. Употребление артикля с существительными, относящимися к данной лексической группе, влияет на общий смысл высказывания. Чаще при употреблении с именами собственными определенный артикль конкретизирует значение существительного, подчеркивая определенный аспект его значения или присущее ему качество, например, *het Rusland van de 19 eeuw* «Россия 19 века». В современной нидерландскоязычной прессе можно встретить большое количество примеров употребления определенного артикля с именами людей и географическими названиями.

De verdachten komen niet alleen uit **het huidige Rusland**, maar ook uit Wit-Rusland en Oekraïne. – «Подозреваемые приезжают не только из современной России, но и из Белоруссии, и с Украины» (*NOS.nl*, 27-05-2019).

Adellijke privileges hoorden bij **het oude Europa**, dat de Pilgrim Fathers achter zich had gelaten. – «Привилегии для дворян были в прежней, **старой, Европе**, которая оставила после себя отцов-пилигримов» (*NRC Handelsblad* 27.06.2011).

Употребление неопределенного артикля с географическими названиями дает участникам коммуникации сигнал о том, что они могут трактовать данное словосочетание более широко. В нидерландской прессе можно встретить достаточно много подобных случаев употребления артикля.

Een krimpend Rusland vindt hij onbestaanbaar. – «Он считает, что **уменьшающаяся в размере Россия** не сможет существовать» (*NRC Handelsblad* 05.11.2015).

Als handelsnatie kunnen wij alleen floreren in **een stabiele en welwaren Europa**. – «Являясь торговой нацией, мы можем иметь высокие результаты только в **стабильной и процветающей Европе**» (*NRC Handelsblad* 12.09.2011).

We leven in **een Duits Europa**. – «Мы живем в Европе, главную роль в которой играет Германия (**букв. в немецкой Европе**)» (*NRC Handelsblad* 12.09.2011).

Можно предположить, что неопределенный артикль демонстрирует, что данные в примерах словосочетания еще не стали четко

определенными понятиями и несут на себе отпечаток личного представления человека о том или ином явлении.

Подобное происходит и с именами собственными. В случае употребления с именами людей определения по правилам используется определенный артикль. Например:

Mona Keijzer: *de Thatcher van het CDA*. – «Мона Кейзер – Тэтчер партии ХДП» (*Algemeen Dagblad* 12.05.2012).

Hoe is het mogelijk dat *de voor het brede publiek onbekende Keijzer* binnen een week met kop en schouders uitsteekt boven *de in huiskamer bekende Bleker en Spies*? – «Как это произошло, что *неизвестная широкой публике Кэйзер* в течение одной недели поднялась выше *Блекера и Списа, которых все так хорошо знают?*» (*De Telegraaf* 12.05.2012).

В первом примере имя Тэтчер является символом ряда качеств женщины-политика, что делает необходимым выбор определенного артикля.

Неопределенный артикль употребляется с именами собственными значительно реже. Однако для носителей языка подобное употребление несет в себе определенный смысл: состояние человека и его поведение отличается от привычного, оно неожиданно для окружающих и вызывает у них удивление.

Volgens *een continu mailende en sms'ende Rutte* kon dat helaas niet. – «По мнению *постоянно отправляющего мейлы и эсмэски Рютте* (премьер-министр Нидерландов), к сожалению, это невозможно» (*NRC Handelsblad* 24.10.2011).

В приведенном выше примере неопределенный артикль указывает на то, что Марк Рютте обычно не ведет себя подобным образом на пресс-конференциях. В аналогичных случаях неопределенный артикль характеризует неожиданность, случайность в поведении известного человека.

In het eerste deel van onze serie staat *een verliefde prinses Beatrix* centraal. – «Центральное место в первой части нашей серии (фотографий) занимает *влюбленная принцесса Беатрикс*» (*Blauwbloed.oe.nl*, 09.07.2019).

Бывают случаи, когда неопределенный артикль употребляется с именем собственным без определения. В качестве примера можно

привести следующее предложение, в котором имя бывшей королевы употребляется с неопределенным артиклем.

En ze viert op 31 januari haar tachtigste verjaardag, waardoor meerdere generaties niet beter weten dan dat er in Nederland altijd *een Beatrix* is geweest. Eerst een prinses, toen een koningin en nu weer een prinses. – «31 января она отмечает свое восьмидесятилетие. Еще больше людей разного возраста узнают, что в Нидерландах всегда была *Беатрикс*. Сначала принцесса, затем королева, а теперь опять принцесса» (*Vorsten*, 19.09.2017).

Приведенные выше примеры доказывают, что артикль содержит важную информацию, его выбор не может быть случайным.

3. Употребление неопределенного артикля (результаты тестирования)

Определенный артикль привлекает к себе больше внимания лингвистов-исследователей иностранных языков [Саакян, Ионина 1999]. Но опыт показывает, что при изучении нидерландского языка он представляет меньшую трудность для усвоения русскоязычными студентами. Больше ошибок допускается при употреблении неопределенного артикля. Ошибочное использование артикля русскоязычными студентами имеет место тогда, когда степень определенности (или неопределенности) существительного в тексте воспринимается в соответствии с логикой родного языка.

Именно использование неопределенного артикля указывает на значительные расхождения в категории «неопределенности, неидентифицированности» в двух сопоставляемых языках.

У студентов, изучающих нидерландский язык, гораздо больше вопросов вызывает правильное употребление неопределенного артикля, нежели определенного.

Это показало проведенное тестирование. Цель эксперимента – установить, как русскоязычные респонденты, которые не знают нидерландского языка или только начинают его учить, воспринимают степень определенности употребленных в тексте имен существительных. Им было предложено, на основании перевода газетного текста на русский язык, определить, какой артикль (определенный, неопределенный, нулевой) был употреблен в оригинале. Фактически они должны были ответить на вопрос, идентифицировано для них

понятие / предмет или нет. При выполнении задания можно было использовать свои знания по другим иностранным языкам. Результаты тестирования показали, что определяемый в тексте предмет или явление часто воспринимались респондентами как уже известные, идентифицированные. Во всех случаях, когда у имени существительного было определение, выраженное различными способами (прилагательными, придаточными определительными предложениями и т. д.), большинство участвующих в тестировании респондентов отмечало данное существительное как идентифицированное, хотя в нидерландском тексте был употреблен неопределенный артикль. В качестве примера можно привести предложение, в котором существительное имеет определение, выраженное придаточным определительным предложением.

De ministerraad is akkoord met *een wetsvoorstel* waarmee minister Plasterk van Binnenlandse Zaken het voor Nederlanders in het buitenland eenvoudiger wil maken om te gaan stemmen. – «Правительство согласно с *законопроектом*, с помощью которого министр Пластерк хочет упростить участие в выборах гражданам Нидерландов, находящимся за границей» (NRC.nl, 14.07.2015).

Результаты тестирования показали, что респонденты использовали определенный артикль чаще, чем это было в оригинальном нидерландском тексте. Для носителей нидерландского языка характерно употребление неопределенного артикля с существительным в следующих случаях:

- 1) когда предмет относится к разряду подобных;
- 2) когда нет однозначной трактовки значения и допускается возможность его различного понимания.

Русскоязычные студенты имеют тенденцию к тому, чтобы воспринимать имена существительные в приведенных ниже предложениях как идентифицированные, так как существительное имеет некое определение, выраженное прилагательным или причастием, придаточным предложением, инфинитивным оборотом, если указано время проведения мероприятия и т. д. В нидерландском языке в подобных случаях может употребляться неопределенный артикль, с помощью которого имя существительное относится к определенному классу предметов, явлений.

Bij *een brand in een nachtclub in Boekarest* kwamen 27 mensen om. – «**Во время пожара в ночном клубе Бухареста** погибло 27 человек» (*NOS.nl, 31.10.2015*).

België heeft 120 militairen gestationeerd in het noorden van Jordanië. Ze maken deel uit van *een internationale coalitie tegen IS*. – «Бельгия разместила 120 военнослужащих на севере Иордании. Они входят в *Международную коалицию против ИГИЛ*» (*dereactie.be, 13.11.2014*).

Op *een conferentie* in december haalde Tsjaplin zich de ergernis van vrouwenorganisaties op de hals, toen hij opmerkte dat een vrouw in minirok niet alleen een man van de Kaukasus (lees: een moslim) kan provoceren, maar ook een Rus. – «**На конференции** в декабре Чаплин вызвал гнев женских организаций, когда сказал, что женщина в мини-юбке может спровоцировать не только мужчину с Кавказа (читай: мусульманина), но даже и русского» (*NRC.nl, 20.01.2011*).

Подобные расхождения могут быть и при восприятии отдельных слов. Например, существительное *meerderheid* (большинство), идентифицированность которого по-разному трактуется носителями русского и нидерландского языков. Для русскоязычных студентов это существительное всегда содержит в себе сему определенности, поэтому они ставят перед ним определенный артикль. В нидерландских текстах в большинстве случаев употребляется неопределенный артикль, так как, видимо, количественный показатель этого большинства не идентифицирован.

Een meerderheid van de Tweede Kamer lijkt morgen in te stemmen met een initiatiefwet van CDA en GroenLinks. – «Видимо, **большинство** Второй палаты парламента завтра согласится с инициативой партий ХДП и Зеленые левые» (*NOS.nl, 15.03.2015*).

Заключение

Правильное использование обучающимися артикля в речи на нидерландском языке зависит от понимания семантической функции артикля, того значения, которое артикль имеет для передачи определенной информации.

Мнение об использовании неопределенного артикля при первом упоминании предмета или явления нельзя считать полностью корректным. Для правильного выбора артикля важнее понимание

обучающимся, идентифицирован называемый предмет для участников коммуникации или нет. Использование категории определенности / неопределенности (идентифицированности / неидентифицированности) в процессе обучения нидерландскому языку может помочь избежать ошибок в употреблении артикля, который можно считать маркером данной категории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Историческая грамматика нидерландского языка / Миронов С. А. [и др.]. Книга 1. М.: Едиториал УРСС, 2000. [Mironov, S. A. et al. (2000). *Istoricheskaia grammatika niderlandского jazyka (Historical Grammar of the Dutch language)*. Book 1. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)].
- Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С. [и др.]; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. [Kubryakova, E. S. et al. (1997). *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov (A concise dictionary of cognitive term)*. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)]
- Москальская О. И. Артикль в немецком языке // Иностранные языки в школе. 2011. № 4. С. 23–37. [Moskal'skaja, O. I. (2011). *Artikl' v nemeckom jazyke (Article in German)*. *Inostrannye jazyki v shkole*, 4, 23–37. (In Russ.)].
- Саакян А. С., Ионина А. А. Как же все-таки употреблять артикли? М.: Айрис-Пресс, 1999. [Saakjan, A. S., Ionina, A. A. (1999). *Kak zhe vse-taki upotrebljat' artikli? (How to Use the Article?)*. Moscow: Ajris-Press. (In Russ.)]
- Спиридонова О. В. Особенности употребления артикля во французском языке // Иностранные языки в школе. 2011. № 9. С. 82–88. [Spiridonova, O. V. (2011). *Osobennosti upotreblenija artiklja vo francuzskom jazyke (Features of the use of the article in French)*. *Inostrannye jazyki v shkole*, 9, 82–88. (In Russ.)].
- Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово, 2008. [Ter-Minasova, S. G. (2008). *Vojna i mir jazykov i kul'tur (War and Peace of Languages and Cultures)*. Moscow: Slovo. (In Russ.)]
- Algemene Nederlandse Spraakkunst / onder red. van G. Geerts [en andere]. Groningen: Wolters-Noordhoff; Leuven: Wolters, 1984. (In Dutch).
- Vestdijk S. Op afbeting. Amsterdam: De Bezige Bij, 1963.
- Keulen M. van. Tigertits Rosie. Amsterdam: Uitgeverij De Arbeiderspers, 1976.
- Hermans W. F. Ruisend gruis Amsterdam. De Bezige Bij, 1996.
- Schmidt Annie M. G. Jip en Janneke. Amsterdam / Antwerpen: Em. Querido's Uitgeverij B. V., 2000.
- Mak Geert. De brug. Amsterdam/Antwerpen, Uitgeverij Atlas, 2007.
- Koch H. Het diner. Amsterdam/Antwerpen, Uitgeverij Atlas, 2009. 300

УДК 81'255.2

А. И. Полищук

кандидат исторических наук, доцент кафедр восточных языков, переводческий факультет, Московский государственный лингвистический университет; e-mail: polyshuk20@mail.ru

**ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ «СОХАН» И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
ПРИ ОБУЧЕНИИ ПЕРСИДСКОМУ ЯЗЫКУ И ПЕРЕВОДУ**

Статья посвящена описанию Географического словаря на персидском языке иранского издательства «Сохан», выпущенного в 2012 г. в Тегеране, и его базовых словарных статей. В статье приводятся примеры и рекомендации по использованию текстов конкретных разделов Словаря при обучении переводу с персидского на русский язык, а также при обучении персидскому языку на всех этапах его изучения, как в языковых, так и в неязыковых вузах.

Ключевые слова: перевод; географические названия; транслитерация; персидский язык; обучение.

A. I. Polishchuk

PhD (History), assistant professor, oriental languages department, faculty of translation and interpreting, Moscow State Linguistic University; e-mail: polyshuk20@mail.ru

**THE SOKHAN GEOGRAPHICAL DICTIONARY AND ITS APPLICATION
FOR TRANSLATION AND TEACHING PERSIAN**

The article describes the Geographical Dictionary published in Persian in 2012 in Tehran by the Sokhan publishing house and contains description of the main entries, as well as some possible approaches to its application for translation into Russian and for teaching the Persian language to university students.

Key words: translation; geographical names, transliteration; Persian language; teaching.

Введение

При написании статьи мы ставили себе цель – познакомить читателей с недавно изданным в Иране Географическим словарем и отдельными его статьями как справочным материалом для переводчиков и преподавателей персидского языка и страноведения Ирана, и как возможным источником для разработки дополнительных учебных материалов или упражнений с целью повторения и закрепления лексики по практическому курсу изучения персидского языка и по выработке

навыков чтения и перевода тематических текстов по географии на персидском языке на различных этапах обучения.

В 2012 г. в Тегеране в издательстве «Сохан» вышел Географический словарь объёмом 1053 страницы, тиражом 1650 экземпляров под редакцией Хасана Анвари и его соавторов. В предисловии к словарю, написанному Хасаном Анвари, содержится перечисление авторов и работ, посвященных географии Ирана начиная с периода правления Сасанидов (224–651) и до момента публикации [Анварь 2012]. Словарь содержит статьи иранских и зарубежных географических названий на персидском языке с транскрипцией на латинице. В данном издании также помещены две цветные вкладки с картой административного деления Ирана и политической картой мира, обе размером 550 на 350 мм.

При написании словарных статей, посвященных географическим названиям Ирана, использовались лексикографические работы на персидском языке, а для статей, посвященных зарубежным географическим названиям, в основном привлекались ресурсы Интернета. Список источников литературы, использованной при составлении Словаря, весьма внушительный и включает 166 наименований.

Из зарубежных источников в Словаре указаны энциклопедия *Britanica*, *Merriam-Websters Geographical*, *Кембриджская* и *Американская энциклопедии*. Источники на русском языке отсутствуют, так же как и не упоминается в числе авторов, описывавших географию Ирана в Средние века, имя Афанасия Никитина, совершившего путешествие за три моря в Индию через Иран в 1468–1472 гг. Словарь содержит названия и описание отдельных стран, областей, больших городов, рек, морей, заливов, всемирно известных водопадов, а также сведения о численности населения провинций, областей, районов, городов, населенных пунктов Ирана и зарубежных стран. Численность населения Ирана указана в соответствии с результатами переписи 2007 г. При указании численности населения зарубежных городов использовались данные о численности за 2010 год или более ранние годы в зависимости от их доступности. В Словарь включены сведения об иранских городах с населением более 5 тыс. человек. В то же время отдельные населенные пункты с населением меньше 5 тыс. человек были включены в зависимости от их исторической и туристической ценности. Для переводчиков персидского языка особый интерес

представляют данные по географии Ирана. При переводе с персидского языка на русский часто возникают трудности при прочтении географических названий на фарси в связи с особенностями персидского алфавита, когда часть гласных (преимущественно кратких) на письме не отображается.

В Словаре, как было отмечено, наряду с названиями на персидском языке дается их транскрипция на латинице, что позволяет при переводе дать в транскрипции верный вариант названия на русском языке. При этом надо иметь в виду, что полученную транскрипцию (транслитерацию) необходимо сверять с написанием, приводимым на русских географических картах, в справочной и научной литературе, так как они не всегда совпадают с латинской транскрипцией, приведенной в Словаре. Не вдаваясь в подробности, можно отметить, что написание иранских географических названий на русском языке сформировалось исторически, хотя и не всегда соответствует иранской фонетической форме. Например, персидское «Рашт» по-русски пишется «Решт», персидское «Эсфахан» на русском языке пишется «Исфахан» или «Исфаган», персидское «Бушехр» по-русски – «Бушер», персидское «Машхад» по-русски пишется как «Мешхед», персидское «Хамедан» по-русски «Хамадан» и т. д. Мы привели лишь наиболее известные примеры, но указанных расхождений довольно много. При переводе с персидского языка сложность представляет перевод малознакомых и редко употребляемых географических названий, которые практически невозможно найти в текстах на русском языке. В этом случае можно порекомендовать исходить из латинской транскрипции, приведенной в Географическом словаре в связи с отсутствием доступных аналогов на русском языке.

Использование словаря в процессе обучения персидскому языку

От простого к сложному

Географический словарь очень полезен не только для перевода географических названий, он может с успехом использоваться при изучении географии Ирана, а также как страноведческий и учебный материал при изучении персидского языка даже на начальных семестрах обучения. В пользу этого говорит тот факт, что статьи сформулированы

достаточно просто, четко, доходчиво, имеют единую структуру и содержат базовую лексику, необходимую для описания географических реалий.

Начинать знакомство с городами и селами страны надо с самых простых описаний, приведенных в Словаре. Например:

(1) گلشهر، شهر (golšahr) - شهر کوچکی در شهرستان گلپایگان، در استان اصفهان.

جمعیت آن در سال 1385 ه. 9973 چ. [Анварі 2012, с. 810]

(2) فولادشهر، شهر (fulādšahr) شهری در شهرستان لنجان، در استان اصفهان، در 25

کیلومتری اصفهان واقع است. جمعیت آن در سال 1385 ه.ش. ، 664، 55 تن بوده است.

[Анварі 2012, с. 670]

В этих статьях мы видим глагол *находиться* واقع بودن в форме настоящего времени واقع است *находится*. Далее в статье следует название административной единицы – *город* شهر (šahr), *район* منطقه (mantaqe), *провинция* استان (ostān), слова: *население* جمعیت (jamiat), *год* سال (sāl) по иранскому солнечному календарю, а также аббревиатура с.х. ه.ش. (h.š.), что означает «по солнечной хиджре» – *по солнечному календарю* شمسی هجری (hejri šamsi).

Кроме того, в тексте статьи «Фулад, шахр» (пример 2) есть название района как административной единицы, а именно – «Ланджан» لنجان (lanjān), текст статьи, которую можно рекомендовать для самостоятельного изучения позже, когда будет накоплена лексика, описывающая схожие районы (шахрестаны). «Ланджан» – это единственное «лексическое» добавление к предыдущему тексту «Гольшахр» (см. пример 1).

Чтобы проиллюстрировать наш подход постепенного наращивания лексики на первых этапах изучения персидского языка уместно привести еще один пример:

(3) شهریار، شهر (šahrīyār) شهری در استان تهران، مرکز شهرستانی به همین نام، در

ارتفاع 1165 متری از سطح دریا، در 40 کیلومتری غرب جنوبی میدان آزادی ، و بر سر راه کرج

به رباط کریم واقع است. جمعیت آن در سال 1385 ه.ش. ، 4221، 189 تن بوده است. هوای آن

معتدل و خشک است

[Анварі 2012, с. 611].

В приведенной выше статье, по сравнению с примерами 1 и 2, добавляются новые слова, которые повторяются в других словарных статьях, предлагаемых для изучения, а именно: به همين نام (be hamin nām) *одноименный*, در ارتفاع ... متری از سطح دریا (dar ertefā ... metri az sathē dariā) *на высоте ... метров над уровнем моря*, جنوب غربی (junube-qarbi) *юго-западнее*, بر سر راه کرج به رباط کریم (bar sare rāhe karaj be robāt-karim) *на дороге из Кереджа в Рабат Карим*, هوا (havā) *климат* и определение к нему – خشک (xošk) *сухой* и معتدل (motadel) *умеренный*.

Мы намеренно выбрали три простейших примера статей, посвященных описанию города, с изучения которых можно начинать работу по обучению общей лексике буквально с первого семестра изучения персидского языка.

Материалы словарных статей для изучения лексики персидского языка с использованием Географического словаря следует вводить в учебный процесс, представляя тексты по принципу от простого к более сложному исходя из лексического наполнения текста. Следует начинать с постепенного приращения текстов небольших статей, посвященных городам и районам (шахрестанам), а затем переходить к описаниям провинций (шахрестанов).

Следует сказать, что в выборе текстов преподаватель совершенно свободен, и мы только пытаемся на небольших конкретных примерах показать наш подход, ни в коей мере не претендуя на истину в последней инстанции. Предлагаемый, на первый взгляд, простой метод предполагает большую работу преподавателя по отбору текстов и созданию своего формата изучения со студентами текстов Географического словаря. В качестве примера дополнительного текста, посвященного городам, приведем описание города Шахмирзад (пример 4):

- (4) شه‌میرزاد، شهر (šahmirzād) شهری در شهرستان مهدی‌شهر، در استان سمنان، در ارتفاع 1990 متری از سطح دریا، در 27 کیلومتری سمنان، و در دامنه‌ی جنوبی کوه شیخ‌رضا واقع است. جمعیت آن در سال 1385 ه.ش، 7382 تن بوده است. هوای آن معتدل مایل به سرد و نیمه-خشک است. محصول عمده‌ی این شهر سیب است. کوه نرروا در شمال این شهر واقع است. رودگل رودبار از ارتفاعات شه‌میرزاد سرچشمه می‌گیرد و زمین‌های وسیعی را آبیاری می‌کند.

[Анварі 2012, с. 611].

В тексте 4 мы находим небольшое лексическое приращение по сравнению с предыдущими словарными статьями: در دامنه کوه (dar dāmaneh-ie kuh) «в предгорье», هوای معتدل مایل به سرد (havā-ie motadel-e māiel be sard) «умеренный климат с тенденцией к холодному», ارتفاعات (mahsul-e omdeh) «основной продукт», ارتفاعات (ertefāāt) «высоты», سرچشمه گرفتن (sarčešmeh gereftan) «вытекать», زمینهای وسیع (zaminehā-ie vasi) «обширные земли», (abiāri kardan) «орошать», رود (rud) «река».

Большая часть словарных статей содержит данные об административной принадлежности населенных пунктов в той или иной административно-территориальной единице, о высоте над уровнем моря, удаленности от ближайшего города или от Тегерана (для больших городов), о климатических условиях, количестве населения, промышленности, сельскохозяйственной продукции, достопримечательностях. Например:

- (5) رباطکریم، شهر (robātkarim) شهری در استان تهران، مرکز شهرستانی به همین نام، در ارتفاع 1030 متری از سطح دریا، در 56 کیلومتری تهران، و بر سر راه تهران به ساوه واقع است. جمعیت آن در سال 1385 ه.ش، 069 ، 63 تن بوده است. هوای آن معتدل مایل به گرم و خشک و میزان بارندگی سالانه 200 میلی‌متر است

[Анвары 2012, с. 477].

Словарные статьи Географического словаря представляют большой интерес, как по своему содержанию, так и по представленной лексике и могут быть использованы в качестве типовых текстов при изучении географии страны, а также изучения и закрепления лексики персидского языка. С точки зрения содержания, особый интерес представляет, в частности, статья, посвященная собственно Ирану [Анвары 2012, с. 160–163], а также информация о провинциях и районах страны. Используемая при этом лексика будет различаться в зависимости от географического объекта и включать в себя лексику по экономике и истории.

Показательным, с точки зрения лексики, является также описание сравнительно небольших шахрестанов, таких как رامسر (rāmsar) Рамсар:

для дома, فلزات ذوب آهن و ذوب (zoube āhan va zoube felezāt) *сталеплавильное и металлургическое производство*, развито تولید مواد غذایی (tolid-e mavad-e qazai) *производство продуктов питания*.

Из достопримечательностей района Рамсар можно отметить *термальный источник Саадат Махале*, آب گرم سادات محله چشمه (češmeh-e ābe garm-e sādātmahaleh) *древнюю башию Мар Кух*, قلعه باستانی مارکوه (qaleh-e bāstāni-e mārkuh) *термальный источник Каталем*, آب گرم کتالم (ābe garm-e katalam) *старый отель «Рамсар»*, هتل قدیمی رامسر (hotel qadimi-e rāmsar) *музей Каспийского моря* или موزه خزر (muzeh-e hazar) *дворец Рамсар*, а также کاخ رامسر (kāx-e rāmsar) *могилу Пласида*. В заключении статьи отмечается, что منطقه (mantagheh) *район Рамсар был обжит* – ده قرن پیش (dah qarn piš) *10 столетий назад*.

Несомненно, содержание статей, посвященных шахрестанам, будет отличаться, но структура, так же как и базовая лексика, будут повторяться.

В связи с тем, что в Словаре помещены статьи о большом количестве шахрестанов, то материала для изучения, повторения и закрепления лексики в Словаре более чем достаточно. Надеемся, что преподаватели географии Ирана и персидского языка будут заинтересованы в разработке соответствующих учебных пособий с использованием материалов Географического словаря «Сохан».

Использование Словаря для обучения на старших семестрах

Представляется, что информация, содержащаяся в Словаре, может быть использована на занятиях по страноведению и по персидскому языку на различных семестрах обучения. На старших семестрах, по выбору преподавателя, могут быть предложены тексты для самостоятельной работы или же для работы в аудитории вместе с преподавателем. Материала в Словаре более чем достаточно, и преподаватель может собрать любой набор словарных статей для изучения как лексики, так и географии Ирана, в том числе экономической. С учетом наличия в Иране 31-го остана, которые различаются по размерам

и их значимости, желательнее изучать их всесторонне, идя от простых текстов к более сложным. На первых курсах можно ограничиться небольшими городами, а начать изучение на последующих курсах можно с небольших шахрестанов, например с шахрестана Голугах и далее перейти к более информационно и лексически насыщенному, например, к шахрестану Хой [Анварии 2012, с. 433].

На старших семестрах можно рекомендовать перейти от изучения статей о шахрестанах (районах) к изучению словарных статей, содержащих информацию о провинциях (останах). Как правило, эти статьи большие по объёму и содержат достаточный массив информации страноведческого характера, что делает их также незаменимым источником для изучения лексики по географической тематике. Статья, посвящённая провинции Хузистан, например, занимает более четырёх страниц [Анварии 2012, с. 429–432] и содержит базовую информацию и лексику о географическом положении, населении, административном делении, рельефе, водных ресурсах, климате, флоре и фауне, природных ископаемых, транспортной системе, промышленности, о сельском хозяйстве и истории остана. Провинция Хузистан является одной из ведущих в экономическом отношении в Иране по добыче нефти и газа и в нефтехимической отрасли. В то же время для изучения преподавателем может быть выбран любой другой остан или их комбинация с учётом большого количества материала и целей обучения.

Представляют интерес также сведения по истории отдельных провинций Ирана. Например, изучение текстов о трёх нынешних провинциях Ирана – Северном Хорасане, Хорасане Разави и Южном Хорасане, можно начинать со статьи, посвящённой территории, которая на протяжении ряда веков была известна как Хорасан. В качестве иллюстрации оправданности такого подхода для уяснения роли и важности этой территории для Ирана мы приводим вариант исторического экскурса о Хорасане на персидском языке из Словаря и в переводе на русский. Например:

(7) خراسان (xorāsān) این عنوان که به معنی حاستگاه و برآمدن خورشید است از زمان ساسانیان به بخشی از شرق ایران بزرگ اطلاق شده که عمدتاً شامل اغلبی از شهرها و ولایات غرب و ساحل چپ جیحون از حدود تخارستان و بلخ تا جنوب خوارزم تا شرق ولایات ساحلی دریای خزر (گرگان) و کویر مرکزی ایران تا شمال سیستان بوده است.

این سرزمین عموماً به چهار ربع یا ولایت تقسیم می‌شده که مراکز آنها بلخ و هرات و مرو و نیشابور بوده است. نیز باید افزود که در برهه کوتاهی از تاریخ یعنی زمان سامانیان مرکزیت بخارا شاهان سامانی را امیر خراسان خوانده‌اند از این رو در آن تاریخ ماوراء النهر را نیز جزء خراسان می‌دانسته‌اند.

در دوره اسلامی چهار شهر عمده داشته است: نیشابور، مرو، هرات و بلخ، که در زمان‌های مختلف جداگانه یا مشترکاً پایتخت بوده‌اند.

[Анвары 2012, с. 408].

Вариант перевода на русский язык приведен как пример возможного использования статей Словаря, в том числе для обучения переводу с персидского.

«Название “Хорасан” означает исходную точку и место восхода солнца. В период Сасанидов эта местность составляла восточную часть Большого Ирана и обычно включала в себя многие города западной провинции по левому берегу реки Джейхун [Аму-Дарья] от окрестных земель Тахарестана и Балха до южных районов Хорезма на востоке и до восточных районов побережья Каспийского моря (Горган) и Центральные пустыни Ирана до северных районов Белуджистана. Территория Хорасана обычно делилась на четыре части, или провинции, центрами которых были Балх, Герат, Мерв, Нишапур. Необходимо также отметить, что в течение короткого исторического периода во времена правления Саманидов в Бухаре они называли себя правителями Хорасана. Поэтому в ту историческую эпоху Мавернаахр считали частью Хорасана. В исламский период в Харасане было четыре главных города: Нишапур, Мерв, Герат и Балх, которые в разное время были в отдельности или одновременно столицами Хорасана [там же].

Приведенный выше вариант перевода дает возможность обсудить со студентами другие варианты перевода, расширить их знания о регионе и соседних территориях (Средняя Азия, Афганистан), а также совершить экскурс в историческое прошлое Хорасана.

Наличие в Словаре статей, посвященных всем провинциям Ирана, делает его незаменимым при изучении соответствующей лексики и фактической информации на персидском языке на средних и старших курсах, и открывает перед преподавателями географии, экономики, истории Ирана и персидского языка широкие возможности для

эксперимента в создании учебных материалов и пособий на базе Словаря, и для обеспечения процесса обучения студентов разных специальностей.

Заключение

«Географический словарь» издательства «Сохан» является надежным и полезным источником географической и лингвострановедческой информации об Исламской Республике Иран и сводом соответствующих оригинальных текстов и может быть хорошим подспорьем при переводе персидских текстов на русский язык, а также быть полезен для обучения персидскому языку на всех этапах его изучения, как в языковых, так и в неязыковых вузах. Имеющиеся в Словаре словарные статьи разного объёма и сложности позволяют использовать их в учебном процессе, начиная с первых семестров обучения и до завершающих, в зависимости от специализации обучающихся.

Предлагаемая в статье методика обучения лексике персидского языка по географии, в том числе экономической, на базе текстов Словаря, а также проведенные экспериментальные занятия по переводу объёмных словарных статей на старших курсах позволяют сделать вывод о правомерности использования описанных словарных материалов для усвоения и закрепления соответствующей лексики и знаний студентов о стране изучаемого языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Анвари Хасан.* Географический словарь Сохан. Тегеран: Сохан, 2012. [Anvary, Hasan. Geografichesky slovar Sokhan. (Sokhan Geographical Dictionary). Tehran: Sokhan. (In Persian)].
- Анвари Хасан.* Толковый словарь Сохан: в 2 т. Тегеран: Сохан, 2004. [Anvary, Hasan. Tolkovy slovar Sokhan: in 2 vols. (Persian-to-Persian Sokhan Dictionary). Tehran: Sokhan (In Persian)].
- Восканян Г. А.* Русско-персидский словарь / под ред. М. Шоджан. Тегеран: Фарханг-е Моассер, 2013. [Voskaniyan, G. A. Russko-persidsky slovar, ed. by M. Shojai. (Russian-Persian dictionary). Tehran: Farhang Moasser. (In Russ.)].
- Рубинчик Ю. А.* Персидско-русский словарь: в 2 т. 2-е изд. с прил. новых слов. М.: Русский язык, 1983. [Rubinchik, U. A. Persidsko-russky slovar. (Persian-Russian dictionary): in 2 vols. 2nd ed., comprising new words. Moscow: Russkiy Yazik. (In Russ.)].

Хитрик К. Н., Полищук А. И. Теория перевода. Персидский язык. Когнитивный аспект: учебник. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. [Khitrik, K. N., Polishchuk, A. I. (2009). Teoriya Perevoda. Persidskiy Yazyk. Kognitivnyy aspekt. (*The theory of translation. Persian language. The cognitive aspect*). Textbook. Moscow: MSLU “Rema” (In Russ.)].

واسکائیان. گ. آ. فرهنگ روسی به فارسی. ویراستار و دستیار: محسن شجاعی. تهران: فرهنگ معاصر. 1391.

روبینچیک یو. آ. فرهنگ لغت دو جلدی. چاپ دوم. مسکو: زبان روسی. 1983

انوری حسن. فرهنگ جغرافیایی سخن. به سرچرستی حسن انوری. - تهران: انتشارات سخن. 1391
انوری حسن. فرهنگ فشرده سخن. تهران: سخن، 1382-2 ج.

УДК 81'33

Д. Н. Серозеева

преподаватель кафедры английского языка,
переводческий факультет, Московский государственный
лингвистический университет; e-mail: avisliberan@gmail.com

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ПРИЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИСКРЕДИТАЦИИ

Данная статья представляет собой попытку анализа вербальных и невербальных стратегий убеждения, используемых в средствах массовой информации Великобритании и США с целью формирования устойчивого отрицательного образа в сознании мирового сообщества. В ходе исследования установлены наиболее распространенные прагмалингвистические стратегии, основанные на обращении к логике и эмоциям, а также проведен анализ экспрессивного потенциала визуального компонента и его связи с текстом. Исследование проводилось на материале газетных статей, радиопередач и документальных фильмов.

Ключевые слова: средства массовой информации; постправда; техники убеждения; персуазивный дискурс.

D. N. Serozeeva

Lecturer, Department of the English language,
Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University;
e-mail: avisliberan@gmail.com

VERBAL AND NONVERBAL METHODS OF POLITICAL DISCREDITATION

This article makes an attempt to analyze the verbal and non-verbal persuasive strategies used in the mass media of the UK and the U.S. in order to discredit a country and create its lasting negative image in the minds of the global community. We identify the most common pragmalinguistic strategies based on the appeal to logic and emotions and analyze the expressive potential of a visual component and its correlation with text. The research is based on newspaper articles, radio programmes and documentaries.

Key words: mass media; post-truth; persuasive techniques; persuasive discourse.

Введение

Мы живем в эпоху цифровых технологий, которые сформировали пространственно-информационный континуум и открыли доступ к беспрецедентно большому объёму информации. Рост объёмов

происходит на фоне ускорения общего темпа жизни, что усложняет поиск, обработку и критический анализ информации. В условиях ограниченного времени читатели часто выбирают доступный материал: статьи, размещенные на передовице газеты или на главной странице поисковика, статьи с броскими заголовками. Неосознанный выбор делает нас уязвимыми перед информационными манипуляциями, которые могут служить в угоду повестке дня и часто подготавливают почву для последующих политических шагов как внутри страны, так и за ее пределами.

В бесконечном потоке информации происходит девальвация объективного: по прошествии времени читатель забывает факты, но в его сознании остается образ, составленный на основе первичной эмоциональной реакции на прочитанное или услышанное. Ученые указывают на прямую связь политического дискурса (как части медийного) и эмотивной составляющей высказывания [The Power of Emotions ... 2020] и отмечают, что оценочность и идеологичность «являются едва ли ни главными его (политического дискурса) свойствами» [Берендеев 2017].

Не случайно в последнее время растет популярность термина «постправда». Согласно определению оксфордского словаря, постправда «описывает обстоятельства, в которых объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям»¹. В эпоху постправды СМИ часто становятся инструментом влияния на массовое сознание. В этой работе в качестве примера мы рассмотрим кейс медиадискурса о России в СМИ Великобритании и США.

Актуальность работы подкрепляется, с одной стороны, реалиями информационных процессов в мире, а именно – попытками подорвать авторитет России и преуменьшить роль страны в мировых исторических событиях, с другой – необходимостью выявить и категоризировать стратегии дискредитации. Несмотря на повышенный интерес к данному вопросу в научном сообществе, ученым еще предстоит разработать более систематический подход к анализу вербальных и невербальных средств передачи эмоции в медийном дискурсе [The Power of Emotions ... 2020].

¹ URL: <https://www.lexico.com/definition/post-truth>.

Цель данного исследования – собрать и проанализировать прагмалингвистические и аудиовизуальные стратегии дискредитации страны в сознании мирового сообщества. Для достижения цели использовались следующие методы исследования: стилистический анализ, анализ дискурса, прагмалингвистический анализ дискурсивного события [Стеблецова 2014].

Прагмалингвистические стратегии дискредитации

В данном разделе мы рассмотрим обращение к логике и эмоциям как основу прагмалингвистических стратегий убеждения.

Обращение к логике

Эта стратегия часто строится на логических уловках и использовании ложных аргументов. Создавая эффект объективности и достоверности данных, эти приемы могут становиться инструментами убеждения. В каждом случае может использоваться один прием или их комбинация.

- 1) ложная аргументация (или / или);
- 2) индуктивное обобщение;
- 3) аргументация *ad nauseam*;
- 4) аргументация к незнанию / невежеству;
- 5) предвосхищение основания;
- 6) аргументация к авторитету.

Ложная аргументация (или / или) строится на предложении выбора между двумя вариантами, истинность которых не подтверждена, и исключении других возможных сценариев развития событий.

Вспомним скандал, который развернулся вокруг предполагаемого отравления Скрипалей в Солсбери в 2018 г. Выступая перед Палатой Общин, Тереза Мей, занимавшая на тот момент пост премьер-министра Великобритании, сделала следующее заявление:

There are “***only two plausible explanations: either*** this was a direct act by the Russian state against our country ***or*** conceivably the Russian government could have lost control of a military-grade nerve agent and allowed it to get into the hands of others” [Historic Documents of 2018; 2019].

Логика ее высказывания строится на заведомо ошибочной аргументации, которая не допускает иных сценариев:

есть *только два правдоподобных объяснения*: или это прямой акт агрессии со стороны Российского государства против нашей страны, или <...> Российское правительство утратило контроль над боевым отравляющим веществом <...>.

Индуктивное обобщение строится на отсылках к похожим инцидентам. Автор высказывания практикует предвзятый подход к аргументации: он выбирает те случаи, которые подтверждают его точку зрения, при этом он «отсеивает» противоречащие ей события. Когда доказательства перечисляются одно за другим – и здесь наблюдается синтез техники индуктивного обобщения и *аргументации ad nauseam*, – у реципиента невольно возникает доверие к выводу автора. По словам Г. И. Рузавина, эти приемы характерны для устной реализации текста [Рузавин 1997].

Рассмотрим высказывание радиоведущего Тома Суорбрика, прозвучавшее в разговоре со слушателем в прямом эфире радио LBC 4 апреля 2018 г.:

...It's not just the fact that there's evidence and intelligence that the Russians are stockpiling this chemical, it's *previous history* of ... *assassinating former intelligence officers*, of having *history of using biological weapons* as a way of *assassinating* people... (LBC, 4 April 2018, 12.00–15.00 BST).

Ведущий ссылается на участие России как на установленный факт и утверждает, что помимо «сведений и разведанных о том, что русские имеют запасы этого вещества», на вовлеченность России указывает «история заказных убийств бывших офицеров разведки», а также «история использования биологического оружия» для этих целей.

Слушатель выражает несогласие, на что ведущий отвечает, используя *аргумент к незнанию*. Стратегия рассчитана на неосведомленность оппонента и предполагает, что отсутствие доказательств обратного является доказательством исходного утверждения:

Bring me your evidence, Scot, show me that they [Russians] have *acted entirely within the bounds of what's acceptable* for a nation state to do, *that they are not stockpiling* this Novichok agent... (LBC, 4 April 2018, 12.00–15.00 BST).

Далее используется стратегия *предвосхищения основания*: ведущий ссылается на неподтвержденные данные как доказательство верности своего утверждения:

...that they do not have ... a history of going after former intelligence officers even in this country, with *the Litvinenko killing* that *happened* in London several years ago. I mean *all* signs point that way, don't they?' (*LBC, 4 April 2018, 12.00–15.00 BST*).

Эффективность этого приема может заключаться в том, что его трудно опротестовать в том случае, если событие произошло давно, и оппонент не помнит или не знает подробностей. Отсылка к убийству Литвиненко звучит убедительно: слушатели помнят это имя и скандал вокруг него. Лексико-грамматическое значение глагола *happened* и обстоятельства места и времени *in London several years ago*, кажется, подтверждают упомянутый факт. Однако информация не совсем верна: причастность России до сих пор не доказана. В СМИ говорят о подозреваемых «the two suspects were still living their lives in Russia» (*The Guardian, Feb 24, 2020*), а британские политики отказываются давать ход делу:

Marina Litvinenko said the prime minister was in danger of making the same “mistake” as Theresa May, who as home secretary refused to hold a public inquiry into her husband’s murder in 2006 by polonium poisoning in central London (*The Guardian, Nov 5, 2019*).

Еще один удобный способ аргументации – это **аргументация к авторитету**. Цитируя политиков, журналисты не выражают собственное мнение, таким образом сохраняя непредвзятость текста, но в то же время они подводят читателя к определенным заключениям.

Структура статьи – сколько места отводится на ту или иную деталь происшествия, выбор цитат – всё это способно воздействовать на взгляды читателей. Особый интерес представляет **периодичность упоминания** в СМИ. Часто событие становится прецедентом, на который позже ссылаются как на истину. Подобную ситуацию наблюдаем и в случае с «отравлением» Скрипалей. После инцидента прошло несколько месяцев, споры утихли, а событие исчезло с первых страниц изданий. Однако уже в последних числах июня 2018 г. в прессе появились статьи об отравлении британской пары в Эймсбери, в связи с чем в СМИ снова появилась и фамилия Скрипалей.

Периодичность, с которой читателей возвращают к тому или иному событию, укрепляет в сознании общества определенный образ. Некоторые инциденты мифологизируются, т. е. возводятся в категорию мифа. Объясняя явление **мифологизации** как технологии пропаганды,

Д. Н. Павлов ссылается на архетипичность образов и свойственную мифу тенденцию разделять мир на две части: «Друг – враг, мы – они, свое – чужое, добро – зло, истинное – ложное» [Павлов 2015]. Он утверждает, что «современные мифы не имеют сакрального статуса. Однако они воспринимаются определенным сообществом как истина, обладают достаточным авторитетом, представляют собой модель реальности».

Так отравление Литвиненко постепенно возводится в категорию мифа: это событие уже легло в основу книги писателя Люка Хардинга *A Very Expensive Poison* и одноименной пьесы Люси Преббл. Позже пьесу поставили на сцене театра «Олд Вик» в Лондоне (*The Guardian Sep 6, 2019*). На июль 2020 г. запланирована премьера оперы *Death of a Dissident* на основе одноименной книги (*The Guardian Feb 24, 2020*). Дальнейшие ссылки в прессе на отравление Литвиненко будут восприниматься как внушающие доверие и будут для многих служить доказательной базой – ведь сюжет уже укоренился в сознании общества.

Обращение к эмоциям

Мы живем в эпоху постправды, где персуазивный дискурс опирается на эмоциональное воздействие. Обращение к чувствам, моральным убеждениям, а также предубеждениям человека, порой с большей эффективностью достигает поставленной цели, чем объективный, лишенный эмоций анализ. В основе стратегии лежит попытка вызвать у реципиента сильные эмоции, которые могут варьироваться от радости, надежды, сочувствия до зависти, возмущения, страха. Как отмечает Don Knepfel, обращение к эмоциям является неотъемлемой частью повседневного дискурса – как в общественной, так и в частной жизни, и побуждает нас действовать исходя из чувств [Don Knepfel 1991]. Именно этим обуславливается обращение медийного дискурса к привычным и понятным для широкой аудитории приемам.

В рамках персуазивной стратегии используются стилистические приемы и выразительные средства языка, экспрессивный потенциал слова или синтаксической конструкции.

В рамках одного дискурсивного события мы можем наблюдать:

- семантические повторы:

Russia hits back; Russia expels more diplomats, orders the expulsion
(*CNN Mar 29, 2018*);

closes the US consulate (*CNN April 2, 2018*);
Russia is a bigger threat to our security <...> (*The Times February 22, 2018*);
Russian menace (*The Washington Times Jun 14, 2018*);
a 'more aggressive' Russia (*Reuters 18 Mar 2018*).

– аллюзии:

While there is no expectation of a «Red Dawn»-style Russian invasion of the United States (Politico Jun 12, 2017) – отсылка к американскому художественному фильму 1984 г. о Третьей мировой войне и вторжении советских войск на территорию США.

– слова с высоким экспрессивным потенциалом: *hostile, adversarial, brazen*.

– лексические единицы из семантических полей «агрессия», «нападение», «захват» – *Russian invasion, military aggression, hostile acts, interference, quest for world domination* – способствуют формированию в сознании читателя образа России как враждебной державы, агрессора.

1. ...the Kremlin's active measures campaign has the potential to blunt the military's ability and weaken its resolve (of the US) to counter **future Russian military aggression elsewhere** (*Politico Jun 12, 2017*).
2. The universal outcry against Russia serves as confirmation that Putin has definitively recouped Russia's position as the **adversarial** Great Power (*The Washington Post Apr 2, 2018*).
3. Russia is becoming increasingly brazen in its hostile acts on foreign governments, including its interference in the 2016 US presidential election (*CNN Apr 2, 2018*).

Обращаясь к архетипическому делению реалий на свой – чужой, хороший – плохой, авторы противопоставляют Россию, как «враждебную державу» и «угрозу стабильности», западным странам, которые представлены через семантические поля «единство», «союзничество», «поддержка»:

1. May is right: Russia is testing whether the **west's ties still bind** (*The Guardian Mar 13, 2018*).
2. We are always **ready to respond** when **an ally is attacked militarily** (*Reuters 18 Mar 2018*).

3. The United States has *joined* its *European allies* in punishing Russia for the attack (*The Washington Post* 2018/04/02).

Читателю представляют гневную реакцию мирового сообщества на действия России, выраженную через лексические единицы с высоким экспрессивным потенциалом:

The *universal outcry* against Russia; Russia is becoming increasingly *brazen*; Russia is in *flagrant* breach of international law.

Аудиовизуальные стратегии дискредитации

С развитием таких средств массовой информации, как телевидение и Интернет, аудиовизуальный формат передачи и получения информации становится одним из основных. Согласно утверждению М. Б. Ворошиловой, «информация, содержащаяся непосредственно в текстовом сообщении, усваивается лишь на 7%, голосовые характеристики способствуют усвоению 38% информации, тогда как наличие визуального образа заметно повышает восприятие – до 55%» [Ворошилова 2007]. Это объясняет ту важную роль, которую играет аудиовизуальный компонент для персуазивного дискурса.

Визуальный компонент как контекст

Визуальный компонент может актуализировать эмотивный потенциал слова. Рассмотрим некоторые примеры.

В газете *The Times* появляется новость под заголовком «Fear returns to Bosnia as Putin stirs ethnic tension» (*The Times* April 1, 2018) и сопровождается фотографией плачущих женщин. Заголовок, кажется, объясняет причину их горя – «fear returns to Bosnia», а также указывает на того, кто за этим стоит – «Putin stirs ethnic tension». Подтекст, который данная интеграция заголовка и изображения несет, наводит на мысль о наличии причинно-следственной связи между действиями Президента РФ и горем женщин. Однако, если прочитать статью и несколько других источников, станет понятно, что прямой причинно-следственной связи нет. Подобную реакцию в СМИ вызвало то, что Россия отклонила Резолюцию Совбеза ООН о геноциде 1995 г. в Сребренице. Однако этот шаг объясняется лишь несогласием России с некоторыми спорными формулировками и не является отрицанием этого события как трагического для истории страны. Однако немногие

читатели захотят разобраться в сложных национальных и политических процессах и предпочтут принять на веру те заключения, которые им предлагает изображение, заголовок и подзаголовок.

Еще один заголовок гласит: «Leaked emails expose Russian dirty tricks» (*The Times April 2, 2018*). На фото изображены президент и его помощник В. Ю. Сурков. Они сидят, склонившись друг другу так, как будто президент сообщает своему собеседнику нечто конфиденциальное. Данное изображение поддерживает и актуализирует лексические единицы *leaked, expose, tricks* в заголовке и *fuel dissent, spread disinformation* в подзаголовке.

Однако изображение или видеоряд могут использоваться не только в сочетании с текстовым сообщением, но и независимо. При этом в обоих случаях визуальный компонент будет помещен в легко узнаваемый социополитический контекст. В качестве примера рассмотрим политическую карикатуру Стива Белла, которая появилась в газете *The Guardian* в связи с предполагаемым отравлением Скрипалей.

Используя такие стилистические приемы, как метафора и гипербола, Стив Белл изображает Президента РФ в виде кровожадного паука, который контролирует половину мира. На лбу изображена красная звезда как символ авторитарного режима. Тереза Мэй в костюме арлекина появляется верхом на пылесосе, раскрашенном в цвета флага Великобритании, на боку надпись 'UK Money Cleaner Inc'. По сравнению с огромным пауком фигура премьер-министра выглядит жалко: она не способна освободить мир от «тирана» и «отчистить» британский истеблишмент от «грязных денег российских олигархов».

Стив Белл применяет и прием двойной актуализации. В названии карикатуры используется выражение *over the top*, фразеологическое значение которого – *excessive or exaggerated* – *чрезмерный, преувеличенный*. Благодаря визуальному компоненту выражение воспринимается буквально. Игра слов создает юмористический эффект, однако атмосфера сцены проникнута ощущением растущей угрозы и может создавать чувство тревоги.

М. В. Берендеев, ссылаясь на С. Холла, отмечает, что «не всегда одна и та же совокупность фактов по одному событию ведет нас к одинаковым выводам» [цит. по: Берендеев 2017, с. 25]. Это очень важное замечание поднимает вопрос о том, какие факторы могут влиять на процесс и результат декодирования информации реципиентом.

Рассмотрим следующий пример. Роль Советского Союза в победе над фашизмом бесспорна, несмотря на несостоятельные выпады в сторону СССР и обвинения в развязывании Второй мировой войны. Теперь обратимся к документальному фильму ВВС из серии Суперсооружения Третьего рейха (5 сезон 3 эпизод)¹, который вышел на канале National Geographic, Россия. Фильм рассказывает о фортификационных постройках на восточном фронте, отступлении немецких войск и наступлении советских на Берлин. Фильм вызывает смешанные чувства. С одной стороны, реципиент декодирует информацию, опираясь на коды, усвоенные ранее: в понимании российского зрителя, воспитанного в духе патриотизма, СССР – освободитель, а фашистская Германия выступает в роли агрессора. С другой стороны, в фильме заложен иной код, который предлагает альтернативное прочтение: возникает ощущение, что именно советские войска несут ответственность за смерть людей и разрушения, а фашистская Германия предстает перед нами в образе жертвы.

Как происходит это искажение? В первую очередь следует подчеркнуть, что стратегии персуазивного дискурса редко полагаются исключительно на визуальный компонент, а значит, его нужно рассматривать в связи с текстом. Проанализируем некоторые приемы на основе фрагментов фильма.

Одним из ключевых приемов является *экспрессивность*, которая реализуется через лексические средства: *неумолимый, жестокий, отчаянный, обрушились, колоссальная, шквальный, сходили с ума*; и синтаксические средства: вопрос, обращенный к зрителю (*Где их взять?*), обращение, выраженное через глагол в повелительном наклонении (*Представьте, ...*); восклицательное предложение (*Какие силы ... !*).

- 17:29–18:00** В начале 1945-го года немецкая армия пыталась противостоять *неумолимому* наступлению советских войск. В *жестоких* боях в Латвии, Литве и Польше нацисты потеряли десятки тысяч хорошо подготовленных бойцов.
- 20:37–20:42** К началу 1945-го года ситуация была *отчаянной*. Германии требовались пехотинцы, но где их взять?

¹ Суперсооружения Третьего рейха. 5-й сезон 3-й эпизод. Кровавое отступление Гитлера. National Geographic.

- 26:55–27:10** ...вдалеке находится маршал Жуков <...>. Какие силы он собрал здесь! И они *обрушились* на *немногочисленные* немецкие войска.
- 29:20–30:02** Около 40 тысяч зенитных, минометных и ракетных орудий вели обстрел немецких позиций. *Колоссальная* бомбардировка продолжалась без остановки в течение получаса. Когда был открыт *шквальный* огонь, *задрожала земля*. Солдаты буквально *сходили с ума* из-за сильных ударных волн <...>. Представьте, каково было юношам младше 20, которые только что оказались на фронте и шли в первый бой!

Известно, что человек вызывает особое сочувствие, если он выделен из группы и предстает перед нами со своими личными переживаниями и эмоциями. В кадре появляется молодой солдат – Вилли Венгер, он выглядит испуганным и потерянным. Закадровый голос объясняет:

Вилли Венгер находился в одном из фронтовых подразделений, *захваченных врасплох* вступительным залпом. <...> В суматохе Венгер *отстал* от своего отряда. Зенитные прожекторы подсвечивали поле боя. Густой туман добавил путаницы.

Кульминацией этого эпизода становится прямая речь солдата. Вопрос звучит как призыв о помощи: «Товарищи, где вы?»

Хитрость этого приема заключается в том, что по принципу метонимии мы можем ассоциировать часть с целым, т. е. эмоции, испытываемые к одному представителю группы, могут переноситься на группу в целом – особенно в том случае, если, как это происходит в данном фильме, группу описывают как состоящую из *стариков и мальчишек, вымотанных бойцов, неподготовленных подростков* и противопоставляют ей сильного врага – *миллионную красную армию, жаждущую мести*. Таким образом, *метонимический перенос* приводит к искажению ментальных пространств «жертва – агрессор», при этом результатом становится подмена понятий.

Важную роль в подкреплении этих образов играет *оценочность*. Лексемы, описывающие работу немецких инженеров и генералов, имеют положительную коннотацию: *инженерной гениальности (восточной стены), колоссальное бомбоубежище, уважаемый генерал*

Гельмут Вейдлинг. В одном из эпизодов Вейдлинг изображен как нравственный человек, который не согласен жертвовать жизнями молодых людей:

Неужели мир сошел с ума? Нельзя приносить детей в жертву проигранному бою, *я не намерен* их терять и *требую*, чтобы приказ об их отправке на поле боя отменили. *Ради всего святого!*

Риторический вопрос: *Неужели мир сошел с ума?*, модальность (*нельзя, не намерен, требую*), экспрессивное междометие *Ради всего святого!* поддерживают этот образ.

Аудиовизуальный компонент играет важную роль в создании атмосферы: грохот орудий, свист пуль и напряженная музыка вызывают у зрителя ощущение тревоги. Видеоряд поддерживает образы, создаваемые языковыми средствами: демонстрируются кадры горящих зданий (*разрушено 95 % зданий*), артиллерийских залпов (*около 40 тысяч зенитных, минометных и ракетных орудий вели обстрел немецких позиций*), перемещающихся войск (*десять тысяч вымотанных бойцов, подкрепленных отрядами Фольксштурма и передислоцированными солдатами...*). Особенно примечателен прием, который использует режиссер: в одном и том же фрагменте (29:08–31:02) перемежаются документальные кадры артиллерийского удара, с которого началось наступление советских войск на Зееловских высотах, и постановочные кадры, изображающие историю Вилли Венгера. Такая комбинация кадров и текста порождает смысловой континуум, в котором совмещается объективное (исторические факты) и субъективное (постановочные воспоминания Венгера), что создает ощущение правдоподобия и «оправдывает» наличие экспрессивного компонента дискурса.

Заключение

В заключение снова подчеркнем, что работа по системному выявлению и анализу стратегий дискредитации чрезвычайно актуальна в свете последних мировых событий. Особую важность эта задача приобретает ввиду того, что информационные манипуляции способствуют формированию отрицательного образа страны не только в сознании мирового сообщества, но и граждан этой страны.

В результате проведенного анализа мы можем сделать вывод, что:

- 1) в рамках одного дискурсивного события могут одновременно применяться несколько прагмалингвистических стратегий (аргументация к незнанию и индуктивное обобщение, предвосхищение основания и обращение к эмоциям);
- 2) аудиовизуальный компонент всегда помещен в социополитический и культурный контекст и, как правило, используется в сочетании с текстом.

Мы также пришли к выводу, что каждый рассмотренный элемент представляет интерес для дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Берендеев М. В.* Инверсия образа страны и политика постправды в медийном дискурсе // Политика постправды в современном мире: сборник материалов по итогам Всероссийской научной конференции с международным участием. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 24–27. [Berendeev, M. V. (2017). *Inversiya obraza strany i politika postpravdy v mediynom diskurse* (Inversion of a Country's Image and the Policy of Post-Truth in Media Discourse) (pp. 24–27). *Politika postpravdy v sovremennom mire. Sbornik materialov po itogam Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem* (In Russ.)].
- Ворошилова М. Б.* Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 73–78. [Voroshilova, M. B. (2007). *Kreolizovannyj tekst v politicheskom diskurse* (Creolized Text in Political Discourse). *Politicheskaya lingvistika*, 3(23), 73–78 (In Russ.)]
- Павлов Д. Н.* Мифологизация как инструмент политической пропаганды // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2015. № 1. С. 106–117. [Pavlov, D. N. (2015). *Mythologization as a Tool of Political Propaganda*. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, 1, 106–117. (In Russ.)]
- Рузавин Г. И.* Логика и аргументация: учеб. пособие для вузов. М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. [Ruzavin, G. I. (1997). *Logika i argumentatsiya*. (Logic and Argumentation). Textbook for Universities. Moscow: Kul'tura i sport, YuNITI (In Russ.)]
- Стеблецова А. О.* Прагмалингвистический подход к описанию дискурса: модель дескриптивного анализа и практика применения // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 1. С. 90–93. [Stebletsova, A. O. (2014). *A multilevel approach to business discourse analysis: research instruments and results*. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 1, 90–93. (In Russ.)]

Don Knepfel. Aims of the essay: a reader and guide. Allyn and Bacon, 1991.
Historic Documents of 2018 / ed. by H. Kerrigan. CQ Press. Jun 6, 2019.
The Power of Emotions in World Politics / ed. by S. Koschut. Routledge, 2020.

УДК 81-26

Е. В. Терешко

преподаватель кафедры германской и кельтской филологии,
филологический факультет, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова; e-mail: katja.tereshko@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ЗООНИМАМИ В НИДЕРЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются ФЕ нидерландского языка, в состав которых входят зоонимы. Анализ этой группы ФЕ позволяет выявить специфические черты нидерландской фразеологии. Подробно рассматриваются ФЕ с названиями морских животных, в также в ходе их анализа приводятся случаи синонимии ФЕ с «морским» и «неморским» зоонимом. Еще одной особенностью нидерландской фразеологии представляется наличие ФЕ с ложными зоонимами, примеры которых также приводятся в статье.

Ключевые слова: нидерландский язык; фразеология; зооним; фразеологические синонимы; ложные зоонимы.

E. V. Tereshko

Lecturer on the Department of German and Celtic philology,
the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: katja.tereshko@yandex.ru

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ZOONYMS IN DUTCH: SPECIFIC FEATURES

The article is dedicated to the phraseological units (PU) containing zoonyms. Analysis of these units allows to identify peculiarity of Dutch phraseological worldview. In this article, PU with the names of marine animals are examined in detail. At the same time, there are also cases of synonymy of PU with the “marine” and “non-marine” zoonyms. The other feature of Dutch phraseology is the presence of PU with false zoonyms, examples of which are also given in the text.

Key words: Dutch language; phraseology; zoonym; phraseological synonyms; false zoonym.

Введение

В нидерландском языке существует множество фразеологических единиц (далее – ФЕ), включающих в себя названия животных. В словарях зафиксировано более 600 ФЕ с зоонимами, но сложно себе представить, сколько таких выражений еще не вошло в словарные статьи

в силу недостаточной закрепленности в языке или их диалектного характера.

Обращает на себя внимание и тот факт, что сами нидерландцы гордятся фразеологическим богатством их языка и отдельно выделяют группу ФЕ, содержащую названия животных. Однако сложно точно установить, как часто их используют в повседневном общении. Известный нидерландский лингвист Йооп ван дер Хорст [Horst 2005] в статье «Хроники языкознания 2003/2004» отмечает тенденцию не использовать ФЕ в полной форме, но отсылать к ним в речи как чему-то, что всем известно. Для такой отсылки, отмечает исследователь, чаще всего используют слово *spreekwoordelijk* букв. ‘пословичный’. Примечательно, что для иллюстрации этого тезиса Ван дер Хорст выбирает именно ФЕ с зоонимом. Так, вместо ФЕ *een ezel stoot zich in 't gemeen geen tweemaal aan dezelfde steen* ‘осёл обычно не спотыкается дважды об один и тот же камень’, по наблюдениям исследователя, говорят *je bent nog erger dan de spreekwoordelijke ezel* – ‘ты еще хуже, чем тот осёл из поговорки’ [Horst 2005, с. 73–74]. Тем не менее, сама возможность такой отсылки подразумевает, что ФЕ должна быть знакома как говорящему, так и слушающему.

Другим примером того, что нидерландцы знают и используют ФЕ с зоонимами, является акция Партии защиты животных в Нидерландах. В 2017–2018 гг. члены партии выдвинули в Парламенте новый законопроект, касающийся употребления ФЕ с зоонимами: в связи с тем, что в подобных выражениях часто отражаются ситуации, в которых животные страдают или над ними совершается насилие (ср. *stegать дохлую лошадь*), то их нужно заменить. Был выдвинут и целый ряд предложений по заменам. Например, *je moet de huid niet verkopen voor de beer geschoten is* – ‘не продавай шкуру убитого медведя’ должно стать – *je moet de huid niet verkopen voor de beer bevrijd is uit het circus en een fijne plek gevonden heeft* ‘не продавай шкуру, пока медведя не отпустят из цирка и он не найдет себе хорошее место’ – а *de koe bij de horens pakken* ‘взять быка за рога’ превратится в *de roos bij de doorns pakken* ‘взять розу за шипы’.

Отсылки к общеизвестным фразеологизмам с зоонимами и акция Партии защиты животных, направленная на запрет использования названий животных в ФЕ, пословицах и поговорках, позволяет сделать вывод, что ФЕ с зоонимами представляют собой яркую составляющую

лексического фонда нидерландского языка и интересны для лингвистических исследований.

ФЕ с зоонимом

В данной статье освещаются некоторые особенности ФЕ с зоонимами в нидерландском языке. Под зоонимом здесь понимаются нарицательные существительные, использующиеся для называния животных, например, лошадь, корова, обезьяна, о чем говорится в работах Е. А. Гутмана, М. И. Черемисиной, С.-Г. И. Росинене, О. А. Рыжкиной, в отличие от альтернативного понимания этого термина как собственно наименования животных, например, Мурка, Зорька, Шарик, что отмечают в своих работах В. М. Мокиенко, А. В. Суперанской.

В понятие фразеологической единицы в данном обзоре включены идиомы, поговорки и поговорки, вслед за И. И. Чернышевой, включающей их в категорию «собственно фразеологизмов» [Чернышева 1970, с. 29]. В классификации исследователя данные классы ФЕ имеют следующие названия и структуру: фразеологические единства (идиомы по А. Н. Баранову и Д. О. Добровольскому), фразеологические выражения, которые по своей структуре являются предикативными сочетаниями слов и предложениями (поговорки и поговорки) и фразеологические сочетания, возникающие в результате единичного «сцепления» одного семантически преобразованного компонента (т. е. фразеологические сочетания не допускают серийности, например, *одержать победу*). В отличие от фразеологизмов, характеризующихся степенью «спаенности» компонентов, в классификации В. В. Виноградова, понимание фразеологизмов по классификации И. И. Чернышевой позволяет рассмотреть не только словосочетания, но также ФЕ, имеющие структуру предложения. При этом ФЕ, в понимании И. И. Чернышевой, обладают схожими характеристиками, которые приписываются и другими исследователями, а именно – (относительной) устойчивостью компонентного состава, целостностью значения, не выводимой из суммы значений составляющих ФЕ слов, раздельно оформленностью, а также метафоричностью, образностью, экспрессивно-эмоциональной окраской, как отмечают А. В. Кунин, А. А. Зализняк, А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский.

ФЕ, включающие в себя зоонимы, представляются специфичными для той или иной культуры. Несмотря на то, что на зоонимы достаточно долгое время не обращали должного внимания, считая, что восприятие животных во всех странах и во всех культурах схоже, если не одинаково, именно переосмысление образов животных отражает культурно-обусловленную специфику восприятия человека через восприятие зоонима. В разделе «Культурно-национальная специфика единиц фразеологического состава языка» В. В. Телия в ряду источников культурно-национальной интерпретации называет «ходячие устойчивые сравнения» [Телия 1996, с. 241], среди которых и сравнения с животными, например, *глуп, как баран* или *как с гуся вода*. В. М. Мокиенко включает такие устойчивые сравнения во фразеологический состав языка [Мокиенко 2016]. Животные, выступающие в этом сравнении, являются, по мнению В.В. Телии, «эталонным сравнения» и «связаны с миропониманием, поскольку являются результатом собственно человеческого соизмерения присущих ему свойств с “нечеловеческими” свойствами, носители которых воспринимаются как эталоны свойств человека» [Телия 1996, с. 241–242].

Люди склонны сравнивать себя с животными неслучайно: еще с древних времен человек и зверь были тесно связаны как магическими связями тотемов-защитников, так и бытовыми отношениями. Животные фигурируют в поверьях, приметах, мифах и легендах любого народа. Е. С. Яковлева подчеркивает, что «те мыслительные конструкции и ассоциативные связи, которые сложились в древности, оказывают достаточно сильное влияние на современных людей, обуславливая коммуникативную важность и национально-специфичные коннотации названий животных – зоонимов» [Яковлева 2018, с. 36].

А. Вежбицкая отмечает, что еще В. фон Гумбольдт указывал на национальную языковую специфику восприятия образов животных: «...когда, например, в санскрите слона иногда называют дважды пьющим, иногда двузубым, а иногда еще и снабженным рукою, разные понятия получают разное языковое обозначение, при том, что каждый раз имеется в виду один и тот же объект» [Вежбицкая 1993].

В данной статье представлены некоторые результаты анализа нидерландских ФЕ с зоонимом, а именно – выделены три идеографические области, выраженные данными ФЕ, которые могут считаться специфически нидерландскими.

Названия морских животных в ФЕ

Одной из отличительных черт нидерландской фразеологии является наличие большого количества названий морских животных в ФЕ. Прежде всего, речь идет о рыбе. Только во фразеологических словарях удалось обнаружить 35 ФЕ, содержащих зооним *vis* ‘рыба’. Если же учесть не только общее название *vis*, но и конкретные названия различных видов рыб, это число вырастет в несколько раз: на нидерландском сайте фразеологизмов с зоонимом ‘рыба’ зафиксировано 143 ФЕ. Не секрет, что Нидерланды, страна, расположенная ниже уровня моря, всегда тесно взаимодействовала с морской стихией, что, несомненно, отразилось в нидерландской фразеологии. Так, ФЕ, содержащие зооним *vis* ‘рыба’ и конкретные названия, например: *kabeljauw* ‘треска’, *platvis* ‘камбала’, *snoek* ‘щука’, *haring* ‘селедка’ и др. напрямую отсылают к мореходству и рыбной ловле, торговле, к употреблению рыбы в пищу; приписывают рыбе различные признаки и проводят параллель между морской водой, в которой плавает рыба, и алкоголем. ФЕ *naar de haaien gaan* ‘идти к акулам’ изначально имела значение ‘утонуть’ (о корабле), а в настоящее время ее переосмыслили, и теперь так можно сказать о ком-то или чем-то, что испортилось, «пропало». Другой ФЕ, отсылающей к кораблекрушению, является выражение *naar de kabeljauwskelder* – ‘в подвал трески’. Эта ФЕ получила меньшее распространение, поэтому расширения ее употребления на другие сферы не произошло. С мореходством также связаны ФЕ, указывающие, например, на наличие морской болезни: *hij gaat de visjes voeren* ‘он пошел кормить рыбок’, в значении ‘ему стало плохо и его стошнило за борт’.

Нидерландцы выходили в море не только с целью достичь новые берега, но и с практическими целями добыть себе пропитание. Поэтому в языке сохранилось множество ФЕ, изначально входящих в тематическую группу рыболовства, а затем переосмысленных и распространенных и на другие жизненные ситуации. Например, говоря: *aan een goede visser ontsnapt ook wel eens een aal* ‘и от хорошего рыбака иногда ускользает угорь’, имеют в виду, что всё время от времени ошибаются, даже лучшие из лучших. Отсылка к профессии рыбака есть и в ФЕ *voor een vissers deur vissen* – ‘рыбачить перед дверью рыбака’, т. е. совершать усилия, которые не приведут к желаемому результату. А в ФЕ *aan de vishaak bijten* ‘клюнуть на рыболовный

крючок’, т. е. дать себя поймать, человек ассоциируется уже не с рыбаком, а с рыбой. Рыба в контексте рыболовства, воспринимается также как прибыль, выгода: *wie slaapt vangt geen vis* ‘кто спит, рыбу не поймает’.

После того как рыба поймана, ее продают. С продажей рыбы также связаны некоторые нидерландские ФЕ, например, *de spiering doet de kabeljauw afslaan* – ‘корюшка вытесняет треску’, т. е. большое количество не очень хорошего товара заставляет снижать цены или прекращать продажу товара лучшего качества. Другим примером может служить ФЕ *hij heeft met een zilveren (of gouden) hengel gevist* – ‘он удил серебряной (или золотой) удочкой’, которая значит, что кто-то не поймал рыбу, а купил ее за деньги на рынке, или, после переосмысления, эта ФЕ может использоваться в значении, что кто-то не заслужил что-то сам, а купил это, так можно говорить и о нечестных делах. ФЕ *hij heeft het gelijk van de vismarkt* ‘у него это прямо с рыбного рынка’ означает уже нечто другое: она указывает на кого-то, кто криком пытается доказать свою правоту.

После того, как рыба продана, ее можно есть. В нидерландском языке есть множество ФЕ, призывающих есть рыбу. Так, *haring in het land, dokter aan de kant* – букв. ‘селёдка в стране – доктор в стороне’ созвучна с английской поговоркой *an apple a day keeps the doctor away* – букв. ‘яблоко в день держит доктора подальше’, т. е. селёдка ассоциируется со здоровой пищей. Но не только с ней, именно эта рыба считается типично нидерландской (*zo Hollands als haring met uitjes* – ‘такой голландский, как селёдка с лучком’), и даже Северное море получило прозвище *de haringvijver* – ‘селёдочный пруд’.

В ФЕ отражаются и советы по приготовлению рыбы: *een goede vis moet drie keer zwemmen* ‘хорошая рыба должна плавать трижды’, т. е. она должна поплавать в море, затем в масле на сковородке, и, наконец, сопровождаться бокалом вина при употреблении в пищу. Изначально с процессом приготовления рыбы связана и ФЕ *boter bij de vis* – букв. ‘масло к рыбе’, которая сейчас имеет значение ‘платить сразу, не откладывая’: так же быстро, как добавлять масло к рыбе, которая уже лежит на сковородке, нужно и рассчитываться. Наконец, употребление рыбы не оказывает негативного эффекта на фигуру человека и благотворно влияет на его здоровье: *vis laat de mens zoals die is* – ‘рыба оставляет человека таким, каков он есть’.

Признак здоровья вообще приписывается рыбе: *zo gezond als een vis* ‘здоровый как рыба’. Но эта характеристика дается рыбам не только нидерландцами. Н. И. Толстой пишет о том, что ФЕ *здоров как рыба*, сохранившаяся и в некоторых славянских языках, имеет «видимо, исконно славянские и достаточно древние (не исключается и индоевропейское происхождение)» [Толстой 1995, с. 406] корни и восходит к символике рыбы «как воплощению чистоты и резвости, т. е. телесного и духовного здоровья» [там же]. Такое же восприятие рыбы выражается и в приводимом в качестве примера обряде: «Прежде чем надеть ребенку первую рубашонку, через нее пропускают что-либо железное, чтобы вещицы не приходили, или живую рыбу, чтобы ребенок был чист и резв, как рыба» [там же, с. 407].

Помимо признака здоровья, в нидерландских ФЕ отражены также другие признаки рыбы, например, умение хорошо плавать (*zwemmen als een vis* ‘плавать как рыба’, т. е. хорошо плавать), или глупость (*zo stom als een vis* ‘тупой как рыба’). Надо отметить, что некоторые качества, вероятно, приписываются рыбе не только благодаря наблюдениям за ее поведением, но и благодаря ритму и рифме, как, например, в ФЕ *zo kalm als een zalm* ‘спокойный как лосось’.

Кроме того, образ рыбы входит в тематическую группу «Пьянство». Так, про пьяного человека можно сказать *die is vis* ‘этот – рыба’, т. е. он пьян. Известна также ФЕ *wie 's nacht gaat vissen moet overdag zijn netten drogen* ‘кто ночью ходит рыбачить, тот днем должен сушить сети’, т. е. тот, кто пьет ночью, днем не может ничего делать.

Выше приведены лишь некоторые примеры существующих в нидерландском языке выражений с зоонимами, обозначающими морских животных. Их специфика, помимо прочего, выражается и в использовании образов, которые непривычны, например, в ФЕ *een kwal van een jongen* ‘не мальчик, а медуза’, обозначающей неприятного человека, задействован зооним «медуза», часто используются зоонимы *garnaal* ‘креветка’, *mossel* ‘мидия’ и *oester* ‘устрица’.

Помимо большого количества морских зоонимов в нидерландских ФЕ и их разнообразия, они выделяются в специфическую группу, так как синонимичны другим ФЕ, распространенным в других европейских языках. Таким образом, в нидерландском языке для (часто) общеевропейских ФЕ существуют эквиваленты, включающие в себя морские зоонимы.

Говоря о синонимии во фразеологии, необходимо отметить, что мы понимаем под этим термином. «Проблема синонимии фразеологизмов неоднозначно решается исследователями. Существует как предельно узкое понятие фразеологических синонимов, так и достаточно широкое.

При рассмотрении фразеологизмов с позиции говорящего целесообразно исходить из широкого понимания фразеологической синонимии, рассматривая в качестве синонимов тождественные или близкие по значению фразеологизмы, которые могут отличаться стилистической окраской, сферой употребления, прагматическим слоем значения» [Богданова 2011, цит. по: Шиганова и др. 2014, с. 316]. Именно такое, широкое, понимание синонимичных ФЕ используется в данной статье. При этом, несмотря на возможные различия в чаще всего прагматическом употреблении представленных ниже ФЕ, они всё же схожи по глубинной семантике.

Ниже представлена таблица (см. табл. 1) синонимичных ФЕ с зоонимами нидерландского языка, где слева (столбцы 1 и 2) представлены ФЕ с названиями морских животных и их перевод на русский язык, а справа (столбцы 3 и 4) синонимичные им ФЕ с другими зоонимами.

Интересным случаем синонимии ФЕ, когда в обоих случаях в них входят названия морских животных, представляется следующая пара фразеологизмов: *als haringen in een ton* ‘как сельди в бочке’ и *als sardientjes in een blik* ‘как сардины в жестяной банке’.

При сравнении с русским языком нидерландские ФЕ также удивляют своими «морскими» отсылками. Например, если в русском языке мы можем, доверяя человеку, *пойти с ним в разведку*, то нидерландцы высшей степенью доверия считают состояние, когда кто-то готов сказать *met hem kun je gaan vissen* – ‘с ним можно отправиться на рыбалку’. Другой пример: если в русском языке равнодушие кого-то по отношению к ситуации описывается ФЕ *он и пальцем не пошевелит*, то в нидерландском это звучит как *hij gaat geen vin verroeren* – ‘он и плавником не пошевелит’.

Все вышеперечисленные примеры свидетельствуют о том, что морской компонент часто встречается в нидерландских ФЕ, которые составляют большой пласт фразеологического фонда нидерландского языка.

Таблица 1

Синонимичные ФЕ

ФЕ с названиями морских животных	Перевод	ФЕ с другими зоонимами	Перевод	Значение
<i>roep geen mosselen voor- dat ze aan de wal zijn</i>	не кричи мидии, пока они еще не на берегу	<i>je moet de huid van de beer niet verkopen voor hij geschoten is</i>	ты не должен прода- вать шкуру неубитого медведя	не нужно торопиться и ра- доваться прежде, чем что-то произойдет (ср. рус. не дели шкуру неубитого медведя)
<i>roep geen haring voor hij in het net is</i>	не кричи селедка, пока она еще не в сетях	<i>het ei wil wijzer zijn dan de hen</i>	яйцо хочет быть мудрее курицы	ребенок хочет быть умнее взрослого (ср. рус. яйцо курицу (не) учит)
<i>een garnaal heeft ook een hoofd</i>	у креветки тоже есть голова	<i>het is vlees noch vis</i>	ни рыба ни мясо	посредственность, середнячок (ср. рус. ни рыба ни мясо)
<i>het is mossel noch vis</i>	ни мидия ни рыба	<i>men kan nooit weten hoe een koe een haas vangt</i>	никогда не узнаешь, как корове удалось поймать зайца	случаются неожиданные вещи, никогда не говори «никогда»
<i>je kunt nooit weten waar een paling kruipt</i>	никогда не узнаешь, где ползет угорь	<i>zich gedragen als een baars</i>	вести себя как свинья	вести себя грубо, неуклюже
<i>zich gedragen als een baars</i>	вести себя как окунь	<i>de ossen achter de ploeg spannen</i>	запрячь волов за плугом	совершить ошибку, подсту- питься к делу не с той стороны
<i>achter het net vissen</i>	рыбачить позади сетей	<i>het paard achter de wagen spannen</i>	запрячь лошадей за повозкой	(ср. рус. ставить телегу впереди лошади)
<i>snoeken op zolder zoeken</i>	искать щук на чердаке	<i>vijf poten aan een kalf/ schaap zoeken</i>	искать у теленка / овцы пятую ногу	искать / хотеть невозможного

Ложные зоонимы в нидерландских ФЕ

Другой отличительной и примечательной чертой нидерландской фразеологии является наличие ФЕ, которые, по данным словарей, содержат в своем составе зооним, который этимологически не отсылает к названию животного, а потому является ложным. В качестве примера можно назвать выражение *mot hebben met iemand* – ‘иметь с кем-то моль / ссору’, в котором содержится ложная отсылка к животному миру, так как слово *mot*, которое в переводе и сознании многих носителей нидерландского языка фигурирует как ‘моль’, предположительно не имеет никакого отношения к насекомому, а образовано от глагола *motten*, в северном диалекте области Гронинген означавшем ‘бурчать, ворчать’, из чего логически вытекает и значение ФЕ ‘ссориться с кем-то’ или ‘находиться в ссоре’. То же самое можно сказать и о выражении *een bokking krijgen/geven* – ‘дать / получить козла’, в котором лжезооним *bokking* скорее всего является производным от диалектного слова *bokkum*, сохранившемся в ФЕ *een bokkum halen* со значением ‘встать в позу (перед начальством)’, которое было в ходу в 1860-е гг. в среде артиллеристов. Предположительно само слово *bokkum* [Bokkum – de betekenis volgens Marc De Coster] является искаженным вариантом разговорного слова *bokje*, названия плохой дешевой сигары фирмы «Bock Cie te Navanna».

Еще одним примером лжезоонима может служить ФЕ *de mier aan iemand hebben* ‘иметь на кого-то муравья’, которую этимологически не связывают с насекомым: А. де Йахер [Jager 1840, с. 109–110] говорит о том, что данное выражение может быть связано с английским прилагательным *mire* – ‘грязный’, т. е. не иметь отношения к зоониму.

Также следует сказать о происхождении выражения *de aap binnen hebben* – ‘иметь обезьяну внутри’, которое значит *получить много денег*. Эта ФЕ пришла в нидерландский язык из арго моряков. Словарь нидерландского языка (WNT) изначально указывал на то, что существительное *aap* ‘обезьяна’ обозначало каменную копилку в виде обезьяны. С этим спорил Ф. Стутт, указывая на то, что такие копилки нигде больше не упоминаются, с чем впоследствии согласились и авторы WNT. Второй версией происхождения выражения является шуточное название монет, на которых, конечно, был изображен лев, а не обезьяна, но в шутку этого льва называли обезьяной. Но и эта версия была признана неправдоподобной. На смену ей пришло такое объяснение:

зооним, использующийся в данном выражении, употребляется в данной ФЕ в более раннем значении ‘кусочек, ломоть, куча (денег)’. Интересно отметить, что в лексиконе английских матросов словом *monkey* ‘обезьяна’ (англ.) назывался сосуд, в котором они проносили на борт прог. Таким сосудом часто служил кокосовый орех, из которого алкогольный напиток пили через трубочку, поэтому в сленге английских моряков также есть выражение *to suck the monkey* – ‘сосать обезьяну’, которое есть и в нидерландском языке *de aap zuigen* – ‘сосать обезьяну’. Можно предположить, что такое употребление послужило мотивацией для первого объяснения рассматриваемого выражения авторами WNT. Подробнее о ложных зоонимах в ФЕ нидерландского языка можно прочитать в статье автора [Терешко 2019].

Заключение

Данная статья – это обзор некоторых особенностей нидерландской фразеологии. Выделяется большое количество ФЕ, содержащих названия морских животных. Это представляется закономерным для Нидерландов – страны, постоянно взаимодействующей с морской стихией. Кроме того, встречаются случаи употребления ложных зоонимов в ФЕ нидерландского языка. Для дальнейшего исследования интересно сравнить «морские» ФЕ нидерландского языка и их эквиваленты в языках других стран, лежащих на берегу моря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культурно-специфичных контекстах // Thesis. 1993. № 3. С. 185–206. [Vezhbitskaya, A. (1993). Semantika, kul'tura i poznanie: obshchechelovecheskie ponyatiya v kul'turnospetsifichnykh kontekstakh. (Semantics, Culture and Cognition: General Human Notions in Culture-Specific Contexts). Thesis, 3, 185–206 (In Russ.)].
- Мокиенко В. М. Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Коллективная монография. СПб. – Грайфсвальд, 2016. [Mokienko, V. M. (2016). Ustoichivye sravneniya v sisteme frazeologii. (Conventional Comparisons in the System of Phraseology). Monography. St.Petersburg – Graifsva'l'd. (In Russ.)].
- Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. [Teliya, V. N. (1996). Russkaya frazeologiya. Semanticheskii,

- pragmatischen i lingvokul'turologischen aspekty. (*Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects*). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.).]
- Терешко Е. В. Ложные зоонимы в нидерландских фразеологизмах // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2019. № 7/2. С. 111–115 [Tereshko, E. V. (2019). False zoonims in Netherland phraseology. *Modern science: actual problems of theory & practice. Humanities*, 7(2), 111–115. Moscow: Nauchnye tehnologii (In Russ.).]
- Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. [Tolstoi, N. I. (1995). *Yazyk i narodnaya kul'tura. (Language and Folk Culture)*. Ocherki po slavyanskoi mifologii i etnolingvistike. Moscow: Indrik (In Russ.).]
- Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1970. [Chernysheva, I. I. (1970). *Frazeologiya sovremennogo nemetskogo yazyka. (Phraseology of Modern German Language)*. Moscow: Vysshaya shkola (In Russ.).]
- Шиганова Г. А. [и др.]. Синонимия фразеологизмов как одно из проявлений их тождества и различия / Г. А. Шиганова, Л. П. Юздова, А. В. Свиридова, А. А. Чепуренко, Н. М. Миненко // Вестник ЧГПУ. 2014. № 9-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sinonimiya-frazeologizmov-kak-odno-iz-proyavleniy-ih-tozhdestva-i-razlichiya> (дата обращения: 12.08.2019). [Shiganova, G. A. et al. (2014). *Sinonimiya frazeologizmov kak odno iz proyavlenii ikh tozhdestva i razlichiya. (Synonymy of Fixed Phrases as a Manifestation of Their Identity and Difference)*. *Vestnik ChGPU*, 9(2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sinonimiya-frazeologizmov-kak-odno-iz-proyavleniy-ih-tozhdestva-i-razlichiya> (date: 12.08.2019)].
- Яковлева Е. С. Особенности фразеологических единиц с компонентом зоонимом (на материале китайского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2018. [Yakovleva, E. S. (2018). *Osobennosti frazeologicheskikh edinit s komponentom-zoonimom (na materiale kitaiskogo i angliiskogo yazykov). (Specificities of fixed phrases with zoonymic components (as exemplified by the Chinese and English languages))*. PhD in Philology. Saratov. (In Russ.).]
- Ensie: Bokkum – de betekenis volgens Marc De Coster. URL: <https://www.ensie.nl/havenarbeiders/bokkum> (дата обращения: 25.03.2019).
- Geenstijl. URL: <https://www.geenstijl.nl/5145162/mag-ook-al-niet-meer-dieronvriendelijke-gezegdes/> (дата обращения: 12.08.2019).
- Horst J. v.d. Kroniek van de taalkunde 2003/2004 // Neerlandica extra Muros. Jaargang 2005. 43 nummer 1, februarie. 2005. P. 73–78.
- Jager A. de. Taalkundig magazijn, of gemengde bijdragen tot de kennis der Nederduitsche taal: bijeenverzameld. Rotterdam: T. J. Wijnhoven Hendriksen, 1840.

УДК 82-14

Е. Г. Сойни

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории,
Карельский научный центр РАН, г. Петрозаводск;
e-mail: elenasoini@gmail.com

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ВЕТЬ ПОЭЗИИ ФИНСКОГО МОДЕРНИЗМА¹

В статье рассматриваются особенности поэзии финского модернизма 1950–1960-х гг. Наряду с увлечением европейской литературой у финских модернистов появился большой интерес к интеллектуальной поэзии с аллюзиями на темы античной мифологии, индийской и китайской философии. Темами стихотворений становились философия Декарта, византийские хроники, математика и астрономия. Автор делает вывод, что в интересе к познанию у финских модернистов проявляются просветительские традиции, в целом характерные для литературы Финляндии, так и их отрицание; обнаруживается сочетание рационального и иррационального, научного и интуитивного.

Ключевые слова: поэзия Финляндии; модернизм; рациональное и иррациональное.

H. G. Soini

Dr. sc. philol., Leading researcher at the Institute of Language,
Literature and History at the Karelian Research Center,
the Russian Academy of Sciences in Petrozavodsk;
e-mail: elenasoini@gmail.com

THE INTELLECTUAL BRANCH OF THE FINNISH MODERNISTIC POETRY

The article is devoted to the features of poetry of Finnish modernism in the 1950s and 1960s. Along with the fascination with European literature, Finnish modernists developed a great interest in intellectual poetry with allusions to the themes of ancient

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания Карельского научного центра РАН 2018-2020 (AAAA-A18-118030190091-5). Тема – Литературы Европейского Севера: проблемы этнопоэтики и компаративистики.

mythology, Indian and Chinese philosophy. The themes of their poems were Descartes' philosophy, Byzantine chronicles, mathematics and astronomy. The author concludes that the interest in knowledge among Finnish modernists is manifested as enlightening traditions. They are generally characteristic for Finnish literature, as their denial, a combination of rational and irrational, scientific and intuitive is found in them.

Key words: Finnish poetry; modernism; the rational and the intuitive.

Введение

Послевоенная лирика Финляндии, на первый взгляд, не похожа на все, что было написано в северной стране как на финском, так и на шведском языках. Разочарование в цивилизации и прогрессе, подрыв традиционных идеалов, переосмысление исторического процесса, вызванные трагическими событиями XX века, с одной стороны, а также прорыв во многих сферах науки и техники – с другой сделали невозможным прежний взгляд на картину мира в целом.

Другими словами, произошел парадигмальный сдвиг, одним из первых своих проявлений имевший место в литературе. В частности, поэты начали свой путь в литературе с отказа от традиций: как от фольклорно-песенной, к которой склонялись неоромантики начала века, так и от протестной социальной лирики, ставшей общим местом экспрессионизма 1920-х гг. Представители финской критики считают, что в лирике произошла революция, основными признаками которой было отречение от истории, утрата доверия к обществу, ломка стихотворных размеров и открытие европейской литературы [Laitinen 1981; Tarkka 1985; Toivonen 1986]. В монографии М.-Л. Куннас слово «революция» присутствует уже в названии: «*Muodon vallankumous. Modernismin tulo suomenkieliseen lyrikkaan*» (Революция формы. Становление модернизма в лирике на финском языке) [Kunnas 1981].

И действительно, первым порывом, стало стремление к разрушению формы, с чего и начали послевоенные лирики Финляндии, быстро попав под воздействие европейского модернизма. В 1950–1960-е гг. все поэты Финляндии перешли к верлибру. Не ограничиваясь его возможностями, они экспериментировали с пространством печатного листа, оставляли свободными целые страницы, смешивали шрифты, использовали неологизмы и окказионализмы.

С финским модернизмом обычно связывают имена Айлы Мерилюото (Meriluoto, 1924–2019), Эвы-Лизы Маннер (Manner, 1921–1995),

Ласси Нумми (Nummi, 1928), Пентти Саарикоски (Saarikoski, 1937–1983), Вьяйнё Кирстиня (Kirstinä, 1936–2007), Пааво Хаавикко (Haavikko, 1931–2008). В их творчестве было отвергнуто классическое стихосложение и провозглашены имена новых кумиров. Ими стали Эзра Паунд (1885–1972), Томас Стернс Элиот (1888–1965), Уильям Батлер Йейтс (1865–1939), Джеймс Джойс (1882–1941) и другие представители высокого модернизма.

В Финляндии появился большой интерес к интеллектуальной поэзии с аллюзиями на темы античной мифологии и философии. Но не только. Модернисты штудировали «Бхагавад Гиту», знали сутры дзен-буддизма, изречения Конфуция и Лао Цзы. Поэзия стала уделом интеллектуалов. Пушкинская строка «Поэзия должна быть глуповата» у модернистов вызвала бы только недоумение. Темами стихотворений становились философия Декарта, византийские хроники, математика и астрономия. Интерес к познанию был характерен для финской литературы со времен эпохи Просвещения. Еще в конце XVIII в., «развивая критическое мышление, просветители в Финляндии впервые заговорили о методах научного познания, о критериях истины, о бесконечных возможностях человеческого разума» [Карху 1979, с. 83]. Идеи Яакко Ютейни, одного из первых финноязычных авторов Финляндии, что литература должна просвещать, и «только разум просвещенный ... есть достоинство человека [Juteini, Runowihko 1856, с. 78] долго оставались актуальными. Просветительские традиции в финской литературе сохранялись весь XIX век, в той или иной степени они проявлялись в романтическом и реалистическом направлениях. В модернизме к рациональному добавилось иррациональное, к научному постижению мира – мифологическое.

«Знание дает право не знать...»

Эва-Лиза Маннер – одна из основоположниц экзистенциальной ветви в модернистской поэзии Финляндии. Именно «математические» стихи принесли ей большую известность:

А теперь кроши льда в свою музыку.

Из нее получится математика¹ [Поэзия Финляндии 1980, с. 317].

¹Здесь и далее стихотворения Э.-Л. Маннер, цитируемые по книге «Поэзии Финляндии» приводятся в переводах Н. Стрижевской.

Но как же выражается во многом парадоксальный «математизм» поэта? Попробуем рассмотреть этот вопрос на примере стихотворения «Декарт». Оно начинается со строки:

Я мыслил, но не существовал [Поэзия Финляндии 1980, с. 303].

Сразу перечеркнув картезианский «пароль», автор выводит субъекта за рамки лирического героя. Сначала, кажется, мы слышим голос знаменитого философа, который говорит с обратной стороны действительности (точнее, действия). Не случайно автор приводит в стихотворении имя небезызвестного духовидца Эммануила Сведенборга (Swedenborg, 1688–1772). И продолжает:

Да будет вам известно, что философия – синоним одиночества,
А одиночество – холодное мёртвое тело
В объятиях разума... [Поэзия Финляндии 1980, с. 303]

И непонятно, это голос философа, или автора. И когда «быстрые кони вбивают копытами тайное знание в висок Кортезия», мы слышим:

Я с ними заодно [Поэзия Финляндии 1980, с. 307].

Стихотворение выглядит так, словно в нем поэт ведет разговор и от своего лица, и от лица Декарта, и в пылу «полемики», разрывает каузальность пресловутого «*cogito ergo sum*». Заметим, что Маннер опровергает «вечные истины» с типично финским юмором, через сравнения с животными, растениями. Ей претит видимая стройность последовательных толкований и претенциозность толкователей, хотя не скрывает она и некоторой своей ревности философа к его притязаниям на знание истины, как к чему-то новому, свежему, обнадеживающему:

«Жизнь течёт мимо меня, кровь моя тяжела от горя, нет ни веянья жизни, ни чистого воздуха, ни свежего ветра, что овеял Картезия, когда он писал об этом сотни умных и увлекательных страниц («Чистят ботинки») [Поэзия Финляндии 1980, с. 307].

Поэт всегда неприютен, он не может спокойно расположиться посреди удобных ему «истин» и поэтому печален. «Печаль – это воздух, которым мы дышим, это облако, которое окутывает всё живое» [там же]. И «Если бы печаль дымилась, земля бы покрылась дымом» [там же, с. 311]. Тут же мы слышим отголосок экклезиастового

«умножающий знание, умножает и скорбь». И Маннер неминуемо возвращается к первозданным образам – образам природы – в таком, почти физическом стремлении слиться с ней: «...я уже буду не я, // а лес», – пишет она в стихотворении с говорящим названием «Ассимиляция» [Поэзия Финляндии 1980, с. 311].

По мнению Э. Г. Карху, на мировосприятие Эвы-Лизы Маннер оказали влияние идеи немецкого философа-экзистенциалиста Мартина Хайдеггера (Heidegger, 1889–1976). Сам Хайдеггер не считал себя экзистенциалистом, но именно он впервые дал систематическое изложение экзистенциальных поступков в книге «Бытие и время», в которой задолго до экологического движения «зеленых» заявил об опасности науки и техники, приводящей к насилию над природой ради материальных благ. Хайдеггер отмечал опасность такого отношения к миру, когда коллективный субъект «теряет все остальные измерения бытия» [Руткевич 1985, с. 40]. Мысль Хайдеггера развил другой немецкий философ Макс Шелер (Scheler, 1874–1928), писавший в «Философском мировоззрении», что «Только если интеллект ... ставится на службу разуму ... т. е. мудрости и нравственному идеалу, – лишь тогда он становится чем-то специфически человеческим» [Шелер 1994, с. 9].

Однако по-своему, «субъективно», относится к миру и поэт Эва-Лиза Маннер:

Площади, мчащиеся машины, деревья, пыльная зелень
у меня обретают смысл,
мир – это поэма моих чувств...
[Поэзия Финляндии 1980, с. 309].

В отличие от человека техногенной цивилизации, который воспринимает всё окружающее как материал для удовлетворения своих потребностей или средство для достижения, поэт – демиург своего собственного внутреннего мира. Хайдеггер считает, что «стихотворство ... является нам в скромном обличье и г ры <...> . В нем нет ничего от деяния, которое непосредственно вмешивается в действительность и преобразует ее [Хайдеггер 2003, с. 69].

С экзистенциалистскими умонастроениями, на взгляд Э. Г. Карху, связаны также такие мотивы в лирике поэтессы, как неприязнь к техническому сциентизму, жажда не безличностного знания, бездушно

анализирующего мир, а знания, «по-человечески озабоченного и сострадающего; тяготение к мифологической символике, к «первобытно-магическому» языку, к идеализированным «изначальным», «дометафизическим» и дорационалистическим формам жизни и сознания, когда отношение человека к миру было еще интимным, целостным, по-детски доверительным» [Карху 1984, с. 292–293]. Однако влияние философии Хайдеггера на поэта критиками, возможно, переоценено. Значительно ближе к мировоззренческим позициям Маннер феноменология Макса Шелера, которого поэтесса могла читать. Безличностному знанию, «холодному рассудку (Кант, Шопенгауэр) Шелер противопоставляет эмоциональный мир человека, который участвует в процессе познания не наряду с рассудком, а впереди него» [Васильева 2011, с. 65].

Эва-Лиза Маннер сумела передать мир человеческой психики, душевные искания лирической героини. Это новый тип финской поэзии интеллектуальной и сострадательной одновременно, пессимистичной и вселяющей надежду. Познание для ее героини – это познание мира, говоря словами Шелера, «путем любящего соучастия во всех его проявлениях» [Васильева 2011, с. 67].

Поэты, вошедшие в литературу после Манер, явно оглядываются на ее поэзию. Ристо Ахти (Ahti, род. в 1943) в книге «Никто» (Ei kukaan 2007), рассуждает о тайном знании, которое делает ненужным мышление словами. Человеку, по мнению поэта, иногда надо освободиться от багажа бессмысленных знаний, чтобы смотреть на мир открытыми глазами и просто идти вперед. Вводя в стихотворение распространенный образ коровы, Ахти пытается разобраться в ее мыслях:

Lehmä on hereillä eikä nuku
karjanhoidon viisauksiin.
Se sanoo: En ajattele, siis olen.
[Ahti 2007, с. 12]

Корова не спит, несмотря на все
премудрости животноводства.
Она говорит: «Я не мыслю, значит,
я существую»¹.

В стихотворении присутствует метафора сна и пробуждения. Ключ к ней автор дает незамедлительно:

¹Здесь и далее подстрочные переводы выполнены авт. за исключением случаев, оговоренных особо.

On olemassa salaista tietoa, joka lopettaa sanoilla ja kuvilla ajattelun [Ahti 2007, с. 12]. – «В мире есть тайное знание, которое прекращает мышление словами и образами».

Значит, даже корова владеет тайным знанием и поэтому не спит. А как же человек?

Minäkin tiesin kaiken, kerran ...
Joskus ihminenkin herää, pääsee irti, se on itselleen niin outo, ettei se mene minnekään
[Ahti 2007, с. 12].

Когда-то я всё знал...
Иногда человек просыпается, освобождается, чтобы просто идти, он так странен себе, что не идет никуда.

Так через ироническое противопоставление Ристо Ахти возвысил корову над Декартом, – каким его изображает Маннер, и уже не кони вбивают ему в висок тайное знание, а коровы, безразлично жуя жвачку, наблюдают как мыслит, но не существует Картезий. Созерцательность – автор неизбежно приходит к ней, как к способу достижения «тайного знания».

Mitä on korkea ajatus?
Kesän heinä, puu täydessä kukassa
[Ahti 2007, с. 50].

Что есть высокая мысль?
Летнее сено, дерево в полном цвету

Ахти, вслед за Маннер, обращается к природе как к источнику истинного знания и пытается мысленно и чувственно идентифицировать себя с ней. Не останавливаясь на этом, он обыгрывает «реанимированную» Ницше мифологему Вечного возвращения в стихотворении «Происходящее».

Ajattelen, että teemme kierroksia itsemme ympärillä... //
nainen kysyy: «Meno-paluu?»
Ja huomaamatta sanon ääneen:
«Todellisuudessa ei kuitenkaan koskaan voi palata» [Ahti 1982, с. 15].

Я думаю, что мы идем по кругу...// кассирша спрашивает: «Туда и обратно?», и я непроизвольно громко говорю: «В действительности “так и так” невозможно».

Герой не верит в «туда и обратно», так как это будет движение не назад, а выход на новый виток, на новое возвращение, как бы примирив Гераклита с его идеей, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку и Ницше с его идеей возврата. Но когда человек в своем

спланированном (что важно!) движении «туда-сюда», как птица, что строит гнездо, «встречает другого человека», он «налетает на стену, садится на мель». Здесь другой человек – камень преткновения, и неизвестно, когда по-настоящему что-то происходит: когда ты вьёшь гнездо, двигаясь по привычке, по одному и тому же маршруту, или когда ты натыкаешься на человека.

Часто у Ахти возникает образ пустоты, который можно обозначить буддийским понятием «шуньята» (*санскр.* «пустота», синоним беззнаковости, бесстрастия) [Пятигорский, с. 183]. Например, в стихотворении «Нарцисс зимой» (1982).

Olen vaihtanut masennuksen tyhjään.
Tyhjä olen ollut, tarkoitukseton...
[Ahti, 1982, s.18]

Я поменял депрессию на пустоту. Я был пуст,
Бесцельно...

В некоторых произведениях наблюдается «стратегия», которую можно соотнести с даосской практикой «недеяния» (*кит.* ‘У вэй’), «непротиводействия природе окружающих вещей и существ, а в конечном счете – и всего сущего. Но, следуя природе вещей, мудрец может легко достигать своих целей» [Торчинов, с. 183].

Ахти порывает с преимуществом мышления еще более рьяно, чем Маннер, отрекаясь не только от логики мышления и логичности поведения, но и от любых норм, «правил этикета, хороших манер», которые ему претят – в пользу естественности. В стихах Ахти мы наблюдаем своего рода ироничный, иногда гротескный финский дзен, не лишенный, разумеется, собственного обаяния. У него есть стихотворение под названием «Знание даёт смелость не знать». Эта формула не только служит творческим кредо самого автора, но и определяет философское направление финской поэзии, вдохновившейся постулатами Маннер.

У шведоязычного поэта Финляндии Ральфа Нордгрена (Nordgren 1936–2014) возникает тема созерцательного постижения мира. Но в отличие от Маннер или Ахти, созерцательность Нордгрена холодная, недвижимая, каменная. Камни у Нордгрена размышляют:

Vi är de fasta punkterna.
Vi är manga [Nordgren 1979, с. 50]

Мы начало координат.
Нас много

Один камень говорит другому «о сути случайностей» (Jag måste lära henne något // om tillfällighetens vara) [Nordgren 1979, с. 37].

Поэт умозрительно выходит за пределы даже органического мира, словно пытаясь приблизиться к истоку всякого знания, истоку мироздания, познавая «суть случайностей». И кажется, это ему удается. Подобные эксперименты, как мы могли убедиться, стали доминирующим направлением финской поэзии. А ее интеллектуальная ветвь развивается от формального «университетского» знания в сторону созерцательной мудрости, отказу от рационального мышления вплоть до медитативного бездействия (как в упомянутом даосском термине «у вэй»).

Поэт Пентти Саарикоски идет особым путем. Своими стихами он обращается к выдающимся личностям различных эпох в попытке через переживания и соучастие проникнуть в собственную душу. В стихотворении «Viisas mies» (Мудрец) из сборника «Стихи» (Runoja) 1958 г. речь идет о Гераклите:

Viisas mies, kreikkalainen,
nimeltään Hämärä,
oli oikeassa, nyt
sen ymmärrän:
en iltaan mennessä koskaan
ole pääsevä perille
ja yöllä, nukkuessa,
tulen alkuuni takaisin
[Saarikoski 1984, с. 13].

Мудрец,
грек по прозвищу Тёмный,
был прав,
теперь я это понимаю,
вечером я никогда не приду к цели
и лишь ночью
во сне
возвращаюсь к истоку

Следуя идее философа, что всё течет, меняется, и невозможно дважды войти в одну реку, поэт словно дополняет его: да, всё так, но исток един и найти его можно лишь за пределами земного мира. «Тёмный» язык Гераклита для Саарикоски аналогичен языку ночной тьмы – языку сновидений, который видится столь родственным языку поэзии. От его лирической «встречи» с Шекспиром в стихотворении «Шекспир» (Shakespeare) также веет духом ночных грёз.

...tuuli nostaa hengen maasta
tuuli painaa sanat sisään
Kun tukkani tarttuu kaukaisiin
tähtiin, en ole kenenkään
[Saarikoski 1984, с. 13]

...ветер возносит дух над землей,
ветер вдавликает слова в нутро
и когда мои волосы цепляются за
далекие звезды, я уже никто.

Каждой строчкой атмосфера нагнетается настолько, что в результате лирический герой совершенно сливается с гением великого предшественника, разросшимся до самых звезд, что на самом деле можно наблюдать лишь во сне. Когда же Саарикоски обращается к Эйнштейну, вновь невозможно отличить одного от другого – так сильна идея самоотождествления. Поэт говорит с читателем на языке снов. Во сне субъектно-объектные отношения не поддаются разумной логике, а человеческие чувства нераздельны.

В «Эйнштейне» автор, точно сочувствуя герою (кем бы он ни был), как бы намекает, что при определенном рассмотрении реальность сна имеет множество точек соприкосновения с Теорией относительности гениального ученого и так же далеко отстоит от реальности действительной – куда остается лишь теорией:

Mitä apua on Teoriasta tässä kylmyydessä, voiko sen kiskoa korviin asti ja jatkaa unta, juna liikkuu siinä kuin esimerkki. Jokapäiväinen kuolema: luopua Teoriasta, mitä nähdään tarkkaan katsoen, ääni kuin taakka putoaisi alas – ja ääni kuin lintu lentäisi koko ajan ylöspäin [Saarikoski 1984, с. 14]

Какой прок от Теории на таком-то холоде, можно ли, укрывшись ею с головой, продолжать спать, например, в движущемся поезде.

Каждый день борьба не на жизнь, а на смерть: отказаться от Теории и, присмотревшись, увидеть, что звук упал бы как груз и тот же звук улетел бы как бесконечно взмывающая ввысь птица

Можно сказать, что Саарикоски, как и другие представители «второго модернизма» финской поэзии, отталкиваясь от рационального знания, точных наук, обращаясь в стихах к непререкаемым авторитетам от Античности до современности, размышляя о философских концепциях и научных теориях, тоже приходит к интуитивному познанию. Его созерцательность – созерцательность сновидца, исследователя, для которого мир грёз значительнее, нежели реальность, ведь это мир его души. В стихотворении «Элементы» (Elementit) из сборника «Стихи» 1958 г. поэт ощущает чуждость, нематериальность ночного мира и не находит в нем настоящей основы:

Yöt tutkin sieluani
tulella, vedellä, ilmalla ja maalla
mutta elementit kieltävät minut –

Ночами я изучаю душу –
что она такое в сравнении с огнем,
водой, воздухом и землей

ei tulta ei vettä ei ilmaa ei maata
minussa, ei mitään
mitä katsoisin... [Saarikoski
1984, с. 10]

но стихии отвергают меня:
во мне самом нет ни огня, ни воды,
ни воздуха, ни земли
что я мог бы увидеть...

Во сне лирическому герою Саарикоски видится Гераклит и Эйнштейн. Он хочет, чтобы его сон продолжился под шум колес, но не просто поезда, а поезда из теории относительности.

Заключение

Интеллектуальная ветвь «второго модернизма» Финляндии «вырастает» из «мощного ствола» модернизма общеевропейского. Финские модернисты находили источники вдохновения в точных науках, античной литературе, мифологии, религиозно-философских учениях.

Модернистское искусство подчеркнуто интеллектуально, даже элитарно, но время и события подсказывают новые пути и возможности постижения мира и творческого самовыражения. Автором сделан вывод, что интеллектуализм финской поэзии проявил себя не столько в рациональных знаниях и эрудиции, сколько в том, что поэты, овладев этими знаниями, словно «оружием», ощутили его разрушительную силу и решили сменить «мечи на орала» – силу интеллекта на созерцательность, ибо для поэзии в целом умение видеть является создающей силой.

В финском модернизме интерес к истории связан с антиисторизмом, рациональное с иррациональным, прагматическое с интуитивным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ /REFERENCES

- Васильева С. В. Ценностный мир личности. К истокам антропологии Макса Шелера. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2011. [Vasilyeva, S. V. (2011). Tsennostnyj mir lichnosti. K istokam antropologii Maksa Shelera. (*The World of Individual's Values. Towards the Origins of Max Scheler's Anthropology*). Petrozavodsk: PetrGU publishing house (in Russ.)].
- Карху Э. Г. Финская лирика XX века. Петрозаводск: Карелия, 1984. [Karhu, E. G. (1984). Finskaya lirika XX veka (*Finnish Lyric Poetry of the 20th Century*). Petrozavodsk: Kareliya. (In Russ.)].
- Карху Э. Г. История литературы Финляндии. Л.: Наука, 1979. 512 с. [Karhu, E. G. (1979). Istoriya literatury Finlyandii (*The History of Finnish Literature*). Leningrad: Nauka. (In Russ.)].

- Поэзия Финляндии: пер. с фин., швед.. М.: Прогресс, 1980. [Poeziya Finlyandii (1980). (*Poetry of Finland*). Translation from Finnish, Swedish. Moscow: Progress.(In Russ.)].
- Пятигорский А. М. Введение в изучение буддийской философии. М.: Новое литературное обозрение, 2007. [Pyatigorskij, A. M. (2007). Vvedenie v izuchenie buddijskoj filosofii (*Introduction to the Study of Buddhist Philosophy*). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)].
- Руткевич А. М. От Фрейда к Хайдеггеру. Критический очерк экзистенциального психоанализа. М.: Издательство политической литературы, 1985. [Rutkevich, A. M. (1985). Ot Frejda k Hajdeggeru. Kriticheskij ocherk ekzistencional'nogo psihoanaliza (*From Freud to Heidegger. A Critical Essay on Existential Psychoanalysis*). Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. (In Russ.)].
- Торчинов Е. А. Даосизм. «Дао-Дэ цзин». СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2004. [Torchinov, E. A. (2004). Daosizm. "Dao-De czin" (*Taoism. "Tao Te Ching"*). St.Petersburg: Azbuka-klassika; Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russ.)].
- Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2002. [Heidegger, M. (2002). Bytie i vremena (*Being and Time*). St.Petersburg: Nauka. (In Russ.)].
- Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гельдерлина / пер. с нем. Г. Ноткина. СПб.: Академический проект, 2003. [Heidegger, M. (2003). Raz'yasneniya k poezii Gel'derlina. Perevod s nemeckogo G. Notkina. (*Elucidations of Hölderlin's poetry*, transl. from German by G. Notkin). St.Petersburg: Akademicheskij proekt. (In Russ.)].
- Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. [Sheler, M. (1994). Izbrannye proizvedeniya (*Selected Works*). Moscow: Gnozis. (In Russ.)].
- Ahti R. Ei kukaan (Nobody). Helsinki: WSOY, 2007.
- Ahti R. Narkissos talvella (Narcissus in Winter). Porvoo-Helsinki-Juva, WSOY. 1982.
- Meriluoto A. Kootut runot. Porvoo – Helsinki: WSOY, 1976.
- Nordgren R. Sten-samling. Helsingfors: Schildts, 1979.
- Haavikko P. Rakkaudesta ja kuolemasta. Helsinki-Juva: Art Hous, 1989.
- Juteini J. Runo-wihko. Wiipuri: Wiipurin Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1856. (Jak. Juteinin kirjoja 3).
- Kirstinä V. Runoja 1958–1977. Helsinki: Tammi, 1979.
- Laitinen K. Suomen kirjallisuuden historia. Helsinki: Otava, 1981. (In Finnish).
- Saarikoski P. Tähänastiset runot. Helsinki: Otava, 1984. (In Finnish).
- Tarkka P. Finnische Literatur der Gegenwart Fünfzig Autoren-Porträts. Keuru: Otava, 1983. (In German).
- Toivonen P.-M. Aila Meriluodon varhaislyriikan modernismi ja sen tausta. Jyväskylä, Jyväskylän yliopisto. 1986. (In Finnish).

УДК 821.61.1

С. Н. Морозова, Д. Н. Жаткин

Морозова С. Н., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, филиал Военной академии материально-технического обеспечения в г. Пензе; e-mail: s.morozova09@mail.ru

Жаткин Д. Н., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, Пензенский государственный технологический университет; e-mail: ivb40@yandex.ru

К. И. ЧУКОВСКИЙ О ЮМОРЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. ТВЕНА¹

Статья посвящена восприятию К. И. Чуковским наследия М. Твена. Указываеться, что К. И. Чуковский был не только переводчиком произведений американского писателя, но и опубликовал ранние критические исследования о его творчестве. В работе дается анализ статьи К. И. Чуковского «Марк Твен» (1910), опубликованной в кадетской газете «Речь» как отклик на кончину писателя, и очерка «Марк Твен. Приключения Тома» (1919), изданного в качестве предисловия к русской публикации романа «Приключения Тома Сойера». Большое внимание в этих работах К. И. Чуковский уделяет юмору М. Твена, характер которого менялся вместе с мировоззрением писателя. Делается вывод о том, что при восприятии К. И. Чуковским М. Твена глашатаям американской демократии приоритет безграничной свободы на страницах его книг предстает как символ национального самосознания.

Ключевые слова: К. И. Чуковский; М. Твен; русская литература; американская литература; приключенческий роман; юмор.

S. N. Morozova, D. N. Zhatkin

Morozova S. N., PhD (Philology), Senior Lecturer, Russian Language Department, Branch of the Military Academy of Logistics in Penza; e-mail: s.morozova09@mail.ru

Zhatkin D. N., PhD (Philology), Professor, Head of the Department of Translation and Methods of Translation, Penza State Technological University; e-mail: ivb40@yandex.ru

K. I. CHUKOVSKY ABOUT HUMOR IN THE CREATIVE WORKS OF M. TWAIN

The article is devoted to the notable Russian translator Kornei I. Chukovsky's perception of the heritage of Mark Twain. The researchers point out that K. I. Chukovsky

¹ Исследование проведено в рамках выполнения работ по гранту Российского научного фонда №17-18-01006п «Эволюция русского поэтического перевода (XIX – начало XX века)».

was not only a translator of Twain's works, but he also published early critical studies about the writer's oeuvre. The research analyzed the article «Mark Twain» written by K. I. Chukovsky in 1910, published in the Kadet Party's newspaper «Rech» as a response to the death of the writer, and the essay «Mark Twain. The Adventures of Tom Sawyer» (1919), published as a preface to the Russian publication of the novel «The Adventures of Tom Sawyer». In these works, K. I. Chukovsky devotes much attention to the humour of M. Twain, whose character changed along with changes in the worldview. The authors draw a conclusion that K. I. Chukovsky sees M. Twain as a herald of American democracy, and the priority of unlimited freedom in the pages of his books appears to be a symbol of national self-consciousness.

Key words: K. I. Chukovsky; M. Twain; Russian literature; American literature; adventure novel; humor.

Введение

Марк Твен является одним из самых популярных в России американских писателей. С момента первой публикации сокращенного перевода рассказа «Знаменитая скачущая лягушка из Калавераса» в газете «Биржевые ведомости» (1872) и до настоящего время его творчество вызывает большой интерес у читателей и исследователей, – публикуются многочисленные труды отечественных и зарубежных литературоведов, в которых художественное наследие М. Твена рассматривается с разных точек зрения.

В России отношение к творчеству американского писателя не было универсальным и изменялось в связи с трансформацией культурной или политической ситуации, зависело от направления развития общественной мысли и тенденций в литературной критике. Основательная научная концепция целостного изучения творчества М. Твена в России сложилась во второй половине 30-х гг. XX в. Одной из важных работ того времени стала монография А. И. Старцева «Марк Твен и Америка» (1937) [Старцев 1985], в которой автор представил разработанную им классификацию этапов творческого пути американского писателя. Очерк М. О. Мендельсона «Марк Твен» [Мендельсон 1958], впервые опубликованный в 1939 г., посвящен биографии писателя. В более поздней работе А. М. Зверева [Зверев 1985] жизнь и творчество М. Твена воссозданы на фоне основных событий американской истории. В книге Б. А. Гиленсона [Гиленсон 2016] анализируются творческие искания писателя, начиная с его первых юмористических рассказов и заканчивая произведениями позднего периода, отмеченными

мрачным мировидением и острой сатирой. Труды М. Н. Бобровой [Боброва 1962] и М. Чертанова [Чертанов 2012] посвящены анализу различных аспектов поэтики произведений М. Твена.

Переводчиком М. Твена и автором одного из ранних предисловий к его книге является К. И. Чуковский. Благодаря его переводческой работе русские читатели познакомились с творчеством выдающегося американского писателя; благодаря переведенным рассказам, повестям, произведениям в жанре «путешествий» увидели картину жизни американского народа, узнали его историю, обычаи.

Первые литературно-критические отзывы К. И. Чуковского о М. Твене. Статья «Марк Твен» (1910)

В дневниковой записи от 31 марта 1955 г. К. И. Чуковский вспоминал о своем аресте в декабре 1905 г., о пребывании в камере предварительного заключения, где состоялось первое знакомство с твеновским сатирическим дневником путешественника «Бродяга за границей»: «Я читаю Твена «Tramp abroad» – книгу, которую я впервые читал 50 лет назад в тюрьме, в предварилке на Шпалерной, и хохотал до икоты, так, что часовой всё время подбегал к глазку, думая, что я плачу. Прошло 50 лет, а книга всё так же для меня свежа, мускулиста. Она не только вся пронизана юмором, она поэтична» [Чуковский 2013, т. 13, с. 194]. Впоследствии книга «Tramp abroad» стала известна на русском языке именно в переводе К. И. Чуковского, выполненном совместно с сыном – Н. К. Чуковским.

Первая критическая работа об американском писателе была опубликована К. И. Чуковским в апреле 1910 года в газете «Речь» и называлась «Марк Твен» [Чуковский 1910]. В своей работе К. И. Чуковский подводил читателей к мысли о том, что многогранность творчества М. Твена, а также характерное для него глубокое понимание жизни американского народа обусловлены не кабинетными знаниями, а личными переживаниями и впечатлениями, полученными в поездках по стране. По шутливому замечанию К. И. Чуковского, первый литературный опыт М. Твен получил в тринадцать лет, замещая редактора в «странной газете», в которой «подписная плата вносилась натурой: капустой, морковью, дровами...» [Чуковский 1910]. За время работы «бродячим наборщиком», лоцманом, репортером луизианской газеты М. Твен познакомился с новыми людьми, их бытом и нравами.

Особенно много эмоций он испытал в поездке с братом в Неваду, когда, по словам К. И. Чуковского, «Марку мерещились антилопы и разбойники, буйволы, индейцы, – и всё это нахлынуло на него широкой волной» [Чуковский 1910]. К. И. Чуковский с юмором описывал обстоятельства этого долгого путешествия: «Кого только они не встретили на этом огромном пути: волков, апашей, охотников за буйволами, мормонов, встретили одного разбойника <...> А дальше соляная пустыня <...> Потом Гошуты – индейцы, <...> и снова пустыня, и вот они в Кэрсон Сити» [там же]. Эта поездка и другие странствования М. Твена являлись неотъемлемой частью его образа жизни, а их описания стали способом выработки собственного творческого стиля. Работа секретаря на новом месте не привлекала М. Твена, и он с товарищем «отправился к озеру Табо, построил себе хижину и прожил там много дней». Впечатления от бродяжнической жизни и пребывания на золотых приисках легли в основу многих произведений американского автора, в которых не было «ничего писательского, кабинетного».

Популярность произведений М. Твена, рассказывавших о поездках по Америке, была обусловлена, по мнению К. И. Чуковского, реалистическим описанием сурового и одновременно романтического духа путешественников и старателей, а также тяжелого, изнурительного труда, полного лишений и страданий, в котором сам автор не был новичком: «Загорелое лицо землекопа, узкие веселые глаза, – “юморист и чернорабочий сразу”, как назвал его (М. Твена) один писатель» [Чуковский 1910]. О том, что М. Твен более других писателей был знаком с особенностями быта американцев в самых различных его проявлениях, говорит и многообразие его занятий и связанных с ними жизненных ситуаций: «...опять бродяга, опять в рудниках, то богач, то банкрот, то репортер, то редактор» [Чуковский 1910]. По мнению К. И. Чуковского, американская жизнь в творчестве М. Твена стала великой литературой потому, что «этот человек не то, чтобы “знал Америку”, не то, чтобы “изучал Америку”, он “впитал” Америку в себя, и жизнь его была “самая американская”, и творчество его было “самое американское” изо всех» [Чуковский 1910].

Характеризуя национальную самобытность других литературных деятелей Америки, К. И. Чуковский не находил в их творчестве чувства единения со своей страной, своим народом. Причины такого разлада, по мнению русского критика, были разными: Эдгар Аллан По

чувствовал себя в Америке как на чужбине, Г. Лонгфелло был для всех свой и одновременно ничей, У. Уитмен безуспешно «старался быть выразителем всей Америки» [там же], Р. Эмерсон, являясь продолжателем идей Т. Карлейля, не мог стать глашатаем национального самосознания. И лишь М. Твен – «первое, полнейшее, порождение американской культуры, совершеннейший ее выразитель» [там же].

К. И. Чуковский считает, что безграничная свобода самовыражения, проявившаяся в произведениях американского писателя, заключалась «в сверхъестественном, необычайном слиянии со своим народом» [там же]. И в этом случае М. Твен не сторонится бедных людей, не разделяет их на «пригодных» и «непригодных» для того, чтобы стать героями его книг. Не идеализируя их, писатель показывает драки, пьянство и ругань своих героев, с большой теплотой рисует огрубевших старателей, которых ослепляет мечта о богатстве. По мысли К. И. Чуковского, М. Твен проявил себя как истинный патриот, преданный идеалам демократии, показав существование низшей культуры и отметив, «какие огромные у нее возможности» [там же].

Живя в переломный для страны период, когда остро ощущалась потребность в сопоставлении и освещении прошлого и настоящего страны для прогнозирования ее будущего, М. Твен, казалось бы, насмеялся над обветшавшими формами отношений. И тогда, по мнению К. И. Чуковского, казалось, что он «только смехотвор, зубоскал, готовый хихикнуть по любому поводу» [Чуковский 1910]. Но юмор М. Твена был необычным, в нем проглядывалось особое отношение писателя к описываемому предмету, и внешняя комическая трактовка не могла скрыть содержательную серьезность. К. И. Чуковский считал, что только вникнув в суть твеновских произведений, можно ощутить, что писателем движет не желание посмеяться над людьми, а «любовь, самая сильная из всех: бессознательная; любовь, доведенная до смеха» [там же]. И потому что М. Твен, будучи жизнерадостным человеком, любил «всё в жизни, каждое событие, каждое “приключение”, каждое явление», любовь его была «трезвой, здоровой, бодрой американской любовью, любовью свободного работника-бродяги, безо всякого надрыва, безо всякой трагедии-истерики» [там же]. В этой любви М. Твен заново открывал мир для себя и для читателей, подвергал рассмотрению каждое явление американской жизни, стремился показать ее с новой, неожиданной, стороны.

По мнению К. И. Чуковского, «любить для него [Твена] значило – смеяться, и тем, что он осмеял весь мир, он оправдал его» [Чуковский 1910]. Рассуждая над характером твеновского юмора, русский писатель не видел в нем сатанизма мефистофельского смеха, горького смеха Гейне, карающего смеха Гоголя, – юмор Твена «без полуулыбок и самобичевания <...>, как смеется каждой волне моряк, выехавший под парусом в открытое море, – и волны бегут, – и он волен и рад, и каждой волне говорит: хорошо!» [там же]. Жизнеутверждающая позиция К. И. Чуковского в большей степени относилась к ранним произведениям М. Твена, герои которых ощущали поэтическое начало жизни, поэтому и смеялись так задорно и весело. Жизненная энергия героев являлась отражением гармонии американского писателя со всем миром, из которой и рождалось «его величайшее доверие к Богу, к смерти, к судьбе, – тоже такое американское, – и отсюда его смех, самый счастливый, какой только слыхивала Вселенная» [Чуковский 1910].

К. И. Чуковский предостерегает читателей от ошибочного восприятия юмора М. Твена как обличительного. По его наблюдениям, грубость такого юмора была обусловлена беспардонностью окружающей жизни, в которой побеждал сильнейший, а агрессивность и бравурность в принципе были характерны для американского юмора, который традиционно называли неистовым. «Обличать ему (Твену) в этом мире было нечего, – для этого он был слишком свободен и слишком силен, и если его смех кажется нам зубоскальством, что ж? – в этом виноваты мы, а не он» [там же], – резюмирует К. И. Чуковский.

К. И. Чуковский как переводчик и редактор М. Твена

К. И. Чуковский переводил М. Твена и редактировал чужие переводы его произведений. Так, «Приключения Тома Сойера» в переводе З. Журавской К. И. Чуковский редактировал в первый послереволюционный год, о чем косвенно свидетельствует запись в его дневнике от 23 ноября 1918 года: «Третьего дня я написал о Райдере Хаггарде. Вчера о Твене» [Чуковский 2013, т. 11, с. 233]. Произведение было выпущено отдельной книгой в издательстве «Всемирная литература» в 1919 году под редакцией и с предисловием К. И. Чуковского. Впоследствии именно этот вариант перевода вошел в первый том «Собрания сочинений» М. Твена под редакцией П. К. Губера

и К. И. Чуковского (1928). В дневниковой записи К. И. Чуковского от 15 июня 1927 года сообщается о редакции «Приключений Гекльберри Финна»: «Сяду сейчас вторично править Гекльберри Финна» [Чуковский 2013, т. 12, с. 310]. Под редакцией К. И. Чуковского этот роман, особенностью редакции которого стало сокращение некоторых философских отступлений и пейзажных зарисовок, был издан в 1928 г. Оба романа М. Твена в редакции К. И. Чуковского были опубликованы одной книгой в 1933 г. О том, что редакторская работа занимала много времени и отвлекала от собственного творчества, К. И. Чуковский писал в дневнике 30 октября 1927 года: «Я в последнее время столько редактировал, компилировал, корректировал (“Панаеву”, “Некрасова”, “Мюнхгаузена”, “Тома Сойера”, “Гекльберри” и пр.), что приятно писать свое» [Чуковский 2013, т. 12, с. 337].

К. И. Чуковский о юморе М. Твена в статье «Марк Твен. Приключения тома» (1919)

Предисловие К. И. Чуковского «Марк Твен. Приключения Тома», изданное в 1919 г., сыграло большую роль в понимании отдельных аспектов творчества М. Твена. Особое внимание, как и в статье «Марк Твен» (1910), К. И. Чуковский уделял специфике юмора в произведениях американского автора. По его мнению, ни у кого не возникнет сомнений в том, что М. Твен – юморист, которому очень часто приписывают амплу «весельчака, сочинителя анекдотов» [Чуковский 2012, с. 516]. Однако это восприятие не соответствует реальному положению вещей хотя бы в силу всем известного утверждения, что «юмор это раньше всего *жаление, жалость*» [Чуковский 2012, с. 516]. К. И. Чуковский считал, что юмор не является для М. Твена самоцелью, а выполняет служебные функции. Свое предназначение юмориста американский писатель видел не в высмеивании общественных пороков, а в изображении живой, неприукрашенной жизни, в которой он любил всех, над кем смеялся, «любил, как себя самого, и жалея их, жалел в них *себя*» [Чуковский 2012, с. 516]. С юмором изображая окружающую его жизнь, М. Твен смеялся и над собой, поэтому, по мнению К. И. Чуковского, «его смех не обидный, в этом смехе нет ни цинизма, ни злобы» – «он облагораживает нас» [там же]. Такое же единение обнаруживается и в «Дон Кихоте» М. Сервантеса. К. И. Чуковский полагает, что смех над главным героем по мере прочтения романа

трансформируется во внутренний смех автора и читателя не столько над незадачливым Дон Кихотом, сколько над комическими и трагическими перипетиями, имевшими место в его жизни. Образ Дон Кихота, несмотря на его комический вид, остается любимым и почитаемым во все времена; и в этом, по словам К. И. Чуковского, заключается главная ценность юмора: «Он влюбляет в людей, привораживает к ним, делает их навеки для вас родными» [там же].

Выделяя юмористов среди прочих английских и американских писателей, К. И. Чуковский отмечал, что «юмор – очень редкая способность души»: «Анекдотистов – сколько угодно, а юмористы в человечестве – наперечёт» [там же]. Среди юмористов-уникумов русский писатель называл Дж. Свифта, У. Теккерея. Говоря о юморе Ч. Диккенса, он особенно отмечал способность писателя представить комическое как необходимую, а иногда и неизбежную сторону бытия, способствовавшую выявлению положительной сути героев. В результате такого подхода в произведениях Ч. Диккенса появлялось множество комических персонажей, «к которым мы чувствуем нежность»: «...чем больше Диккенс смеялся над ними, тем больше мы привязывались к ним» [там же]. Неоспоримым преимуществом в изображении таких героев К. И. Чуковский считал актерский талант писателя [Морозова, Жаткин 2018].

Перечисляя писателей-юмористов, К. И. Чуковский называл М. Твена самым известным из них. Причем юмор американского писателя не ограничивался только одним направлением, – М. Твену не чужд был и смех ради смеха: «Часто он только весельчак, хохотун; он написал бесконечное множество смешных анекдотов. Эти анекдоты переводились на все языки; они читались в Америке и в Европе с восторгом» [Чуковский 2012, с. 516]. Популярность автора была настолько велика, что даже при упоминании его имени «люди начинали улыбаться» [Чуковский 2012, с. 516], а газеты по телеграфу передавали его остроты. И оттого, что мотивы шуток М. Твена были взяты из повседневной жизни, а детали оказывались настолько правдивыми, что читатели были уверены в реальности происходящего, его юмор, хоть и имевший национальный колорит, был близок и понятен читателям всего мира. К. И. Чуковский шутиливо говорил, что «человечество признало его (Твена) как бы придворным своим остряком, в течение полувека с честью исполнявшим эту

многотрудную должность» [Чуковский 2012, с. 516], и вместе с тем призывал читателей видеть главное значение художественного наследия М. Твена не в островах и шутках: «Он остался в мировой литературе не как забавник, не как сочинитель анекдотов, а как юморист, автор юмористических книг» [там же]. Кроме того, М. Твен был образцом для подражания и источником вдохновения для многих писателей XX в.

Самыми значимыми произведениями американского писателя К. И. Чуковский считал «Приключения Тома Сойера» (1876), «Приключения Гекльберри Финна» (1884) и «Простофилю Вильсона» (1894); в них автор «с неподражаемым поэтическим юмором выводит забавно-милых людей, живущих вдоль берегов его родной реки Миссисипи» [Чуковский 2012, с. 517]. В письме к Г. Л. Эйхлеру от 1935 г., рассуждая о разнице понятий «веселье» и «радость» в детской литературе, К. И. Чуковский говорил, в том числе, и о книгах Твена: «И “Том Сойер”, и “Гекльберри Финн”, и “Гулливер”, и “Мюнхгаузен”. Даже больше, чем веселые: *радостные*» [Чуковский 2013, т. 15, с. 262].

Несмотря на большое количество в этих романах шуток, вызывающих смех, в основе их лежит не комический принцип. По мнению К. И. Чуковского, юмор М. Твена становится способом реалистического раскрытия психологии людей на фоне общей поэтизации жизни; поэтому все правдивые, а иногда и малопривлекательные стороны человеческой жизни дают читателю ощущение тепла и радости: «В этих книгах он (Твен) *любовно* смеется над тем, что ему близко и дорого, и потому они проникнуты такой задушевностью, что на всем земном шаре они стали любимыми книгами и взрослых, и подростков, и детей» [Чуковский 2012, с. 517]. Душевная глубина и искренность некоторых персонажей в «Приключениях Тома Сойера» и «Приключениях Гекльберри Финна» достигается при помощи проникновенного юмора автора, без которого сами произведения звучали бы сентиментально и фальшиво. Воспетая М. Твеном вольная жизнь и смех, проникнутый лиризмом, являются показателями его любви к простым людям. И несмотря на то, что автор писал про американцев и американскую жизнь, его талант юмориста-психолога, по мнению К. И. Чуковского, способствовал тому, что самые известные персонажи М. Твена – Том Сойер, Гекльберри Финн, Джим и даже тетушка Полли – «давно уже и для русских людей стали близкими людьми, как

бы русскими» [там же]. Во всенародности и «всечеловечности» и заключается великий талант М. Твена.

Отношение к творчеству М. Твена у К. И. Чуковского изменялось со временем. В дневниковой записи от 14 сентября 1956 г. писатель довольно резко высказывался о художественных особенностях «Приключений Тома Сойера». Называя книгу «наглой», К. И. Чуковский упрекал автора в неточности указания возраста главного героя, который совершал поступки, вводившие в заблуждение рисовавших его художников. Причину такого разночтения писатель видел в том, что «всю художественную правду Твен истратил на бытовые подробности, на изображение детской психики – здесь он гениален (равно как и в разговорном языке персонажей) – а все *adventures* – заведомая чушь, ради угождения толпе» [Чуковский 2013, т. 13, с. 219–220]. В данной оценке К. И. Чуковский, скорее всего, опирался на довольно распространенное в те годы стремление рассматривать образ Тома Сойера с вульгарно-социологизаторских позиций. Согласно этим критериям, в Томе наблюдались черты типичных американских бизнесменов; угодливость М. Твена К. И. Чуковский видел в том, что он, подстраиваясь под мнение толпы, «заставлял своих героев в обеих книгах – и в “Томе”, и в “Гекльберри Финне” – находить, в конце концов, кучи долларов» [Чуковский 2013, т. 13, с. 220]. На фоне общего благожелательного отношения ко всему художественному наследию М. Твена эта мысль К. И. Чуковского не является определяющей.

К. И. Чуковский также отмечает характерную для некоторых рассказов М. Твена грубоватость стиля, которая наблюдается, прежде всего, в изображении неприглядных сторон американской жизни, дикости и жестокости зоны освоения дикого Запада. Писатель считает, что М. Твену «не хватало вкуса и он пересаливал»: «Он был истый янки, писал для малокультурных читателей и не брезговал никакими средствами для того, чтобы их рассмешить» [Чуковский 2012, с. 517]. В определенной степени изображение реальной картины быта и нравов соотечественников способствовало отказу от ханжества и чопорности, господствовавших на страницах многих произведений второстепенных авторов конца XIX века.

Лучшим рассказом М. Твена К. И. Чуковский называл «Знаменитую прыгающую лягушку из графства Калаверас» (1865), в которой речевая стилистика построена на контрастах, отражающих переходные

явления национальной культуры. В речевых экспериментах, «в ... простонародном наречье» [Чуковский 2012, с. 517], в отсутствие изящного глубокомыслия, во включении в текст разговорных выражений, вызывающих доверие читателей к написанному, К. И. Чуковский видел основную ценность этого произведения.

Среди других популярных в России произведений М. Твена К. И. Чуковский называл путевые заметки «Простак за границей» (1869), «где он (Твен) забавными чертами описывает свою первую поездку в Европу» [Чуковский 2012, с. 517], и исторические романы из эпохи Средних веков. Писатель досконально изучил хронологию описываемых времен, позаимствовав у историков многие факты для создания культурного и социального фона в книгах. Для своих романов «Янки при дворе короля Артура» (1889), «Личные воспоминания Жанны д'Арк» (1896) М. Твен, по мнению К. И. Чуковского, сочинял «самую эксцентрическую, невозможную, небывалую тему, какая и в голову никому не могла бы прийти, – и потом излагал ее со всею серьезностью ученого историка» [там же].

Роман «Принц и нищий» был переведен на русский язык К. И. Чуковским и его сыном Н. К. Чуковским в 1936 г. Об этой работе упоминается в двух дневниковых записях К. И. Чуковского – от 1 января 1936 г. («Лег вчера спать в 7 часов. Встал в три и корпел над ненавистным мне “Принцем и нищим”. Перевожу заново вместе с Колей» [Чуковский 2013, т. 13, с. 5]) и от 2 февраля того же года («До 9 часов корпел над “Принцем и нищим”») [там же, с. 12]). Следует отметить, что первым произведением М. Твена, переведенным К. И. Чуковским на русский язык, стала повесть «Приключения Тома Сойера», вышедшая в Лендетиздате в 1935 г.

К. И. Чуковский продолжал интересоваться творчеством М. Твена на протяжении всей жизни. В 1955 г. он писал о своих впечатлениях от повторного прочтения очерков «Пешком по Европе»: «Вчера читал “Tramp abroad” – и с прежним восторгом “*The Awful German Language*”. Эта глава кажется мне одним из лучших произведений Твена. Никогда ни одна филологическая статья не вызывала такого хохота. Написать *веселую* статью о лингвистике – сделать грамматику уморительно смешной – казалось бы, немислимое дело, и однако через 50 лет я также весело смеялся – читая его изыскания» [Чуковский 2013, т. 13, с. 195]. В этом отзыве речь идет о Приложении к книге

«Пешком по Европе» – «Об ужасающей трудности немецкого языка», содержащем искрометные рассуждения о сложностях и несообразностях в немецком языке.

В письме к М. Гинзбург от 23 ноября 1965 г. писатель более критично отозвался о твеновских «Письмах с Земли»: «Я стал было читать Mark Twain's "Letters from the Earth" – до чего тупо! Похоже на чью-то подделку. И до чего наивно!» [Чуковский 2013, т. 15, с. 585]. К. И. Чуковский считал, что М. Твен изменил своим принципам и вместо наивысшей мудрости представил на суд читателей собственный опыт, в избранной им форме никому неинтересный и ненужный.

Заключение

Литературно-критические работы К. И. Чуковского, посвященные М. Твену, позволили русским читателям более глубоко осмыслить творчество американского писателя. К. И. Чуковский указал на противоречие романтического мироощущения М. Твена, согласно которому индивидуализм человека и его одиночество рассматриваются не как желаемая обособленность от общества, а как результат воздействия окружающей среды на него. В восприятии К. И. Чуковского М. Твен был писателем, отдавшим свой талант на службу человечеству и доказавшим, что душа человека должна развиваться в соответствии с нормами добра и справедливости. Слова критика о том, что «создание гения не знает национальных преград» [Чуковский 2012, с. 517], были вызваны оправданным интересом русских читателей к творчеству американского писателя, подчеркнули единение литератур в мировом культурном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Боброва М. Н. Марк Твен: Очерк творчества. М.: Гослитиздат, 1962. [Bobrova, M. N. (1962). Mark Tven: Ocherk tvorchestva (*Mark Twain: An Essay on Creativity*). Moscow: Goslitizdat. (In Russ.)].
- Гиленсон Б. А. Марк Твен: судьба «короля смеха»: Монография. М.: ИНФРА-М, 2016. [Gilenson, B. A. (2016). Mark Tven: sud'ba «korol'ja smeha». (Mark Twain: The Fate of the "King of Laughter"). Monography. Moscow: INFRA-M. (In Russ.)].
- Зверев А. М. Мир Марка Твена: Очерк жизни и творчества. М.: Дет. лит., 1985. [Zverev, A. M. (1985). Mir Marka Tvena: Ocherk zhizni i tvorchestva (*The World of Mark Twain: An Essay on Life and Work*). Moscow: Det. lit. (In Russ.)].

- Мендельсон М. О. Марк Твен. М.: Мол. гвардия, 1958. [Mendel'son, M. O. (1958). *Mark Twen (Mark Twain)*. Moscow: Mol. Gvardija. (In Russ.)].
- Морозова С. Н., Жаткин Д. Н. К. И. Чуковский о специфике переводческого восприятия произведений Чарльза Диккенса в России // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 92–97. [Morozova, S. N., Zhatkin, D. N. (2018). K. I. Chukovskij o specifikе perevodcheskogo vospriyatija proizvedenij Charl'za Dikkensa v Rossii (K.I. Chukovsky about the Specifics of Translation Perception of Charles Dickens's Works in Russia). *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal* (pp. 92–97). (In Russ.)].
- Старцев А. И. Марк Твен и Америка. М.: Сов. писатель, 1985. [Starcev, A. I. (1985). *Mark Twen i Amerika (Mark Twain and America)*. Moscow: Sov. pisatel'. (In Russ.)].
- Чертанов М. Марк Твен. М.: Молодая гвардия, 2012. [Chertanov M., (2012). *Mark Twen (Mark Twain)*. Moscow: Molodaja gvardija. (In Russ.)].
- Чуковский К. И. Марк Твен // Речь. 1910. № 98. [Chukovskij, K. I. (1910). *Mark Twen (Mark Twain)*. *Rech'*, 98 (In Russ.)].
- Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 3. Высокое искусство; Из англо-американских тетрадей. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2012 ; Т. 11. Дневник 1901–1921. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2013 ; Т. 12. Дневник (1922–1935). М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2013 ; Т. 13. Дневник (1936–1969). М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2013 ; Т. 15. Письма (1926–1969). М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2013. [Chukovskij, K. I. (2012–2013). *Sobranie sochinenij: v 15 t. (The collection of works: in 15 vols.)*. Т. 3. *Vysokoe iskusstvo; Iz anglo-amerikanskih tetradej. (Vol. 3. High Art; From Anglo-American Notebooks)*; Т. 11. *Dnevnik 1901–1921 (Vol. 11. Diary 1901–1921)*; Т. 12. *Dnevnik (1922–1935). (Vol. 12. Diary (1922–1935))*; Т. 13. *Dnevnik (1936–1969). (Vol. 13. Diary (1936))*. Т. 15. *Pis'ma (1926–1969). (V. 15. Letters (1926–1969))*. Moscow: TERRA-Knizhnyj klub. (In Russ.)].

УДК 81; 372.881.1

Л. В. Великолуг

кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка, переводческий факультет, Московский государственный лингвистический университет; e-mail: kaplichlarissa@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Межкультурная коммуникативная компетенция включает знания отраженных в языке норм и традиций общения представителей разных лингвокультур. Особую группу таких знаний составляют прецедентные феномены, которые являются важным элементом когнитивного пространства лингвокультурного сообщества и имеют определяющее значение для формирования культурной грамотности языковой личности. Лингвокультурологический анализ прецедентных феноменов следует рассматривать как эффективный способ формирования межкультурной коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: прецедентные феномены; лингвокультурологический подход; лингвокультурологический анализ; межкультурная коммуникативная компетенция; лингвокультурологическая компетенция; диалог культур; вторичная языковая личность.

L. V. Velikolug

PhD (Pedagogics), Associate Professor at the English language department, the Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University; e-mail: kaplichlarissa@mail.ru

LINGUOCULTURAL ANALYSIS OF PRECEDENT PHENOMENA AS A METHOD OF DEVELOPING INTERCULTURAL COMMUNICATIVE COMPETENCE

The article discusses the analysis of precedent phenomena within the linguocultural competence-oriented approach in language education focusing on the language as a phenomenon of culture. Precedent phenomena are essential elements of the cognitive database of linguocultural communities and comprise an integral part of the interlocutors' background knowledge, which is relevant to language users

as it indicates their worldview. The aim of the article is to prove the need to use the precedent phenomena analysis as one of the most effective means for developing the linguocultural competence of the language learner and preventing failures in cross-cultural communication.

Key words: precedent phenomena; linguocultural approach to language teaching; linguocultural analysis; intercultural communicative competence; dialogue of cultures; secondary language personality.

Прецедентность как лингвокультурное явление

В современной лингводидактике стратегическая цель обучения иностранным языкам видится в формировании межкультурной коммуникативной компетенции, одной из составляющих которой является лингвокультурологическая компетенция. Последняя включает лингвокультурные знания, отражающие ценности и нормы, действующие в данной лингвокультуре, т. е. интракультурную компетенцию, и знание общих лингвокультурных норм, правил, традиций других лингвокультурных общностей [Халупо 2012; Стаценко, Баскова 2014]. Обмен информацией друг о друге между представителями разных лингвокультур – неперемное условие полноценного взаимодействия в процессе общения, так как обоудный код, который лежит в основе речевой коммуникации, включает систему необходимых фоновых знаний, облегчающих восприятие высказывания [Тер-Минасова 2000]. Невладение лингвокультурным кодом может привести к нарушению коммуникативных норм общения. Одна из групп коммуникативных ошибок связана именно с использованием культурем – этнолингвистических единиц, символов национальной культуры, фиксирующих культурно-исторический опыт социума [Должикова 2011]. Особую группу таких знаков, или символов, культуры составляют *прецедентные феномены* – феномены, имеющие надличностный характер, хорошо известные представителям национального лингвокультурного сообщества, обладающие признаками актуальности и рекуррентности, значимые для коммуникантов с точки зрения когнитивной оценки ситуации, полученной информации и эмоционального опыта [Караулов 1986; Должикова 2011]. Это знания, входящие в когнитивную базу коммуникантов, позволяющие ориентироваться в пространстве соответствующей культуры и создавать ассоциации с тем или иным фактом из когнитивной базы

человека, имеющие познавательную и эмоциональную значимость [Гудков 1999].

К прецедентным феноменам относят тексты, принадлежащие мировому культурному наследию (например, «Сага о Форсайтах»); высказывания, цитаты (например, *Быть или не быть*); имена, связанные с прецедентным текстом или ситуацией (например, *Титаник*, *Рокфеллер*); ситуации, характеризующиеся определенным набором коннотаций (например, *Варфоломеевская ночь, 11 сентября*), образы (например, собирательный образ *Робина Гуда*), артефакты (например, плакаты *Ты записался добровольцем?, I want you for US Army!*). Различают национальные прецедентные феномены, т. е. феномены, известные представителям определенного национального лингвокультурного сообщества и транснациональные, или универсальные, феномены, входящие в универсальное когнитивное пространство [Караулов 1986; Гудков 1999; Должикова 2011]. Кроме того, выделяют также социумно-прецедентные феномены, известные представителям определенного социума [Должикова 2011].

Культурная значимость передаваемой прецедентными феноменами информации определяется тем, что они входят в коллективные фоновые знания лингвокультурного сообщества и являются важным элементом культурной грамотности языковой личности. Будучи мощным источником лингвокультурных знаний, прецедентные феномены позволяют создавать базу для овладения языком как средством межкультурной коммуникации. Следовательно, лингвокультурологический анализ прецедентных феноменов, вербальных и невербальных (например, живописи), во всей входящей информации – текстах, новостях, фильмах, подкастах – можно считать эффективным способом формирования лингвокультурологической компетенции и усвоения реалий иноязычной культуры.

Прецедентные феномены в практике обучения иностранному языку

Как известно, большое значение в подготовке студентов лингвистического вуза придается работе с текстами, так как именно текстовая деятельность, требуя обращения к социальному, культурному, историческому контексту, представляет собой подлинный механизм социокультурной коммуникации и, следовательно, способствует

формированию вторичной языковой личности. Тексты, прежде всего художественные, не только являются источником прецедентной информации из разных сфер, например, социальной, религиозной, научной и др., но и сами могут выступать как прецедентные феномены. Студенты занимаются разными видами и приемами анализа текста. На начальном этапе это анализ развития действия, работа над элементами сюжета для понимания содержания текста, а также проблемный анализ, предполагающий интерпретацию действий, поступков героев, обсуждение этических проблем, затронутых в произведении; и анализ художественных образов, связанный с восприятием главных героев (так называемые *character sketches*). На старших курсах добавляется стилистический анализ, в том числе анализ изобразительных средств языка. Большое значение приобретает филологическое и аналитическое чтение, которое включает практический и социокультурный аспекты изучения языка.

Лингвокультурологический анализ, как правило, присутствует на всех этих этапах в виде лингвокультурного комментария, предложенного авторами учебника, и представляет собой разъяснение фоновой информации, анализ реалий. Это комментарий для принятия к сведению, для пассивного восприятия и облегчения понимания текста, важнейшей категориальной характеристикой которого является интертекстуальность, т. е. способность контактировать с другими, предшествующими текстами. Цитаты, аллюзии, эпитафьи – всё это имеет колоссальное значение для понимания и осмысления прочитанного. существуя в контексте современной массовой культуры, компьютерной информационной среды, обрабатывая огромные потоки информации в поисках новых интересных фактов, студенты проявляют склонность к клиповому, фрагментарному, мышлению, пытаются уловить лишь суть и последовательность событий и, воспринимая текст через призму своего не очень богатого культурного опыта, упускают существенные смысловые компоненты текста. Так, например, в отрывке из произведения *Time of Hope* Чарльза Сноу говорится о том, что мать сравнивает возможность университетской карьеры сына с обретением земли обетованной (*Promised Land*) [Snow 1949]. Далеко не каждый студент обратил внимание на эту аллюзию и смог идентифицировать источник данного прецедентного феномена, объяснить суть сравнения и подобрать русскоязычный эквивалент. Пришлось напомнить

студентам, что обет – это обещание, и рассказать, что и кому было обещано, и как долго и почему пришлось ждать исполнения этого обещания. Другой пример – «тридцать сребренников» в отрывке из известной пьесы Лоррейн Хэнсберри «Изюминка на солнце», написанной в 1959 году, но до сих пор не потерявшей своей актуальности [Hansberry 2002]. Аллюзия была выявлена успешнее, символизм раскрыт, но подробности из текста-первоисточника восстановить студентам было трудно.

Отрывок из книги Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» вызвал у студентов недоумение по причине «древности» и неактуальности сюжета [Reed 1919]. Кто-то даже заметил, что «так мы скоро и до Крещения Руси дойдем». Но оказалось, что обсуждать прецедентное имя Ленина, являющееся носителем историко-культурной информации и вызывающее большое количество противоречивых ассоциаций, с сегодняшними студентами довольно интересно. Были привлечены невербальные прецедентные феномены: произведения живописи Сальвадора Дали («Шесть явлений Ленина на рояле», «Загадка Вильгельма Телля») и очень популярного у современного поколения андеграундного британского художника Бэнкси («Ленин на роликах»), не говоря уже об Энди Уорхолье («Красный Ленин», «Черный Ленин»), произведения которого современным студентам также хорошо известны. Кстати, популярным направлением в методике преподавания иностранных языков именно в рамках культурологического подхода является использование приема описания и обсуждения картин, фотографий, рисунков, поскольку визуальные образы усиливают восприятие языкового и речевого материала, расширяют культурный кругозор. Студентам было задано много вопросов, в том числе и провокационных, например, «Повесили ли бы вы *Красного Ленина* в своей комнате?»; «Зачем кому-то понадобилось покупать эту картину на аукционе за огромные деньги?» и др. Картины Сальвадора Дали вызвали много эмоций и спровоцировали различные интерпретации. Студенты с интересом обсуждали перипетии сложных взаимоотношений Дали с сюрреалистами, отношение последних к вождю пролетариата. Для иллюстрации описанных Д. Ридом событий студентам было предложено посмотреть недавно восстановленный, первый в истории кино, полнометражный документальный фильм Дзиги Вертова «Годовщина революции» и нашумевший в свое время телевизионный

сюжет-мистификацию «Ленин – гриб». Казалось бы, можно было остановиться, но не тут-то было. Культура щедро раскрывает свои объятия тем, кто проявляет к ней интерес. И мы с любопытством прочитали рассказ С. Моэма «Белье Мистера Харрингтона» [Maugham 1988], посмотрели экранизацию, сделали сообщение об отношении Моэма к русской революции. Затем, разумеется, возник Герберт Уэлс с отрывком «Кремлевский мечтатель» [Wells 1921] и неутомимый социалист Бернارد Шоу, назвавший СССР государством надежды, а западные страны, включая старую добрую Англию, странами отчаяния [Воронцова 2003]. О своих впечатлениях, сделанных выводах студенты увлеченно рассказывали по-английски, забывая о том, что они учат язык, перейдя, наконец, с вербально-семантического и тезаурусного уровней языковой личности на тот самый, заветный – прагматический, или мотивационный, на котором важны смыслы, ценности, установки, спор, полемика. Поняли, наконец, что стоит за известными прецедентными высказываниями «Десять дней, которые потрясли мир», «без аннексий и контрибуций» и всё еще актуальным афоризмом «Ленин жив», и что именно их поколению придется решать судьбу этого несчастного смертного, по непонятным причинам до сих пор выставленного на всеобщее обозрение в центре столицы цивилизованного демократического государства.

Как видно из приведенных примеров, в процессе восприятия, например, англоязычной речи часто встречаются проблемы, связанные с непониманием не только англоязычных, но и универсальных культурных явлений, которые являются связующим звеном между лингвокультурами взаимодействующих языков – английского и русского. На одном из занятий, вспоминая разницу в употреблении прилагательных *gold* and *golden*, студенты приводили примеры словосочетаний, например таких, как *золотое руно* и *золотой телец*. Им было предложено вспомнить миф о золотом руне. Это самый сложный прецедентный текст с большим количеством труднопроизносимых на английском языке имен собственных, не говоря уже о замысловатом сюжете с комплексом сложных связей и мотивов. Был поднят внушительный пласт ксенонимов: *аргонавты*, *Ясон*, *Медея*, *Афродита*, *Колхида*, *Геллеспонт* и др. И как часто бывает, когда придаешь значение культурным смыслам и понятиям, буквально через несколько уроков *Геллеспонт* встречается нам в знаменитом тексте Теннесси Уильямса

Lord Byron's love letter [Williams 1945]. Но теперь уже не только герои пьесы, но и мы – читатели – понимаем, о чем идет речь, так как нам знаком этот прецедентный феномен, оказавшийся значимым для нас и в познавательном, и в эмоциональном аспекте.

Методология лингвокультурологического анализа прецедентных феноменов

Из приведенных выше примеров можно сделать вывод о том, что задачами лингвокультурологического анализа прецедентных феноменов является развитие следующих умений [Воршкевич, Казанникова 2016]:

- 1) выявлять в тексте прецедентные феномены, определять источник и тип прецедентного феномена;
- 2) интерпретировать заключенные в прецедентных феноменах сведения о культуре как страны изучаемого языка, так и универсальные культурные факты; раскрывать коннотативные значения;
- 3) анализировать взаимосвязь прецедентного феномена с событиями текста и замыслом автора, определять цель употребления лингвокультуремы в тексте;
- 4) сравнивать ценностные картины мира разных культур;
- 5) творчески использовать лингвокультурологические знания, употреблять прецедентные феномены в речи.

В соответствии с указанными выше задачами можно выделить следующие этапы лингвокультурологического анализа прецедентных феноменов [Линькова, Кадола 2014]:

- 1) выявление прецедентных феноменов в речи;
- 2) определение источника прецедентного феномена;
- 3) интерпретация культурных смыслов, передаваемых данным прецедентным феноменом;
- 4) анализ особенностей функционирования прецедентного феномена в данной ситуации;
- 5) формирование умений включать прецедентные феномены в собственный дискурс в соответствии с коммуникативными потребностями [Горовая, Горовая 2015].

Лингвокультурологическая компетенция формируется на этих этапах с помощью беседы, проблемных вопросов, создания проблемной ситуации, выполнения творческих работ и проектов.

Актуальным является вопрос отбора прецедентных феноменов из огромного множества. Причем речь идет, прежде всего, об отборе лексики и текстов, в которых можно выявить прецедентные феномены. В рамках спецкурсов по межкультурной коммуникации, согласно разработанной программе, отбираются темы, важные для той или иной специальности обучаемых, и соответственно, тексты и лексика. В рамках общего практического курса обучения иностранному языку необходимо уделять много времени формированию лингвистической компетенции, академическому письму, анализу текста, написанию эссе, развитию коммуникативных навыков в разных видах речевой деятельности. Что же остается на лингвокультурологическую компетенцию, и как расставить приоритеты? На помощь, безусловно, приходит упомянутый выше лингвокультурологический комментарий, на основе которого можно сделать соответствующий анализ текста. Прецедентные феномены нужно не просто «выуживать» из всех текстов, с которыми приходится работать, но следует научить студентов наблюдать, узнавать эти явления в любой входящей информации, заполнять лакуны, проводя самостоятельную исследовательскую работу, чтобы восприятие информации действительно носило познавательный характер и обогащало опыт реципиента. Это и есть настоящее академическое – филологическое и аналитическое – чтение. Отбор приоритетного материала следует осуществлять в соответствии с известными тематическим, частотным принципами, принципом учета коммуникативной ценности отбираемого материала, а также руководствуясь такими лингвокультурологическими принципами обучения иностранным языкам, как принцип аутентичности, функциональности, культурной вариативности, универсальности социокультурного опыта, культурной рефлексии и другими [Великолуг 2019].

Основной целью лингвокультурологического анализа является формирование способности интерпретировать культурные подтексты. Нет смысла в принудительном говорении или письме на те темы, о которых нечего сказать в силу отсутствия лингвокультурологического опыта. Следует сначала усвоить определенный объем знаний, для этого необходимо перерабатывать большое количество текстов, содержащих новую, в том числе и лингвокультурологическую информацию и лингвокультурные смыслы. Кроме того, нет смысла

принуждать к межкультурному взаимодействию, если нет межкультурного понимания, если не поняты, не распознаны культурные смыслы, не сформированы умения интерпретации экстралингвистических фактов и анализа лингвокультурных явлений. Таким образом, являясь необходимым условием приобретения экстралингвистических знаний, изучение прецедентных феноменов иноязычной культуры способствует овладению иностранным языком как средством межкультурной коммуникации, играет важную роль в формировании вторичной языковой личности и обеспечивает полноценный диалог культур в процессе межкультурной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/ REFERENCES

- Великолуг Л. В.* Лингвокультурологические принципы обучения иностранным языкам // Лингвострановедение: методы анализа, технологии обучения. Ч. 1. Языки в аспекте лингвострановедения / отв. ред. Л. Г. Веденина. М.: МГИМО-университет, 2019. С. 180–192. [Velikolug, L. V. (2019). Linguo-cultural Principles of Foreign Language Teaching (pp.180–192). In Vedenina, L. G. (ed.). *Lingvostranovedenie: metody analiza, tehnologii obuchenija. Part 1. Jazyki v aspekte lingvostranovedenija*. Moscow: MGIMO-universitet (In Russ.)].
- Воронцова Т. В.* В гостях у «старшего брата» // Литература. М.: Первое сентября, 2003. № 9. С. 10–12. [Voroncova, T. V. (2003). V gostyah u «starshego brata» (Visiting One's "Elder Brother"). *Literatura*, 9, 10–12. Moscow: Pervoe sentyabrya. (In Russ.)].
- Воршкевич Д. В., Казанникова Д. П.* Пособие по лингвокультурологическому анализу текста: учебное пособие; [электрон. текстовые данные]. М.: МПГУ, 2016. URL: <http://www.iprbookshop.ru/70013.html>. ЭБС «IPRbooks». [Vorshkevich, D. V., Kazannikova, D. P. (2016). *Posobie po lingvokul'turologicheskomu analizu teksta (Linguocultural text analysis)*. Textbook. Moscow: MPGU. (In Russ.)].
- Горова И. Г., Горова Н. Н.* Роль прецедентных феноменов в формировании вторичной языковой личности // Вестник ОГУ. 2015. № 11 (186). С. 65–70. [Gorovaja, I. G., Gorovaja, N. N. (2015). The Role of Precedent Phenomena in the Formation of the Secondary Language Personality. *Vestnik of OSU*, 11(186), 65–70 (In Russ.)].
- Гудков Д. Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во МГУ, 1999. [Gudkov, D. B. (1999). *Precedentnoe imja i problemy precedentnosti (The Precedent Name and the Problem of Precedence)*. Moscow: Publishing house of Moscow State University. (In Russ.)].

- Должикова С. Н. Прецедентные феномены в английском языке // Сфера услуг: инновации и качество. 2011. № 2. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25688509>. [Dolzhikova, S. N. (2011). Precedentnyye fenomeny v anglijskomazyke (Precedent Phenomena in the English Language). *Services sector: inoovationa and quality*, 2. <https://elibrary.ru/item.asp?id=25688509> (In Russ.)].
- Караулов Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: доклады советской делегации на VI Конгрессе МАПРЯЛ. М., 1986. С. 105–125. [Karaulov, Ju. N. (1986). Rol' precedentnyh tekstov v strukture i funkcionirovanii jazykovoj lichnosti (The Role of Precedent Texts in the Structure and Functioning of the Linguistic Personality, pp. 105–125). *Nauchnye tradicii i novye napravlenija v prepodavanii russkogo jazyka i literatury: Soviet delegation lectures at the 6th MAPRYAL Congress*. Moscow. (In Russ.)].
- Линькова М. В., Кадоло Т. А. Лингвокультурологический анализ прецедентных текстов на материале социальных сетей // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2014. № 7. С. 55–59. [Linkova, M. V., Kadolo, T. A. (2014). Linguistic and culturological analysis of precedent texts on the material of social networks. *Vestnik HGU named after N. F. Katanov*, 7, 55–59. (In Russ.)].
- Стаценко А. С., Баскова Ю. С. Проблемы формирования лингвокультурной компетенции на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе. Краснодар: КСЭИ (Кубанский социально-экономический ин-т), 2014. [Stacenko, A. S., Baskova, Ju. S. (2014). Problemy formirovanija lingvokul'turnoj kompetencii na zanjatijah po inostrannomu jazyku v nezazykovom vuze (*The Problems of Linguocultural Competence Development in Foreign Language Teaching in Non-Linguistic Universities*). Krasnodar: KSJeI (Kubanskij social'no-jekonomicheskij in-t). (In Russ.)].
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие. М.: Слово, 2000. [Ter-Minasova, S. G. (2000). *Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija (Language and Intercultural Communication)*. Textbook. Moscow: Slovo. (In Russ.)].
- Халуно О. И. Взаимосвязь языка и культуры как основополагающий принцип формирования лингвокультурной компетенции // Вестник ЛГУ. 2012. Т. 1, вып. 1. С. 250–256. [Halupo, O. I. (2012). Vzaimosvjaz' jazyka i kultury kak osnovopolagajushhij princip formirovanija lingvokul'turnoi kompetencii (The Relationship between Language and Culture as the Fundamental Principle of Linguocultural Competence Development). *Vestnik LGU*, 1(1), 250–256 (In Russ.)].
- Hansberry L. A. Raisin in the Sun. New York: Random House, 2002 (first published 1959).

Reed J. Ten Days that Shook the World. New York: Boni and Liveright, 1919.

Snow C. P. Time of Hope, London: Faber & Faber, 1949.

Maugham W. S. Mr Harrington's Washing. In Maugham W. S. Sixty five short stories. London: Heinemann / Octopus, 1988. pp. 500–525.

Wells H. G. Russia in the Shadows. New York: George H. Doran Co., 1921.

Williams T. Lord Byron's Love Letter. In 27 Wagons full of cotton and other one act plays. New York: New Directions, 1945.

УДК 930.85

А. Я. Касюк

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры коммуникационных технологий
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: imoispn225@mail.ru

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ И ИДЕАЛЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Статья посвящена рассмотрению роли и значения духовно-нравственных ценностей и идеалов в системе национальной безопасности государства. Автором раскрываются составляющие духовного кризиса, поразившего современное общество; рассматривается значение образования и воспитания, национальной идеи в формировании духовно-нравственных ценностей человека. Основа экономической и политической стабильности любого государства в духовном развитии его народа, приоритете духовного над материальным.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности; духовно-нравственные идеалы; духовно-нравственный кризис; духовно-нравственная деградация; духовно-нравственное воспитание; ценностные приоритеты; национальная идея.

A. Ya. Kasyuk

PhD (History), Professor at the Department of Technological Communications,
Institute of International Relations and Social-Political Studies,
Moscow State Linguistic University; e-mail: imoispn225@mail.ru

SPIRITUAL AND MORAL VALUES AND IDEALS AS COMPONENTS OF NATIONAL SECURITY OF THE STATE

The article dwells on the role and significance of spiritual and moral values and ideals in the national security system of the state. The author researches the components of spiritual crisis that has struck contemporary society, and analyzes the importance of education and upbringing, of national idea in the shaping of moral and spiritual values of a personality. The basis for economic and political stability of any state is laid in people's spiritual development, in supremacy of the spiritual over the material.

Key words: spiritual and moral values; spiritual and moral ideals; spiritual and moral crisis; spiritual and moral degradation; spiritual and moral upbringing; value priorities; national idea.

Введение

Постановка проблем национальной безопасности в России, да и в большинстве стран мира опирается преимущественно на

материальный базис и его ресурсы. При этом по умолчанию игнорируется то, что принято называть морально-духовным потенциалом народа. И с научной, и с практической точек зрения это вряд ли можно считать верным.

Для государства во все времена решающую роль играло единство обоих составляющих его основу элементов как материального базиса, так и, соответственно, духовной надстройки. Можно было бы привести немало исторических примеров, которые бы подтверждали тот факт, когда духовный фактор в критически сложившихся с точки зрения материальных ресурсов для данного государства условиях решал исход, в том числе военного, противостояния и обеспечивал победу. Если это так, то возникает вопрос: сформировало ли государство ту систему духовных и морально-нравственных ценностей, которые могли бы составлять надстроечный элемент его конструкции? Ответ на этот вопрос со стороны любого государства вряд ли будет положительным. И это объяснимо. Причина, как нам представляется, в России заключается в том, что многих отпугивают те положения статей 13 и 14 Конституции Российской Федерации, где признается идеологическое многообразие и сказано, что «никакая идеология и религия не могут устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [Конституция Российской Федерации 2020]. Но если Россия (впрочем, как и бывшие советские республики) была в прежние времена и остается сегодня многоконфессиональным государством, то для соблюдения равноправия традиционных религий такой плюрализм вполне объясним, более того, необходим. Значительно сложнее с идеологией как системой взглядов и идей, определяющих мировоззрение, мировосприятие человека и его отношение к окружающему миру. Здесь мы, по-видимому, оказались в плену старых стереотипов, существенно ограничивающих возможности нашего выбора: либо коммунистическая, либо буржуазная идеология. Иной возможности «архитекторы» нового социального строя России увидеть не смогли. Поэтому и предложили: ни то и ни другое, а идеологическое многообразие.

Духовно-нравственная сфера деятельности человека

Существует идеология политики и идеология экономики, идеология интеллигенции и идеология науки и т. д. Так почему же не

поставить и, соответственно решить вопрос об идеологии духовной (морально-нравственной) сферы деятельности человека – совокупности тех идей, которые составляют традиционную систему духовных ценностей любого народа? В этой связи закономерно возникает вопрос: имеется ли у нас на сегодняшний день система четко сформулированных духовно-нравственных ценностей и идеалов? Имеется в виду система, которая бы четко обрисовывала контуры духовной составляющей идеологии и основу морального потенциала населения страны. Однозначный ответ на данный вопрос мы вряд ли получим.

Попытка сформулировать нравственный кодекс гражданина страны была предпринята в нашей недалекой истории практически полвека назад – в 1961 г. Речь идет о Моральном кодексе строителя коммунизма – своего рода 12 нравственных заповедей. Естественно, для того времени они были весьма политизированы и односторонне идеологизированы. Но, тем не менее, это был тот случай, когда государство вынуждено было воспользоваться духовно-нравственными ценностями церкви. Когда перед политическими консультантами ЦК КПСС, работавшими над третьей программой партии, была поставлена задача в сжатые сроки подготовить текст кодекса, они взяли за основу выдержки из Священного Писания.

Мы все являемся выходцами из одной семьи – из Советского Союза, где основной философский постулат базировался на утверждение К. Маркса: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [Маркс и Энгельс 1959, с. 7]. Именно поэтому мы никак не можем отказаться от постулатов материалистической марксистско-ленинской философии, которая утверждает, что материя первична, а сознание вторично. И при этом мы не учитываем, что Священное Писание гласит: «Вначале было слово» [Евангелие 2006], т. е. четко определен приоритет духовного перед материальным. Как указывал духовный лидер Индии Махатма Ганди: «Человек сделан из трех составляющих: тела, ума и души. Из них только душа постоянна. Благодаря ей действуют ум и тело» [Ганди 2016]. Глобальный кризис, которому в настоящее время подвержены все страны мира во всех сферах их жизнедеятельности (экономической, финансовой, демографической, экологической) является, в первую очередь, кризисом духовным. Кризисом, порожденным отрывом людей от тех истоков, которые столетиями питали

их духовные силы, моральные и нравственные устои: милосердие, добро, гуманизм, справедливость, любовь.

В XXI веке люди столкнулись с необходимостью решать целый ряд новых проблем: истощение запасов природных ископаемых, энергетический кризис, загрязнение окружающей среды, глобальное потепление, неизвестные ранее болезни. Ключом к решению перечисленных выше проблем современного мира являются духовно-нравственные ценности и идеалы человека, его образовательный, интеллектуальный уровень. Однако, если до XVIII в. образование и в России, и в мире в целом служило духовно-нравственному совершенствованию человека (почему первыми в университетах были теологические факультеты), и только во вторую очередь учитывало его земные интересы, то начиная с XVIII в. образование в качестве основного ориентира выбрало, в первую очередь, подготовку человека к осуществлению его земной, профессиональной, деятельности. Вместе с тем нельзя не учитывать тот факт, что такой односторонний подход с каждым днем всё дороже обходится как самому человеку, так и всему обществу.

К глубокому сожалению, до настоящего времени не находит понимания у большинства населения всех стран тот факт, что духовно-нравственные проблемы по своей сути значительно серьезнее всех возникающих материальных проблем, это касается в том числе и вопросов обеспечения национальной безопасности государства. Возможно, только пандемия коронавируса, наконец, повернет наше сознание в другую сторону. Вопросы духовности при их насыщенности и противоречивости всегда были и будут самыми важными для человека. Ф. М. Достоевский в журнале «Дневник писателя» советовал нам искать выход из любых кризисных ситуаций в «оздоровлении корней», оказании духовно-нравственной помощи народу: «Самый главный корень, который предстоит непременно оздоровить, – указывал он, – это, без сомнения, всё тот же русский народ ... я разумею лишь духовное оздоровление этого великого корня, который есть начало всему» [Достоевский 1995, с. 485].

Исследователи на Западе поставили вопрос о том, что является главным необходимым условием выживания нации в современном мире. Ответ получился однозначным. Выжить может только та нация, которая имеет свою достаточно сильную систему образования.

Становление современного человека немислимо без образования. Российская система образования сегодня находится в стадии реформирования, в значительной мере переосмысления целей, задач, форм и методов подготовки подрастающего поколения. В этих условиях основной проблемой, которую предстоит решать в ближайшее время как государству, так и обществу в целом является комплекс вопросов, связанных с духовно-нравственным воспитанием молодежи. Такая постановка вопроса обусловлена целым рядом возникших объективных причин. В первую очередь имеются в виду изменяющиеся материальные условия жизни населения, что не может не находить отражения на нравственных и, соответственно, поведенческих реакциях большинства граждан и в первую очередь молодежи. Серьезным образом подверглась деформации сама существующая до последнего времени система ценностей и идеалов. В этих условиях, к глубокому сожалению, в силу своей неопытности и просчетов в системе образования и воспитания самой восприимчивой ко всем этим негативным влияниям оказалась молодежь. Как заявил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл 11 ноября 2009 года на заседании Президиума Российской академии образования: «Роль педагога, его нравственный и профессиональный авторитет имеет ключевое значение в деле формирования человеческой личности. Поэтому в систему подготовки современных преподавателей и воспитателей должно быть включено лучшее из нашего национального и мирового опыта и, не в последнюю очередь, нравственное измерение, создающее целостную и этически ответственную личность»¹.

Предшествующий XX век принес всему человечеству не только выдающиеся достижения во всех областях науки, технического прогресса, колоссального скачка в развитии технологий, – чего стоил только полет в космос первого в мире человека Юрия Гагарина. Вместе с тем это был век растущей поляризации как самих государств, так и их граждан. Причем эта поляризация – разрыв в доходах самых богатых и самых бедных граждан – с каждым годом всё больше увеличивается, а с ними растет и нравственная деградация как отдельных личностей, так и всего человеческого общества.

¹ Слово Святейшего Патриарха Кирилла на заседании президиума Российской академии образования. Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/934483.html>.

Если эпоха Просвещения в качестве высших человеческих ценностей рассматривала творчество, любовь к ближнему, разум, долг перед Отечеством, то глобализация стремится нивелировать все культурные и религиозные различия стран и народов, «стричь всех под одну гребенку». Вопрос о сущности истины становится всё более субъективным. Достижения, значимость конкретного человека всё в большей степени стали измеряться уровнем его материального благополучия, капиталом, счетами в банках, вытеснив таким образом на второй план идеалы, нравственные и духовные ценности.

В свое время Аристотель сказал знаменитую фразу «Природа не терпит пустоты» [Серов 2005] (потом ее почему-то стали использовать в качестве цитаты Ф. Энгельса). Если государство, общество не будет постоянно, ежедневно, уделять внимание духовно-нравственному воспитанию, то эту работу будут выполнять другие люди, ставящие перед собой совершенно другие, главным образом корыстные, цели и задачи. Большинство проблем, с которыми сталкивается современное общество, являются следствием разразившегося духовного кризиса, основу которого составляют:

- обесценивание традиционных человеческих ценностей, являвшихся во все времена критериями нравственности (честность, порядочность, трудолюбие, образованность, доброта, воспитанность);
- переход нравственно значимых интересов и увлечений молодежи в сферу досуга, развлечений;
- культ потребления и т. п.

«Если Бога нет, – то всё можно!» – такую характеристику бездуховному мировоззрению давал еще Ф. М. Достоевский.¹ Вера – это не только культ, но и свод моральных норм, единый для всех религий. Еще со времён Сократа и Платона идет традиция выделения четырех кардинальных человеческих добродетелей: мудрость (рассудительность), справедливость, мужество, умеренность [Платон 1994]. Недаром Конфуций советовал своим ученикам: «Попытайтесь быть хотя бы немного добрее, и вы увидите, что будете не в состоянии совершить дурной поступок» [Конфуций 2013].

¹ Фраза: «Если Бога нет, все позволено», – крылатое выражение, приписываемое Ф. М. Достоевскому, которое обычно связывают с романом Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

В настоящее время Российская Федерация находится на переломном этапе определения приоритетов в области образования и воспитания молодежи. То, что родители, несмотря на существенно увеличившиеся финансовые затраты на обучение детей в вузах, стремятся во что бы то ни стало дать им высшее образование, свидетельствуют данные социологического исследования, в соответствии с которыми 71,7% родителей готовы вкладывать в образование детей все имеющиеся у них, часто последние, средства¹. Во многом это связано с постепенным пониманием того, что и личное благополучие, и процветание государства, научный и технический прогресс самым непосредственным образом связаны с образовательным, культурным, нравственным и духовным уровнем всего населения. Вместе с тем данная тенденция наталкивается на всё еще преобладающее в значительной массе населения потребительское понимание жизненного процесса, стремление к узкой специализации, отсутствие нравственных корней в поведенческой деятельности, всё то, за что в течение веков наши прогрессивные отечественные умы подвергали критике процессы, преобладающие на Западе. К числу наиболее опасных тенденций, доминирующих в современном обществе, относятся:

- преобладание в сознании значительного числа граждан необходимости стремиться к материальному благополучию, личному неограниченному богатству, продвижению по служебной лестнице, реализации политических амбиций, карьерных устремлений;
- снижение значимости у молодежи роли и значения необходимости создания и укрепления семьи, культивирования семейных ценностей, уважительного отношения к старшим, в первую очередь, к своим родителям;
- утрата многими людьми традиционных представлений о совести, чести, личном достоинстве, цели и смысла жизни, веры в будущее;
- снижение в целом понимания понятий, связанных с нравственностью, необходимостью соблюдения этических принципов и норм поведения, обращения с другими людьми.

¹ Звездина П. Родители российских школьников не захотели для своих детей работы в науке // РБК. Общество: [официальный сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/society/16/05/2019/5cdbe5fd9a7947fcd8559908>.

Духовно-нравственный кризис – одна из главных проблем и угроз не только духовного уровня развития страны, но и национальной безопасности любого государства, в том числе и России. Как указывал еще Наполеон Бонапарт: «Упадок нравов – это гибель государства как политического целого» [Бонапарт 2014, с. 131]. Общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров.

Без «реанимации» духовно-нравственных традиций России не удастся решить задачи модернизации страны. О роли и значения традиционных ценностей для современного российского общества неоднократно в своих выступлениях указывал Президент Российской Федерации В. В. Путин: «Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп: милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи, – дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились. Мы должны всецело поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение» [Путин 2012]. Таким образом, на официальном уровне вопрос о традиционных ценностях поднимался и поднимается не только концептуально, но и регулярно. Так, в Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года уже ранее названные ценности дополнены человеколюбием, справедливостью, честью, совестью, волей, личным достоинством, верой в добро, стремлением к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством [Распоряжение 2015].

Гражданам нашей страны на всех исторических этапах всегда были свойственны такие черты характера как коллективизм, взаимопомощь, идейное и духовное единство, что на протяжении столетий способствовало единению и сплочению многонационального и многоконфессионального государства. Попытки пересмотра и ослабления этих ценностей, подрыва единства и сплоченности народов, населяющих Российскую Федерацию являются одной из главных угроз национальной безопасности. 31 декабря 2015 г. Владимир Путин подписал Указ № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». В документе подчеркивается, что сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей – одно из важнейших условий национальной безопасности России. К таким ценностям в документе

относится приоритет духовного над материальным. В документе также указывается, что одной из стратегических целей обеспечения национальной безопасности является «сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности»¹.

Проблемы, с которыми сталкиваются сегодня люди в нашей стране, в подавляющем большинстве базируются на основе бездуховности. Сегодня вы практически ни в газетах или журналах, ни в передачах по радио или с экранов телевизоров не сможете встретить людей, на которых прежде равнялась вся страна – ученых, космонавтов, инженеров, рабочих, сельских тружеников, офицеров; вместо них насаждение правового нигилизма, вседозволенности, культ насилия и морального уродства. В результате резкого снижения духовно-нравственных критериев жизни Россия занимает сегодня одно из первых мест по числу сирот, количеству разводов, самоубийств, аборт, криминалу, насилию, уровню смертности от потребления алкоголя и наркотиков. Коррупция, наркомания, алкоголизм, гомосексуализм и иные извращения; кризис семейных отношений, демографическая катастрофа; экологические бедствия, утрата смысла жизни, – всё это результат духовного кризиса, разрушения традиционных ценностей.

Национальная идея – фундамент формирования духовно-нравственных идеалов

Идеалы любого народа тесным образом связаны с его национальной идеей. Национальная идея присуща практически любой стране мира. От того, насколько она гармонирует с душой народа, его интересами, запросами и чаяниями, зависит успешность реализации его государственности.

Вопрос о национальной идее России имеет многовековую историю. Он столь же важен для нашей страны, как вопрос о смысле жизни для каждого гражданина. Без четкого ответа на вопрос о национальной идее государства, его цели, ценностях жизненная энергия, успех становятся труднодостижимыми для большинства граждан. Россия всегда

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391>.

находилась, да и продолжает находиться на границе двух великих цивилизаций: западной и восточной, одновременно являясь одним из важнейших мостов между ними. В то же время Россия всегда имела собственную, отличную от других народов историческую судьбу. Россия как особый социум не могла и не может нормально функционировать и развиваться без выработки, без принятия национально-государственной идеи и ее последующего развития. «Русский человек без идеи, – это дрянной человечиска», – писал Ф. М. Достоевский [Максимов 2017]. Пока что Россия, с точки зрения обретения национальной идеи, находится в стадии блуждания. Национальная идея – это краткая формула, отражающая основные чаяния народа. В царской России это был лозунг: «За Бога, Царя и Отечество!». После Революции 1917 года национальной идеей являлось построение социалистического общества, а впоследствии в советское время: «Наша цель – коммунизм».

В 2004 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин на встрече со своими доверенными лицами заявил, что национальной идеей России является конкурентоспособность. В 2011 г. в интервью журналу *VIP-Premier* В. В. Путин назвал национальной идеей «сбережение народа», процитировав Александра Солженицына. 3 февраля 2016 г. В. В. Путин во время встречи с активом «Клуба лидеров по продвижению инициатив бизнеса» заявил: «У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма»¹. Определение патриотизма в качестве национальной идеи России в настоящее время нашло очередное подтверждение в интервью В. В. Путина телепрограмме «Москва. Кремль. Путин» на канале «Россия 1» 10 мая 2020 года (*URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2020/05/10/n>*).

Доктор философских наук А. И. Субетто в своей книге «Слово о русском народе и русском человеке», в частности, пишет: «Все «русские идеи» в разные исторические периоды в развитии России ... являлись в той или иной мере устремлениями России, российского общества, русского народа к правде, справедливости, любви, к добру человеческого бытия, к доминанте соборности, дружбы, кооперации, сотрудничества, взаимопомощи, духовного начала жизни ... над материальным, над деньгами и стремлением к обогащению, к наживе» [Субетто 2013,

¹ Встреча с активом Клуба лидеров. Официальные сетевые ресурсы Президента России. События. 2019. 3 февраля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51263>.

с. 190]. Одна из основных причин духовного кризиса в нашей стране, потеря смысла жизни определенным количеством людей. Значительное количество жителей России не верят в завтрашний день и не хотят думать о нем. Согласно опросам социологов из «Левада-центра», без малого половина жителей страны (46%) «не знают, что будет даже в ближайшие месяцы», еще треть (33%) может планировать лишь «на 1–2 года вперед». И только 5% населения способны строить планы «на много лет вперед» (*Московский комсомолец*, 20.06.2017). Не так давно руководитель Всероссийского центра изучения общественного мнения Валерий Федоров следующим образом описал данную проблему в своем интервью: «Мы боимся будущего <...>. Мы не считаем, что завтра будет лучше, чем сегодня. Будущее повернулось к нам своей темной стороной. Будущее, как выяснилось, – это не прекрасные технологии, не красивые авиалайнеры или электромобили... Будущее – это потоки беженцев, теракты, странные вероучения, безработица, пугающее разнообразие, ситуация, когда твои навыки оказываются никому не нужны...» (*Ведомости*, 28.08.2016).

Всё происходящее в последние десятилетия в нашей стране, в том числе в ее экономике, во многом связано с тем, что громадные прибыли, получаемые олигархами, в первую очередь за счет экспорта природных ресурсов в сыром (непереработанном) виде (нефти, газа, леса, алюминия), вкладываются не в развитие отечественной промышленности, а на в покупку яхт, футбольных клубов, замков и т. п. Торговля природными ресурсами ведет к дальнейшему сверхобогащению российских долларовых миллиардеров, а также высших чиновников и дальнейшему обнищанию значительной массы населения России. Разница в доходах самых богатых и самых бедных слоев населения страны в 2018 г. составляли 1:15,3¹.

Социальная справедливость в обществе, а вместе с ней нравственность и духовность могут быть реализованы только в условиях установления разумных границ личного потребления для каждого гражданина в государстве, – создание надежной системы медицинского обеспечения для всего населения независимо от места проживания и занимаемой должности, возможности получения качественного образования любого уровня всеми молодыми людьми в стране. Вся по-

¹ Доходы населения России // Wikipedia: [официальный сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Доходы_населения_России.

литическая деятельность на всех уровнях в стране должна быть мысленно и в практических действиях четко направлена на достижение реальной и справедливой социальной системы. Необходимо приложить все усилия для того, чтобы незаслуженно полученные сверхприбыли отечественных монополий направлялись на улучшение жизни средних имущественных слоев и неимущих граждан общества; всех, кто занимается созидательным и высокопроизводительным трудом. Именно таким путем добиваются стратегической политической устойчивости и благополучия развиты капиталистические государства. Примером может служить опыт шведских социалистов, сумевших добиться для граждан своей страны высочайшего уровня социального равенства и высокого уровня жизни.

Заключение

Ставка государства в XXI в. только на экономическую мощь и военное превосходство все в большей мере показывает свою ошибочность и бесперспективность. Единственным инструментом, который способен в значительной мере остановить процесс дальнейшего раскола цивилизаций, сблизить народы и страны, отличающиеся самыми различными политическими, религиозными, социальными убеждениями – нравственные, духовные ценности и приоритеты. Поэтому в современных условиях очень важной представляется необходимость духовного и нравственного развития нашего народа, ибо только они могут служить основой для экономической и политической стабильности и тем самым укрепить национальную безопасность нашего государства – Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бонапарт Н.* Путь к империи. М.: ЭКСМО, 2014. [Bonaparte, N. (2014). *Put k imperii (Road to Empire)*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)].
- Ганди М.* Эксперимент с истиной. Афоризмы. М.: Эксмо-Пресс, 2016. URL: <https://aphorism.ru/comments/4znidt9otv.html>. [Gandhi, M. (2016). *Eksperiment s istinnoi. Aforizmy. (The Story of My Experiments with Truth. Aphorisms)*. Moscow: Eksmo-Press. <https://aphorism.ru/comments/4znidt9otv.html>. (In Russ.)].
- Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 14. СПб.: Наука, 1995. [Dostoevsky, F. M. (1995). *Sobraniye sochineniy. (Collected Works): in 15 vols. Vol. 14.* St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)].

- Евангелие от Иоанна. М.: Пролог, 2006. [Yevangeliye ot Ioanna. (2006). (*The Gospel of John*). Moscow: Prolog. (In Russ.)].
- Конституция Российской Федерации. М.: Омега-Л, 2020. [Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. (2020). (*Constitution of the Russian Federation*). Moscow: Omega-L. (In Russ.)].
- Конфуций. Великие изречения. М.: АСТ, 2013. [Confucius. (2013). *Velikiye Izrecheniya. (Great Quotes)*. Moscow: AST. (In Russ.)].
- Максимов Л. Национальная идея и национальная идеология России. 25.03.2017. URL: <https://www.proza.ru/2017/03/25/1790>. [Maksimov, L. *Natsionalnaya ideya i natsionalnaya ideologiya Rossii. (Russia's National Idea and National Ideology)*. 2017. 25 March. <https://www.proza.ru/2017/03/25/1790>. (In Russ.)].
- Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 13. 2-е изд. М.: Политиздат, 1959. [Marx, K., Engels. F. (1959). *Sobranie sochinenij. (Collected Works, 2nd ed., vol. 13)*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)].
- Платон. Государство. Соч.: в 4 т. Т. 3. Книга четвертая. М.: Мысль, 1994. [Plato. *Gosudarstvo. (The Republic)*. Soch.: in 4 vols. Vol. 3. *Kniga chetvertaya*. Moscow: Mysl. (In Russ.)].
- Путин В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию. Официальные сетевые ресурсы Президента России. 12 декабря 2012. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118>. [Putin, V. *Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu. Official Internet resources of the President of Russia*. 2012. 12 december. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118> (In Russ.)].
- Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». Российская газета. 2015. 08 июня. URL: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> [Order of the RF Government issued 29.05.2015 No. 996-r “*Strategiya razvitiya vospitaniya na period do 2025 goda*”. (*The Strategy of Russia's Development Through 2025*). *Rossiyskaya gazeta*. 2015. 8 june. <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html>. (In Russ.)].
- Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2005. [Serov, V. (2005). *Enciclopedichesky slovar krylatykh slov i vyrazheniy. (An Encyclopedic Dictionary of Proverbial Words and Expressions)*. Moscow: Lokid-Press. (in Russ.)].
- Субетто А. И. Слово о русском народе и русском человеке. СПб.: Астерион, 2013. [Subetto, A. I. (2013). *Slovo o russkom narode i russkom cheloveke. (A Word on the Russian People and Russian Man)*. St. Petersburg: Asterion. (In Russ.)].

УДК 141

Е. Н. Соколова

кандидат философских наук, доцент кафедры английского языка, переводческий факультет, Московский государственный лингвистический университет; e-mail: sokelnik1@mail.ru

**КУЛЬТУРНЫЕ ОТРАЖЕНИЯ:
КОНСЕРВАТИЗМ И ПРАГМАТИЗМ АНГЛИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА**

Национальная культура является отражением многообразия отношений, практикуемых данным культурным сообществом на протяжении всего времени своего существования. Переработка и усвоение конкретной национальной культурой заимствований меняют контекст развития конкретной национальной культуры. Английские культурные отражения нельзя назвать доминирующим и среди других европейских заимствований в русской культуре конца XVIII – начала XIX вв., но они всегда были для России достаточно значимыми.

Ключевые слова: национальная традиция; культура; мировоззрение; англоманство; заимствования.

E. N. Sokolova

PhD, Associate Professor at English Department,
Faculty of Translation and Interpretating, Moscow State Linguistic University;
e-mail: sokelnik1@mail.ru

**CULTURAL REFLECTIONS:
CONSERVATISM AND PRAGMATISM OF ENGLISH TRADITION
IN RUSSIAN CULTURE BEGINNING OF XIX CENTURY**

National culture is a reflection of a variety of relationships practiced by the cultural community as long as it exists. Adoption and perception of borrowings by a concrete national culture changes dramatically the context of the national culture in question. English cultural borrowings, though never dominant among other European borrowings in the Russian culture in late 18th – early 19th century, have always been sufficiently important for Russia.

Key words: national tradition; culture; view of the world; anglomanstvo; borrowings.

Введение

На протяжении всех веков сосуществования национальные культуры постоянно находились во взаимодействии, не только не противопоставляя специфику мировоззренческого восприятия мира конкретных

народов, но и «впитывая» и усваивая первоначально чуждые для себя традиции и понятия. Культурные взаимодействия народов зафиксированы в самых разнообразных формах. Соответственно, инокультурные отражения в любой национальной культуре представляют особый исследовательский интерес, позволяющий продвинуться в понимании не только процессов взаимодействия различных культур, но и в понимании родной культуры в контексте исторической перспективы.

Отдельные эпохи в развитии всемирной истории являются особенно плодотворными в смысле взаимного проникновения и, следовательно, неизбежного взаимного влияния культур. Первая четверть XIX века – яркий тому пример. Анализируя это время позднее, Стендаль (М.-А. Бейль) писал: «Какая перемена произошла с 1785 по 1824 год, может быть, никогда еще не происходило столь резкой революции в привычках, понятиях, верованиях» [Стендаль 1978].

Развитие межкультурного диалога на фоне значительных исторических событий

Революционные потрясения, бурное развитие промышленности, административные и политические преобразования, ставшие результатом многочисленных военных кампаний, привели к значительным пертурбациям международного масштаба: на первый план политической карты мира выходит Великобритания. Хотя английские культурные отражения никогда не были доминирующими среди заимствований из других европейских культур, мимо них невозможно пройти. Так называемое англоманство вошло в моду в России еще в конце XVIII века: в Москве открывают быстро завоевавший популярность Английский клуб (основан в 1772 г. жившими в России англичанами), где собирались занимающие высокое положение в обществе люди, объединенные не только статусом, но и общностью интересов и передовых взглядов. Известным критиком русской национальной культуры был П. Я. Чаадаев, который писал: «Народ, личность которого ярче всех обозначилась, учреждения которого всего более отражают новый дух, – англичане, – собственно говоря, не имеют истории, помимо церковной. Последняя их революция, которой они обязаны своей свободой и благоденствием, а также вся цепь событий, которые привели к этой революции, начиная с Генриха VIII, не что иное как религиозное развитие. <...> Да и вообще, какой из народов Европы

не нашел бы в своем национальном самосознании ... этой особой черты, которая, как святой завет, была постоянным животворным началом, душой его социального бытия во все продолжение его жизни» [Чаадаев 1989, с. 31].

Особенность эпохи начала XIX века, когда прежний культурный лидер – Франция стремительно теряла свои позиции в водовороте революционных потрясений и военных авантюр тирании, заключалась в том, что Великобритания всё больше отождествлялась со Свободой, со страной, которая, по мнению У. Томсона: «не покоришься ты заносчивым тиранам» [Wilson 1955]. Ориентированность на народ, представители которого, согласно Р.У. Эмерсону, «... одни заслуживают свободы» [Wolfitt 1954], становится естественным. Кроме того, изменившиеся в результате войны 1812 г. обстоятельства внутри самой России способствовали укреплению интереса к рачительному, проверенному многовековыми традиционными практиками укладу хозяйствования, бытовавшему в Великобритании. Консервативность, строгая приверженность традициям, не помешавшие бурному развитию самой передовой в начале XIX века промышленности, привлекают все больше поклонников в России, только находящейся в начале динамичных преобразований.

«Мода» на своеобразную «смесь» «ревностного патриотизма, крайнего индивидуализма и благородной, а порой и надменной сдержанности» [Бартон 2005] становится все более распространенной. Например, А. С. Пушкин, хоть и не был ярым англоманом, но в своих произведениях апеллирует к «английскости», популяризируя всё, связанное с этой далекой страной.

Согласно П. Сорбье, британцы «понимают искусство жизни как умение жить без принуждения и, не изнуря себя работой» [Wilson 1955]. Ставшее, по сути, штампом представление, что «в Англии во всем равняются на человека» [Jenks 1927], является лейтмотивом англо-русских культурных отражений.

Англоманство и его проявления в культуре

Великобритания, являющаяся родиной Вестминстерской системы парламентаризма, практикуемой и в современном мире, провозглашает принципы политических свобод личности, которые рачительно находят свое отражение в индивидуальном либерализме, сосредоточенном

на прагматическом взаимоотношении индивида и державы, результатом которых становится достижения индустриальной революции. Экономический рост, основанный на высоком уровне разделения труда и развитии специализации, видимо повышает уровень жизни. Великобритания становится примером для подражания для многих стран мира: «Во Франции XVIII столетия образованные люди, резко выступая против устаревшего, продажного и слабого деспотизма, рассматривали Англию как родину свободы...» [Рассел 2007, с. 757].

В России начала XIX в. было немного известных людей, слепо копировавших новшества других культур, но нельзя отрицать явную симпатию многих людей к передовым идеям британского парламентаризма того времени и связанными с ними практиками хозяйствования. Например, Н. С. Мордвинов – известный русский государственный деятель, или же сменивший его на посту морского министра П. В. Чичагов, симпатизировавший английским традициям. И Н. С. Мордвинов, и П. В. Чичагов учились в Великобритании, плавали на английских судах, хорошо знали британский флот. Н. С. Мордвинов был главой Департамента экономии Государственного совета. Он также активно участвовал в разработке многих налоговых и финансовых проектов.

Среди поклонников английского образа жизни был и Михаил Катков, главный редактор «Русского вестника», а затем «Московских ведомостей». Проводниками либеральных идей хозяйствования были, например, А. Г. Бобринский и К. Г. Разумовский. Известными англоманами были адмирал Н. С. Мордвинов, сверстник и товарищ Павла I по детским забавам, и друг А. С. Пушкина, дипломат Н. И. Кривцов. Русский промышленник, С. И. Мальцов, побывав за границей, стал убежденным сторонником постройки в России железных дорог. Продукция предприятия была очень высокого качества, хотя потом заказ был передан британским поставщикам. Первая железная дорога была выполнена по английскому образцу.

«Англичане превосходят всех в набожности, свободе и торговле» [Бартон 2005, с. 7] и представляют собой пример вдохновляющего лидерства, когда возможности безграничны, поскольку зависимы только от энергии незаурядных личностей. «Благопристойный дом, умеренный климат и сдержанный, рассудительный народ. С точки зрения искусства это не лишено недостатков. У англичан нет Баха, нет Бетховена, нет Брамса. Нет Микеланджело, Тициана, Рембрандта, Дюрера

или Грюневальда. В церквях нет огромных фресок, а во дворцах хоть и есть, но плохие; однако есть прелестные акварели и миниатюры, произведения небольшого размера, а в Средневековье есть изящно вырезанные розетки и капители вместо нечеловеческих размеров драматических фигур святых на порталах французских церквей. Англия также дала немало художников-любителей – от незамужних тетушек до премьер-министров; а чтобы остаться любителем, художнику обязательно жертвовать всей жизнью ради неперемногого удовлетворения непреодолимой страсти к самовыражению. Любитель вообще более типичен для Англии, чем профессионал, а это не так уж плохо», – писал Н. Певзнер [Певзнер 2004].

Особенно притягательными являются примеры, на первый взгляд, взаимоисключающих тенденций, столь характерных для английской традиции в целом, а именно – консерватизм и традиция здесь не только не противоречат, а вступают в плодотворное сотрудничество с новацией и прогрессом. Например, преобразовывая и обживая пространство, англичане скорее приспособливают его под себя, нежели пытаются соподчинить отдельные его части, что неизбежно привело бы к разрушению идеи целого. Организация пространства, в том числе и закрытого, когда, например, планируют жилое помещение или садовое пространство, должна быть абсолютно функциональна, иначе идея не будет реализована. Логика очень проста: во главу угла ставится рациональность. Рационализм, будучи одной из ценностей среднего класса, становится одним из впечатков времени и невероятно востребован в начале XIX века. Прагматичный подход к организации пространства, где во главу угла ставятся целесообразность и практичность, а не эстетика, является исчерпывающей характеристикой организации быта применительно к Англии исследуемого периода. Ф. Бэкон в «Рассуждении о строительстве» объяснял это следующим образом: «Дома строят для того, чтобы в них жить, а не для того, чтобы ими любоваться; в силу этого следует отдавать предпочтение полезности перед единством облика, за исключением тех случаев, когда возможно достижение и того, и другого. Пусть для красоты возводятся лишь наделенные волшебной силой дворцы поэтов, которые стоят недорого» [Певзнер 2004, с. 146].

Индивидуалистическая ценностная система находит много приверженцев в многочисленной среди русских землевладельцев и помещиков,

открытых сознательной трансформации ориентиров хозяйствования. Подсмотренные у англичан и перенесенные на родную землю способы хозяйствования способствовали процветанию многих представителей знатных родов. Например, граф В. П. Орлов-Давыдов оставил своим наследникам солидный годовой доход, прекрасные пахотные земли и дома в Петербурге. В свое время он окончил Эдинбургский университет и всю жизнь слыл убежденным англоманом. Или, например, научные эксперименты с плодопеременным хозяйством с травосеянием Д. М. Полторацкого. Пройдя успешное обучение методам ведения сельского хозяйства в Германии и Англии, у себя на землях он использовал усовершенствованный плуг и борону с железными зубьями. Среди успешных новаторов в усадебном хозяйстве числятся многие представители русской аристократии, многие из которых были записными англоманами: князя И. И. Барятинский и А. И. Вяземский, или, например, княгиня А. С. Голицына.

Будучи первопроходцем в применении всевозможных промышленных новшеств на рубеже XVIII–XIX вв., Англия неизбежно столкнулась с часто многом губительными для природы последствиями бурного промышленного развития. Однако это неизбежное зло не остановило поступательное новаторское движение, а, скорее, подкрепило страстную увлеченность островитян природой. Стремление к слиянию с природой нашло свое выражение в развитии выставочных практик (например, *Chelsea Flower Show*) и садово-паркового искусства, известного как «английский сад», разработку концепции которого Дж. Мэйсон объясняет в «Эссе об устройстве садов» (1768) «независимостью ... в вопросах вкуса, религии и правления» [Wilson 1955, с. 103]. Подобные шаблоны, растиражированные культурой, со временем становятся нормативной инстанцией транснационального уровня, способствующей продуктивной реализации просветительских проектов, которые позднее нашли свое успешное отражением в частных владениях русского дворянства исследуемого периода.

Описание английского сада, данное Н. Певзнером, исчерпывающе объясняет притягательность рукотворного пейзажа: «Английский сад, *Jardin Anglais, Englischer Garten*, – это несимметричный, нерегулярный сад, состоящий из разнообразных частей, среди которых озеро с неравными берегами, извилистые аллеи и дорожки, деревья, собранные в неправильные группы, и ровная мягкая лужайка с травой,

подстриженной людьми или выщипанной овцами, подходящая прямо к высоким окнам, открывающимся в сад» [Певзнер 2004].

С точки зрения господствующей потитико-хозяйственной модели исследуемой эпохи, фактически единственным полем приложения интересов индивида в России были родовые земли и фамильные усадьбы, которые и стали местом проведения многочисленных экономических и художественных экспериментов. Понимание механизмов инокультурных заимствований не может игнорировать тот факт, что полноценное культурное потребление базируется на высоком уровне образования, воспитывающего развитый вкус и сопутствующее стремление к знаниям и овладению новыми навыками. Одновременно издержки внедрения инокультурных заимствований достаточно велики, а выгода неочевидна даже с точки зрения ближайшей перспективы. Примеры прикладных опытов самореализации в личных владениях демонстрируют внушительный творческий потенциал русского дворянства. Владельцы усадеб не просто пытаются импортировать западный опыт, но и стремятся полноценно использовать имеющиеся ресурсы для освоения лучших, по их мнению, инструментов эффективного развития. Избавляясь от стиля ведения хозяйства, характерного для России, предшествующей концу XVIII в. эпохи, землевладельцы используют частные стимулы и инициативы для того, чтобы «сконструировать» идеальное устройство для развития в будущем. Например, одно из владений князей Воронцовых, Алупка, вполне можно считать универсальной архитектурной летописью мира, включающая не только традиционную для русской усадьбы Православную церковь, но и Индийскую мечеть, Итальянскую гостиницу, Азиатский и Греческий павильоны, английский сад и т. д. Это пример неизбежного, весьма целеустремленного отбора и переоценки предлагаемых извне духовных ценностей. Дворцово-парковая резиденция Мещериново Б. П. Шереметева – еще один удачный пример западных идей и технологий, переработанных на «русский манер».

Традиция воплощает в себе подлинную историю, отшлифованную временем, когда, как консерватизм воплощает в себе стремление следовать традиции, однако новаторство не позволяет ограничивать развитие. Целостность внутреннего, малого, мира не противоречит взаимодействию с внешним, большим, миром. Английское уважение к традиции и консерватизмы манипулятивно-обаятельны, потому что

предлагают инструментарий, который может, используя индивидуально отобранные технологии и приемы, создать и переформатировать физическое пространство, обустривая его под постоянно меняющиеся нужды. Это огромное поле для экспериментов, выходящих за рамки многочисленных стереотипов. «Порой печать отъединенности бросается в глаза: именующие себя «нон-конформистами» англичане – союз согласных лишь в несогласии с обществом», – характеристика, данная англичанам Х. Ортега-и-Гассет [Ортега-и-Гассет 1992] объясняет причины, по которым английская бытовая традиция стала и во многом остается важнейшим центром притяжения. Еще в середине XIX века Р. У. Эмерсон попытался дать в самом общем виде объяснение динамики развития Великобритании: «Англия – есть лучшая из современных наций ... она в течение прошлого века наложила неизгладимый отпечаток на знания, практическую деятельность и открыла человечеству новые возможности. <...> Рассудок англичан всякую абстракцию превращает в полезную вещь <...>. Разум их не пребывает в ослеплении от самих себя, но стремится к достижению практического результата. Каждый островитянин сам являет собой остров, защищенный, спокойный, неподвижный, не склонный завязывать отношений с незнакомцами» [Певзнер 2004].

Заключение

Россия рубежного периода XVIII–XIX вв. стремилась к обновлению, находясь в поиске желанного образца развития.

Как и в любом развивающемся обществе осуществлялся как спонтанный, так и целесообразный отбор зарубежных практик. Процесс абсолютно естественный, но сама селекция созвучна социальным процессам, господствующим в обществе в конкретный исторический период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бартон Э. Повседневная жизнь англичан в эпоху Шекспира. М.: Молодая гвардия, 2005. [Barton, Je. (2005). *Povsednevnaja zhizn' anglichan v epohu Shekspira. (Everyday Life of the English in Shakespeare's Epoch)*. Moscow: Molodaja gvardija. (In Russ.)].
- Певзнер Н. Английское в английском искусстве. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 92–206. [Pevzner, N. (2004). *Anglijskoe v anglijskom iskusstve. (Englishness in English Art)*, pp. 92–206). St. Petersburg: Azbuka-klassika. (In Russ.)].

- Рассел Б.* История Западной философии. Новосибирск: Сибирское университетское изд-во, 2007. [Russel, B. (2007). *Istorija Zapadnoj filosofii (The History of Western Philosophy)*. Novosibirsk: Sibirskoje universitetskoje izd-vo. (In Russ.)].
- Стендаль А.-М.* Собрание сочинений: в 12 т. Т. 7. М.: Художественная проза, 1978. [Stendal', A.-M. (1978). *Sobranie sochinenij. (Collection of Works)*: in 12 vols., vol. 7. Moscow: Hudozhestvennaja proza. (In Russ.)].
- Чаадаев П. Я.* Философические письма. Письмо первое / Чаадаев П. Я. Сочинения. М.: Правда, 1989. [Chaadaev, P. Ja. (1989). *Filosoficheskie pis'ma. Pis'mo pervoe. Chaadaev P. Ja. Sochinenija. (Philosophical Letters. Letter One. Chaadaev, P. Ja. Essays)*. Moscow: Pravda. (In Russ.)].
- Jenks L. H.* *The Migration of British Capital*. London, 1927.
- Wilson F. M.* *Strange Island*. London, 1955.
- Wolfit D.* *First Interval*. London, 1954.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Гуманитарные науки	Humanities
Выпуск 7 (836)	Issue 7 (836)

Ответственный редактор выпуска 7 (836)
кандидат филологических наук доцент Е. М. Кирсанова

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 17.11.2020
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 16,5.
Заказ № 106/20

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

За аутентичность цитат отвечают авторы.

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна.